

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ НАУКИ

Научно-практический журнал

Издается с 2011 года

MANAGEMENT SCIENCES

Scientific and Practical Journal

Published since 2011

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77–82266
от 23 ноября 2021 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77–82266
of 23, November, 2021

Периодичность издания – 4 номера в год

Publication frequency – 4 issues per year

**Учредитель: Финансовый университет,
Москва, Россия**

**Founder: Financial University,
Moscow, Russia**

Журнал ориентирован на научное обсуждение
актуальных проблем в области теории и практики
управления. Журнал входит в перечень периодических
научных изданий, рекомендуемых ВАК для публикации
основных результатов диссертаций на соискание
ученых степеней кандидата и доктора наук, включен
в систему Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ)

The Journal is oriented towards scientific discussion
of present-day topics in the sphere
of Theory and Practice of Management.
The Journal is included in the list
of academic periodicals recommended by the Higher
Attestation Commission for publishing the main findings
of PhD and ScD dissertations, included into the system
Russian Science Citation Index

Все статьи журнала «Управленческие науки»
публикуются с указанием цифрового идентификатора
объекта (digital object identifier, DOI)

All articles of journal Management Sciences
in Russia are published with a digital
object identifier (DOI)

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44108 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44108 in the consolidated
catalogue “The Press of Russia”

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Н.М. Абдикеев, главный редактор, доктор технических наук, профессор, директор Института финансово-промышленной политики Финансового университета, Москва, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Алиев Р.А., доктор технических наук, профессор Азербайджанского государственного университета нефти и промышленности, член-корреспондент Национальной Академии наук Азербайджана, профессор Университета штата Джорджия, США; Директор совместных программ ВВА, МВА Азербайджанского государственного университета нефти и промышленности с Государственным университетом Джорджии, США и Университетом Зигена, Германия, г. Баку, Азербайджан

Баранов А.О., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, заведующий кафедрой экономической теории Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия

Бруно С.С., доктор наук, профессор Университета г. Мессина, Италия; научный сотрудник Центра российских и евразийских исследований им. Дэвиса и Института количественных социальных наук, Гарвардский университет, США

Брусакова И.А., доктор технических наук, профессор, действительный член Метрологической академии РФ, действительный член Международной академии высшей школы, заведующая кафедрой инновационного менеджмента Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета имени В.И. Ленина, Санкт-Петербург, Россия

Клейнер Г.Б., доктор технических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заместитель научного руководителя Центрального экономико-математического института РАН, руководитель научного направления «Мезоэкономика, микроэкономика, корпоративная экономика», заведующий кафедрой «Системный анализ в экономике» Финансового университета, Москва, Россия

Ленчук Е.Б., доктор экономических наук, руководитель научного направления «Экономическая политика» Института экономики РАН, Москва, Россия

Маршев В.И., доктор экономических наук, заслуженный профессор Московского университета, профессор кафедры управления организацией экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Нуреев Р.М., доктор экономических наук, профессор, научный руководитель департамента экономической теории Финансового университета, ординарный профессор ВШЭ, Москва, Россия

Пашенко Ф.Ф., доктор технических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории «Интеллектуальные системы управления и моделирования» Института проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, профессор кафедры инфокоммуникационных систем и сетей МФТИ, Москва, Россия

Прокофьев С.Е., доктор экономических наук, профессор, ректор Финансового университета, Москва, Россия

Ряховская А.Н., доктор экономических наук, научный руководитель Института экономики и антикризисного управления, профессор департамента менеджмента и инноваций Финансового университета, Москва, Россия

Саймон Г., профессор, доктор наук, основатель и почетный председатель Simon-Kucher & Partners Strategy and Marketing Consultants, Бонн, Германия

Соловьев В.И., доктор экономических наук, профессор, руководитель департамента анализа данных и машинного обучения Финансового университета, Москва, Россия

Сумма Р., доктор экономики, заместитель редактора журнала «Review of Keynesian Economics», руководитель аспирантуры, Федеральный университет Рио де Жанейро, Бразилия

Ткаченко И.Н., доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической теории и корпоративного управления Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия

Трачук А.В., доктор экономических наук, профессор, генеральный директор АО «Гознак», декан факультета «Высшая школа управления», профессор департамента менеджмента и инноваций Финансового университета, Москва, Россия

Фанци С., профессор, доктор наук, директор Института креативного менеджмента и инноваций, Университет Киндай, Осака, Япония

Хафиз И.А., доктор наук, профессор, директор по профессиональной подготовке в области учета и финансов университета Абу-Даби, профессор кафедры бухгалтерского учета и финансов Нью-Йоркского технологического института, кампус в Абу-Даби, ОАЭ

Цыгалов Ю.М., заместитель главного редактора, доктор экономических наук, профессор департамента корпоративных финансов и корпоративного управления Финансового университета, Москва, Россия

EDITOR-IN-CHIEF

Abdikeyev N.M., Editor-in-Chief, Dr. Sci. (Tech), Professor, Director of the Institute of Financial and Industrial Policy, Financial University, Moscow, Russia

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Aliev R.A., Dr. Sci. (Tech), Professor, Azerbaijan State University of Oil and Industry, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Professor at Georgia State University, USA; Director of joint BBA, MBA programs of the Azerbaijan State University of Oil and Industry with the State University of Georgia, USA and the University of Siegen, Germany, Baku, Azerbaijan

Baranov A.O., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Deputy Director for Research, Institute of Economics and Industrial Production Organization of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Head, Department of Economic Theory, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Bruno S.S., PhD, Prof., University of Messina, Messina, Italy, Harvard Extension School, Associate of Davis Center for Russian and Eurasian Studies, Harvard University, USA

Brusakova I.A., Dr. Sci. (Tech.), Professor, Full Member of the Metrological Academy of the Russian Federation, Full Member of the International Academy of Higher Education, Head of the Department of Innovation Management, St. Petersburg State Electrotechnical University, Saint Petersburg, Russia

Kleiner G.B., Dr. Sci. (Tech.), Professor, Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of Science of the RAS Central Economic-Mathematical Institute, Head of the Scientific Direction "Mesoeconomics, Microeconomics, Corporate Economics", Head of the Department "System Analysis in Economics", Financial University, Moscow Russia

Lenchuk E.B., Dr. Sci. (Econ.), Head of the Scientific Direction "Economic Policy" of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Marshev V.I., Dr. Sci. (Econ.), Honored Professor of Moscow University, Professor of the Department of Organization Management, Economic Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Nureev R.M., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chairman for Research of the Department of Economic Theory, Financial University, Tenured Professor at the Higher School of Economics, Moscow, Russia

Pashchenko F.F., Dr. Sci. (Engr.), Professor, Chief Scientific Officer, Intelligence Systems for Management and Modeling Laboratory, RAS Trapeznikov Institute of Management Problems, Professor of the Department of Infocommunication systems and networks, MIPT, Moscow, Russia

Prokofyev S.E., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Rector of Financial University; Moscow, Russia

Ryakhovskaya A.N., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Scientific Director of the Institute of Economics and Crisis Management, Professor, Department of Management and Innovation, Financial University, Moscow, Russia

Simon H., Professor, PhD, Founder and Honorary Chairman Simon-Kucher & Partners Strategy & Marketing Consultants, Bonn, Germany

Soloviev V.I., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of Department of Data Analysis and Machine Learning, Financial University, Moscow, Russia

Summa R., PhD of Economics, Deputy Editor of the Review of Keynesian Economics, Head of Postgraduate Studies, Federal University of Rio de Janeiro, Brazil

Tkachenko I.N., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of Economic Theory, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

Trachuk A.V., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Director General of Goznak JSC, Dean, Faculty "Higher school of management", Professor of the Department of Management and Innovation, Financial University, Moscow, Russia

Fangqui X., Full Professor, PhD, Director of the Institute for Creative Management and Innovation, University Kindai, Osaka, Japan

Hafiz I.A., PhD, Associate Professor, Director of Professional Enrichment, Higher Collages of Technology, Professor, Department of Accounting and Finance, New York Institute of Technology, Campus Abu Dhabi, UAE

Tsigalov Yu.M., Deputy Chief Editor, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Department of Corporate Finances and Corporate Management, Financial University, Moscow, Russia

**Управленческие науки /
Management Sciences**

Том 12, № 3, 2022

Главный редактор:
Н.М. АбдикеевЗаведующий Редакцией
научных журналов:
В.А. ШадринВыпускающий редактор:
А.М. ПересыпкинаВерстка:
С.М. ВетровКорректор:
С.Ф. МихайловаПереводчик:
В.И. ТимонинаРеференс-менеджер:
В.М. Алексеев**Адрес редакции:**
125993, ГСП-3, Москва,
Ленинградский пр-т, 53,
комн. 5.9**Телефон:** 8 (499) 553-10-84
(вн. 10-84).
E-mail: uprнауки@mail.ru**Отдел подписки:**
тел./факс: 8 (499) 553-10-71
(вн. 10-80),
e-mail: sfmihajlova@fa.ru
С.Ф. МихайловаПодписано в печать
23.08.2022
Формат 60 × 84 1/8
Объем 16 п. л.
Заказ № 723Отпечатано
в отделе полиграфии
Финансового университета
(Москва,
Ленинградский пр-т, 51)© Финансовый университет,
2022Письменное согласие
редакции при перепечатке
материалов издания,
а также ссылки при
цитировании на журнал
Управленческие науки /
Management Sciences
обязательны.**ИНФОРМАЦИОННЫЕ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
В УПРАВЛЕНИИ***Ковальчук Ю.А., Степнов И.М., Бикаленко М.С.***Экосистемный подход к управлению взаимодействием
экономических агентов в промышленности 6***Михненко О.Е., Салин В.Н.***Управленческий учет: что подлежит цифровой трансформации? 24***Нафиков Р.Г.***Цифровизация банковской системы: риски и возможности
управления финансовыми активами 39****ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА УПРАВЛЕНИЯ***Абдикеев Н.М.***Импортозамещение в высокотехнологичных отраслях
промышленности в условиях внешних санкций 53****КОРПОРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ***Горошникова Т.А.***Особенности контекста отчета по устойчивому развитию
как отражение политики компании в отношении ESG-принципов 70***Краснова В.В., Крамаренко А.А., Фоменко А.С.***Стратегия развития вертикально интегрированных агропромышленных
компаний как инструмент ценообразования продовольственных
товаров 82****ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ***Еремин С.Г.***Меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов
в органах публичной власти в Российской Федерации и зарубежных
странах. 99****УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ***Ординарцев И.И.***Институциональные возможности развития опционных программ
вознаграждения высшего менеджмента в Российской Федерации . . 106***Ильин П.А.***Формирование управленческой модели оценки экономической
защищенности интересов личности 114**

INFORMATION AND DIGITAL TECHNOLOGIES IN MANAGEMENT*Kovalchuk Yu.A., Stepnov I.M., Bikalenko M.S.*

- Ecosystem Approach to the Management of Economic Agents’
Interaction in the Industry** 6

Mikhnenko O.E., Salin V.N.

- Management Accounting: What is Subject to Digital Transformation?** . . 24

Nafikov R.G.

- Digitalization of the Banking System: Risks and Opportunities
for Managing Financial Assets** 39

THEORY AND PRACTICE OF MANAGEMENT*Abdikeev N.M.*

- Import Substitution in High-Tech Industries
Under External Sanctions** 53

CORPORATE GOVERNMENT*Goroshnikova T.A.*

- Features of Context the Sustainability Report as a Reflection
of Company Policy for ESG-Principles** 70

Krasnova V.V., Kramarenko A.A., Fomenko A.S.

- Development Strategy of Vertically Integrated Agro-Industrial
Companies as a Pricing Tool for Food Products** 82

STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT*Eremin S.G.*

- Measures for the Prevent and Resolve Conflicts of Interest in Public
Authorities in the Russian Federation and Foreign Countries** 99

PERSONNEL MANAGEMENT*Ordinartsev I.I.*

- Institutional Opportunities for the Development of Option Programs
for Top Management Remuneration in the Russian Federation** 106

Ilyin P.A.

- Formation of Management Model for Assessment the Economic
Security of Individual Interests** 114

Management Sciences

Vol. 12, No. 3, 2022

Editor-in-Chief:
N.M. AbdikeevHead of Scientific Journals
Editorial Department:
V.A. ShadrinManaging Editor:
A.M. PeresyphkinaDesign, make up:
S.M. VetrovProofreader:
S.F. MikhaylovaTranslator:
V.I. TimoninaReference Manager:
V.M. Alekseev**Editorial office address:**
125993, GSP-3,
Moscow,
Leningradskiy prospekt, 53,
room 5.9**Tel.: 8 (499) 553-10-84
(internal 10-84).**
E-mail: uprnauki@mail.ru**Subscription department:**
tel.: +7 (499) 553-10-71
(internal 10-80),
e-mail: sfmihajlova@fa.ru
S.F. MihaylovaSigned for press on
23.08.2022Format 60 × 84 1/8
Length 16 p. s.
Order № 723Printed in the Publishing
House of the Financial
University
(51, Leningradsky prospect,
Moscow)© **Financial University, 2022**Editorial body written
consent for edition
materials reprinting
as well as quotation
references to the journal
“Managerial Sciences”
are binding.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-3-6-23

УДК 334.021.1(045)

JEL L51

Экосистемный подход к управлению взаимодействием экономических агентов в промышленности

Ю.А. Ковальчук^а, И.М. Степнов^б, М.С. Бикаленко^с^а Московский авиационный институт, Финансовый университет, Москва, Россия;^б Финансовый университет, Москва, Россия;^с МГИМО МИД России, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросам теоретико-методологического обоснования применения теории экосистем для управления взаимодействием акторов цифровой экономики в контексте развития промышленности, в том числе ее высокотехнологического сектора. **Предметом исследования** стала оценка объективных и субъективных составляющих процесса формирования общего цифрового пространства, необходимых для обеспечения взаимодействия при управлении предприятиями в условиях новой цифровой экономики, а **целью** – решение вопроса о выборе теоретического базиса в пользу теории экосистем.

Результаты работы, проведенной с использованием методов описания, научного анализа и синтеза, состоят в идентификации завершения цифровой трансформации при достижении экосистемного уровня, обосновании необходимых для этого условий; систематизации объективной потребности в обновлении классических подходов, доказательстве необходимости адаптации для экосистем моделей жизненного цикла с учетом неопределенности технологического развития и предложении оригинальной циклической модели, учитывающей трансформацию предприятий и форматы их взаимодействий в цифровой экономике. В качестве **выводов** представлены базисные положения об элементах единого цифрового пространства (платформа, сетевые эффекты и ожидания рынка) и динамическая модель его формирования на основе экосистемного подхода. Авторами сформированы **рекомендации** по созданию системы управления взаимодействием экономических агентов, учитывающей правила коммуникации экосистемных партнеров, конкуренцию между ними и возможности координации. **Актуальность** проделанной работы определяется предложением единой интерпретации процесса формирования общего цифрового пространства как одного из важнейших последствий цифрового прорыва экономики.

Ключевые слова: цифровая экономика; экосистема; бизнес-модель; управление; взаимодействие; единое цифровое пространство; цифровое решение; промышленность; промышленное производство; жизненный цикл

Для цитирования: Ковальчук Ю.А., Степнов И.М., Бикаленко М.С. Экосистемный подход к управлению взаимодействием экономических агентов в промышленности. *Управленческие науки*. 2022;12(3):6-23. DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-3-6-23

ORIGINAL PAPER

Ecosystem Approach to the Management of Economic Agents' Interaction in the Industry

J.A. Kovalchuk^а, I.M. Stepnov^б, M.S. Bikalenko^с^а Moscow Aviation Institute, Financial University, Moscow, Russia;^б Financial University, Moscow, Russia;^с MGIMO University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article is devoted to the theoretical and methodological substantiation of the ecosystem theory application to manage the interaction of digital economy actors in the context of industry's development, including its high-tech sector. **The subject** of the study was the assessment of objective and subjective components of the process of forming a united digital space necessary to ensure interaction in the enterprise management in the new digital economy, and **the goal**

© Ковальчук Ю.А., Степнов И.М., Бикаленко М.С., 2022

was to solve the question of choosing a theoretical basis in favor of ecosystem theory. **The results** of the article carried out using the methods of description, scientific analysis and synthesis consist in identifying the completion of digital transformation when the ecosystem level is reached, substantiating the necessary conditions for this; systematizing the objective need to update classical approaches, proving the need to adapt life cycle models for ecosystems taking into account the uncertainty of technological development and proposing an original cyclic model that takes into account transformation of enterprises and the formats of their interactions in the digital economy. As **conclusions**, the basic provisions on the elements of a united digital space (platform, network effects and market expectations) and a dynamic model of its formation based on an ecosystem approach are presented. The authors have formed **recommendations** for the creation of a management system for the interaction of economic agents, taking into account the rules of communication of ecosystem partners, competition between them and the possibilities of coordination. **The relevance** of the work done is determined by the proposal of a unified interpretation of the process of forming a united digital space as one of the most important consequences of the digital breakthrough of the economy.

Keywords: digital economy; ecosystem; business model; management; interaction; unified digital space; digital solution; industry; industrial production; life cycle

For citation: Kovalchuk J.A., Stepnov I.M., Bikalenko M.S. Ecosystem approach to the management of economic agents' interaction in the industry. *Management sciences*. 2022;12(3):6-23. DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-3-6-23

ВВЕДЕНИЕ

Становление цифрового мира привело к ряду необратимых изменений в экономике и обществе. Новый виток технического прогресса, обладающий скоростью распространения, значительно превышающей предыдущие, продолжает способствовать увеличению разрыва между странами, изменяя существующие экономические, технологические и социальные модели принятия решений и поведения. Вызванное этими факторами обновление технологий преобразует, по мнению исследователей, и экономические, и социальные, и политические отношения [1, 2]. Цифровая экономика во многом стала интегратором происходящих перемен. Россия, согласно оценкам¹ [3], несмотря на существенное отставание от лидеров, оказалась в перспективном сегменте цифровой экономики (рис. 1), (табл. 1).

Выявленные тенденции требуют более тщательной проработки и изучения на всех уровнях при обеспечении сбалансированности в национальных стратегиях развития и организации взаимодействия бизнеса и власти.

В настоящее время установлены два важнейших мегатренда, которые отражают большинство цифровых изменений современной экономики [4]:

- переход от торговли товарами к торговле видами деятельности, возникающими в цепочках создания стоимости, в результате чего появляются

ся промежуточные продукты, а не полные товары или услуги);

- рост наукоемких нематериальных активов и перенос в них ценностей (от патентов до моделей обслуживания), что существенно увеличивает значимость инноваций, а также способствует сокращению жизненного цикла технологий; обеспечивает рост развивающихся рынков, позволяющих реализовать оба мегатренда с более высокой эффективностью, чем старопромышленные районы.

Перспективность цифрового роста для России также подтверждается нарастанием затрат на его осуществление, что способствует накоплению потенциала для нового прорыва (рис. 2).

Во многих случаях цифровизацию определяют как общественный процесс [5], отражающий темпы изменений, обусловленных новыми технологиями. При этом рыночная власть в цифровой среде переключается с производителей на конечных пользователей, которые в результате вынуждены ожидать все более сложных цифровых услуг [6], а отношения (как общее родовое понятие происходящих современных процессов) реализуются в виде двух процессов: оцифровки (т.е. представления ранее существовавших и новых данных в цифровом формате) и цифровой трансформации, причем второй, основываясь на первом, формирует новые организационное и техническое взаимодействия. Следует отметить, что самую оцифровку отдельные исследователи, например [7], рассматривают как «разрушительное созидание» (по Й. Шумпетеру), обосновывая

¹ Digital Intelligence Index. The Fletcher School. Tufts University. URL: <https://digitalintelligence.fletcher.tufts.edu/trajectory> (дата обращения: 01.05.2022).

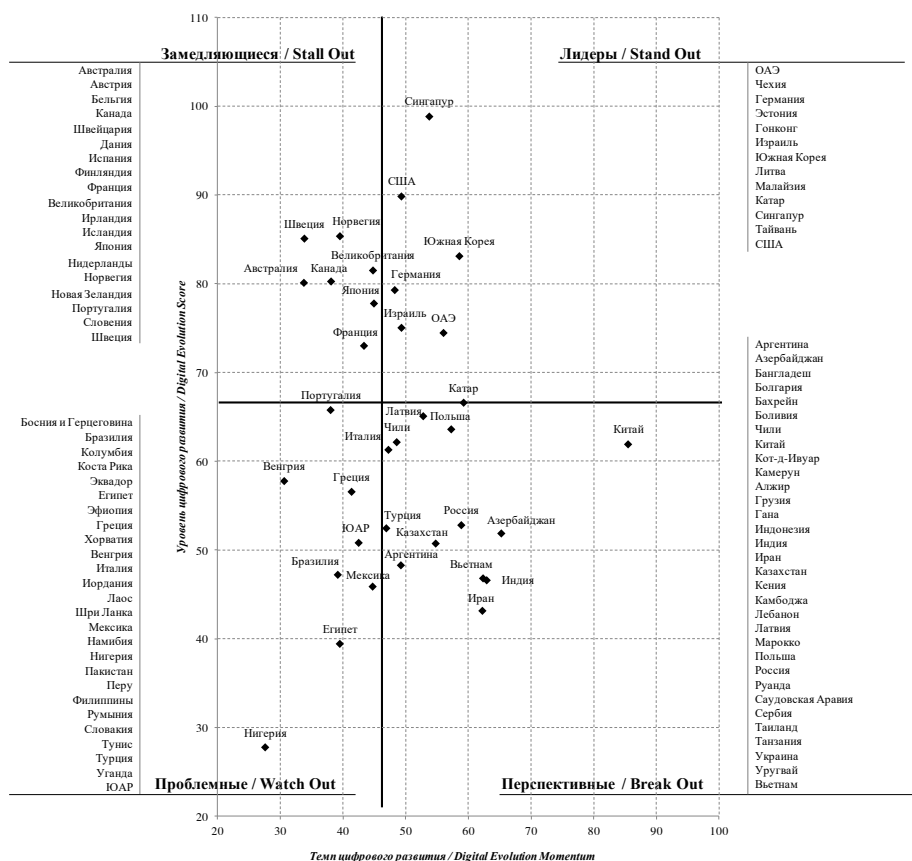

Рис. 1 / Fig. 1. Позиционирование стран по скорости и уровню цифрового развития, 2020 г. /
Positioning countries by speed and level of digital development, 2020

Источник / Source: составлено авторами на основе Digital Intelligence Index. The Fletcher School. Tufts University.

URL: <https://digitalintelligence.fletcher.tufts.edu/trajectory> (дата обращения: 01.05.2022), [3] / compiled by the authors based on Digital Intelligence Index. The Fletcher School. Tufts University. URL: <https://digitalintelligence.fletcher.tufts.edu/trajectory> (accessed on 01.05.2022), [3].

Таблица 1 / Table 1

Сравнительная характеристика высокотехнологических секторов экономики различных стран, 2019 г. / Comparative characteristics of high-tech sectors of the economy of various countries, 2019

Страна / Country	Россия / Russia	Германия / Germany	Норвегия / Norway	США / United States
Позиция страны по рейтингу цифрового развития (согласно рис. 1)	Перспективные	Лидеры	Замедляющиеся	Лидеры
Доля добавленной стоимости средне- и высокотехнологического сектора экономики, % от ВВП	30	62	43	47
Кол-во предприятий средне- и высокотехнологического сектора экономики, ед.	40 274	39 437	2097	171 147
Занятость в высокотехнологических секторах экономики, млн чел.	24,3	41,7	2,6	59,6
Добавленная стоимость на одного занятого в год, долл.	20 456,8	58 743,9	71 776,9	162 291,9

Источник / Source: составлено авторами на основе: Проблемы регулирования и правоприменительной практики, сдерживающие развитие высокотехнологических компаний в Российской Федерации. Экспертный центр при Уполномоченном и аппаратом общественного омбудсмана в сфере защиты прав высокотехнологических компаний-лидеров. Специальный доклад, 2020. URL: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2020/6.pdf> (дата обращения: 01.05.2022) / compiled by the authors on the basis: Problems of regulation and law enforcement practice hindering the development of high-tech companies in the Russian Federation. The Expert Center under the Commissioner and the office of the Public Ombudsman in the field of protection of the rights of high-tech leading companies Special Report, 2020. URL: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2020/6.pdf> (accessed on 01.05.2022).

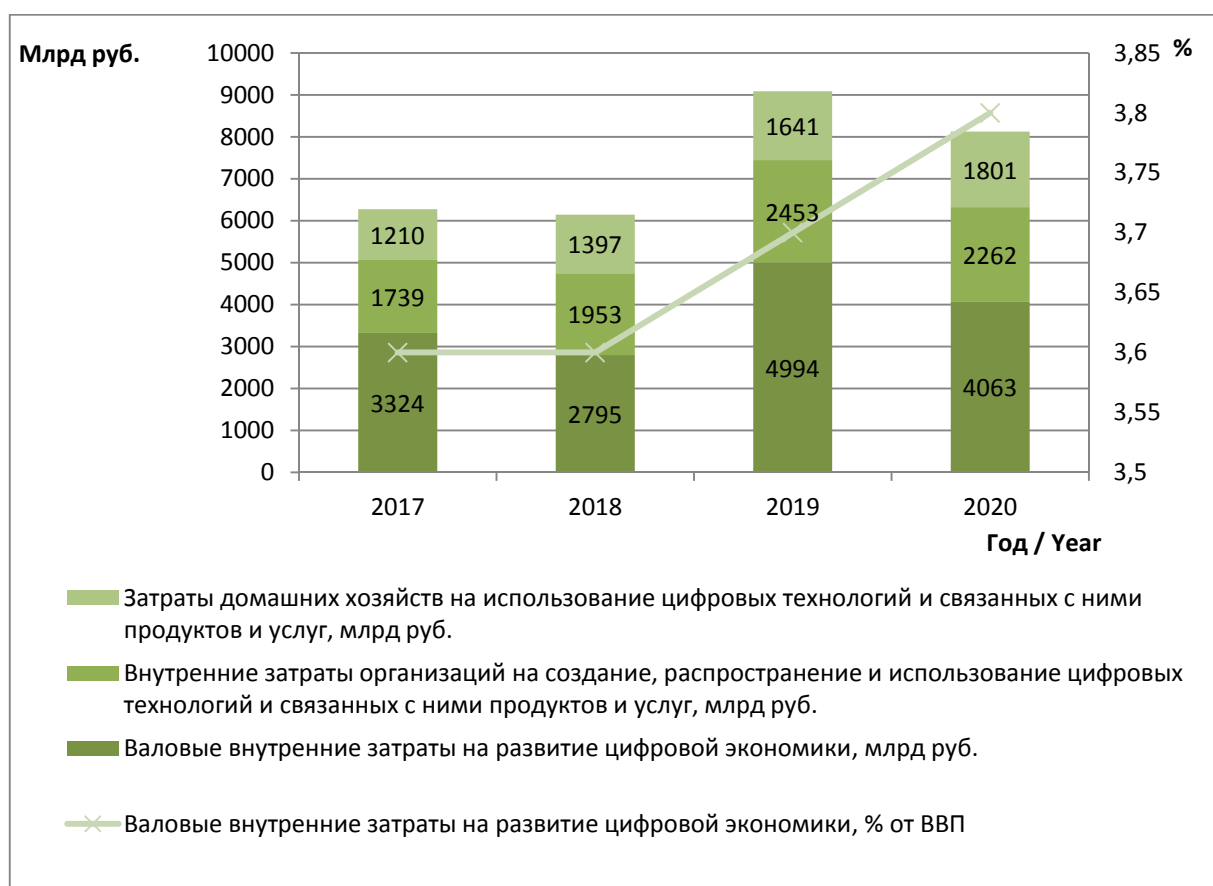

Рис. 2 / Fig. 2. Нарастание затрат на цифровизацию в России / Increasing costs of digitalization in Russia

Источник / Source: составлено авторами на основе: 2022. Цифровая экономика. Краткий статистический сборник. Гохберг Л.М., Кузьминов Я.И., Паршин М.В. и др., ред. М.: НИУ ВШЭ; 2022:12–13 / compiled by the authors on the basis: 2022. Digital Economy. A brief statistical collection. Gokhberg L.M., Kuzminov Ya.I., Parshin M.V. and others., eds. Moscow; HSE; 2022:12–13.

процессы созидания большей доступностью для потребителей при сокращении стоимости трансакций.

Наиболее реальную возможность экономического роста России, вследствие цифрового прорыва ставшей перспективным сегментом цифровизации (с учетом указанных мегатрендов и при условии увеличения потенциала коммуникационной сферы), дает концепция «единого цифрового пространства» (далее — ЕЦП) [8–11], становящаяся все более популярной как в научных исследованиях, так и в практических решениях.

Но возникшая категория, как и связанные с ней теоретические и методологические подходы, все еще не получили единой интерпретации, что приводит к потребности в ее обосновании в рамках макроэкономического понимания новых экономических отношений и организации отраслевых рынков.

Следует отметить, что процессы оцифровки и цифровой трансформации являются инструментом преобразования экономики, а не системообразующими факторами, и, следовательно, на их основе невозможно сформировать теоретический базис концепции ЕЦП. Исследовательский вопрос состоит в том, рассматривать ли его как: 1) новую теорию экосистем или 2) как развитие теоретических взглядов на формирование цепочек добавленной стоимости в цифровой среде вне зависимости от уровня субъектности такого пространства.

Первое направление становится сейчас наиболее общепринятым и развиваемым: оно опирается на организацию производства, теорию отраслевых рынков, дизайн рынков соответствия, теорию фирмы и теорию стратегического управления, чей научный багаж потребовал пересмотра на основе цифровых отношений и преобладания цифровых решений. Такие обновления, как правило, систе-

матизируются исследователями именно в рамках разрабатываемой теории экосистем.

Автор концепции экосистем в бизнесе Дж. Мур опубликовал свои первые работы в 1996 г., и с тех пор эта тема постоянно изучается с целью выявления тенденций и получения практических рекомендаций [12]. Ряд исследователей связывают доминирование крупных компаний (например, *Walmart* и *Microsoft*), формирующих единую цифровую среду как бизнес экосистему, с успехом их новых архитектур, определяя последние как «свободные сети поставщиков, дистрибьюторов, аутсорсинговых компаний, производителей сопутствующих товаров и услуг, поставщиков технологий и множества других организаций, которые влияют на создание и предоставление собственных предложений компании» [13]. Другие исследователи определяют цифровые экосистемы как «взаимодействующие организации, которые связаны с цифровым соединением и поддерживают модульность и не управляются иерархической властью» [14]. Кроме того, под экосистемой подразумевают «набор взаимосвязанных субъектов и факторов, скоординированных таким образом, чтобы они обеспечивали продуктивное предпринимательство на определенной территории» [15].

Основными элементами для построения успешной экосистемы называют следующие три — платформу, сетевые эффекты и ожидания рынка [16]. В рамках создания теоретического ландшафта для управления взаимодействием экономических агентов в промышленности в современных условиях развития цифровой экономики, при формировании ЕЦП будем отталкиваться от необходимости обеспечения таких параметров, как взаимозависимость, учет факторов, координация, продуктивное предпринимательство и ограниченность территории (национальным или субнациональным уровнем) и сопоставим базисные положения о нем с вышеупомянутыми элементами архитектуры экосистем, усиленными государственным регулированием и поддержкой.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Авторское представление о композиции понятия «единое цифровое пространство» основывается на четкой идентификации четырех крупных подходов к его определению:

1) сужение понятия «интернет» до специализированной цифровой среды, в рамках которой

осуществляется как само взаимодействие, так и управление им, ограниченное только техническими параметрами, без установления правил формирования и реализации в такой среде управленческих и экономических отношений; такому подходу присуще скорее понимание «общего» пространства, нежели «единого»; при этом совершенно очевидно, что может существовать несколько сегментов такого пространства, как связанных, так и независимых, но эта связанность (независимость) определяется не организационно-управленческими отношениями, а правилами (и процедурами) доступа к такой среде;

2) сужение цифрового пространства до отраслевой цифровой среды, обеспечивающей единство данных в рамках реализуемых отношений (единство информационной базы). Такое понимание позволяет выстраивать более доверительные отношения внутри нового пространства, исключая дублирование данных и обеспечивая их достоверность; но, тем не менее, в такой среде пока не предполагается реализации каких-либо алгоритмов взаимодействия или управления, за исключением регламентированных процедур, конкурсов или процедур, которые требуют стандартизации;

3) использование понятия «экосистема» в нотациях Дж. Мура и его последователей, включая как универсальные экосистемы, так и более специализированные, например предпринимательские, знаний, человеческого капитала, открытых инноваций и т.д.;

4) применение подходов, ориентированных на формирование цепочек создания стоимости для реализации конкретных проектов различного уровня и масштаба.

Важно отметить, что от первого подхода к четвертому происходит *снижение* уровня сложности с точки зрения масштабности и технического устройства самой системы, а степень алгоритмизации управленческих решений, напротив, *растет*.

Несомненно, наиболее широкое определение ЕЦП содержится в первом видении, которое подразумевает два варианта доступа к такой среде: либо полностью открытого, либо ограниченного регистрацией (открытого условно). Последующие же варианты характеризуются введением дополнительных ограничений, как функциональных, так и организационно-управленческих, которые также позволяют реализовать концепции протекционизма и экономического суверенитета (в том числе на национальном уровне), обеспечивая конкуренто-

способность стран в мировом пространстве при выбранной внутренней экономической политике (тогда как более открытым пространствам присущи глобальные тенденции).

Исходной предпосылкой данного исследования является изначальная ориентированность цифровой трансформации на три цели: снижение издержек, создание сети и объективация стоимости [17], и поэтому справедлив вывод о ее завершении при достижении экосистемного уровня (т.е. после цифровой трансформации операций и организационных процессов, как отмечается в исследовании специалистов Международной бизнес-школы при Массачусетском технологическом институте [США]) [18]. Это в свою очередь позволяет предположить, что для промышленности цифровая трансформация будет считаться завершённой после создания единого цифрового пространства. Данный вывод коррелирует с логикой четырех уровней определения экосистем, выделенных нами выше.

Авторы придерживаются следующей позиции относительно идентификации объективной потребности в обновлении классических подходов (включая характеристики цифровых отношений, в том числе и в рамках ЕЦП):

- изменение классического понятия «внешняя среда», которая в условиях цифровой экономики претерпевает существенные преобразования;
- отказ от ресурсных подходов к формированию стратегий, в том числе замена базового постулата, о том, что «стратегия является результатом оценки соответствия внешней среды и потенциала фирмы», утверждением, что «стратегия в цифровой среде как бизнес-модель является отражением потенциала клиентоцентричного сотрудничества»;
- трансформация содержания понятия «технология», которое становится двойным по своему содержанию, т.е. включает преобразующую и управляющую части, при этом последняя превращается исключительно в цифровую, включая доступ такой технологии.

Кроме того, свой отпечаток на указанные проблемы накладывает и переход к концепции «все как услуга»², определяющей многие новые свой-

ства цифровых экономических отношений, но при этом не создающей принципиально иных решений (с точки зрения конечного потребления), лишь во многом сокращая транзакционные издержки.

Первоначальный выбор теории экосистем в качестве теоретического базиса ЕЦП требует выделения и оценки основных проблем, с которыми сталкивается новая концепция.

Обосновывая ее потенциал отметим, что первая и главная проблема и связанная с ней дискуссия основаны на том, что экосистема (как и бизнес-модель, считающаяся основным стратегическим решением в экосистемах) является не мейнстримом как таковым, но совокупностью противоречий (противоположностей) — «хрупким балансом» [19] между интеграцией и дезинтеграцией. Это позволяет говорить о возможности диалектического видения цифрового пространства: два ключевых вектора: «центростремительные силы и центробежные силы» [19], являются диаметрально противоположными, и их компромисс во многом определяет формы существования цифровых решений.

Второй проблемой, которая значимо отражается в работах многих исследователей, является увлеченность функциональным подходом (что особенно актуально в условиях преобладания концепций экономики совместного использования, экономики услуг, и т.д.), который объективно описывает различные процессы и в цифровой экономике имеет преимущество перед продуктовым и процессным. Но чрезмерное выпячивание отдельных функций приводит скорее к негативному результату, чем к осознанному пониманию многих цифровых решений.

Третья проблема — постоянная динамика внешней среды, в которой начинает преобладать идея включения ресурсов в бизнес-модель, т.е. возникает радикальная потребность ухода от ресурсных стратегий: вместо задачи привлечения ресурсов актуальным становится вопрос их эффективного использования.

Авторы также определяют вопрос преимущественного выбора системы хозяйствования как дискуссионный — совершенно неожиданно для многих исследователей экосистема (а потенциально и ЕЦП) оказывается независимой к дихотомии «рынок-план» и может быть реализована в рамках как платформенного капитализма, так и регулирования экономики со значимым государственным участием. При этом очевидно, что теоретически обосновать

² Tech Trends 2017: The kinetic enterprise. Deloitte University Press. URL: <https://www.deloittedigital.com/us/en/blog-list/2017/the-kinetic-enterprise-announcing-deloittes-2017-tech-trends-report.html> (дата обращения: 01.05.2022).

эффективность (преимущество) экосистем в различных системах хозяйствования невозможно — она будет доказана практическим путем.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Место экосистем в циклической модели развития

К настоящему времени известно достаточно большое количество типов экосистем при недостаточной развитости самой типологии. Наиболее часто выделяют: экосистему бизнеса, предпринимательскую экосистему, инновационную экосистему, экосистему знаний [20]. Для исследователей также важно их деление на уровни — глобальный, национальный и субнациональный [21]; при этом рассматриваются не только производственные и креативные экосистемы, но и глобальные и региональные. В то же время в рамках внимания остается и сетевой потенциал с качественным выделением таких свойств, как «хорошо» или «плохо» функционирующая сеть [22]. Большинство ученых доминирующими считают оценки, отражающие качество разработки экосистем, поэтому попытки концептуализации их типов более конкретно только начинают реализовываться [23]. Совершенно очевидно, что для целей проектирования ЕЦП наиболее применима классификация, связанная с уровнем (национальный или субнациональный) или с секторальным разделением (например, производственный, креативный или научный).

Тем не менее следует сделать вывод, что типологизация экосистем будет затруднена без понимания их жизненного цикла, поэтому в рамках одной из моделей цикличности следует рассматривать, в частности, сам жизненный цикл [24] или показатель выживания (с учетом различного финансирования и влияния фактора времени) [25].

Во многом потребность в определении жизненного цикла связана некоторой неопределенностью технологического развития, присущей современным цифровым решениям; несомненно, для ее снижения при принятии решений необходимо оценивать не само развитие технологий (что существенно и важно для R&D), а их реализацию в обществе и экономике (что имеет большое значение для ЕЦП как экосистемы), которая наиболее полноценно выражена такими категориями, как «стратегии» и «бизнес-модели». Поэтому именно эти понятия использованы далее как базовые.

Для оценки жизненного цикла предпочтительными являются циклические модели, учитывающие элементы реализуемости технологий (с точки зрения ценности для потребителя) и диффузию инноваций (т.е. их развитие и потенциал коммерциализации для производителя). С учетом недостаточности накопленного опыта применения цифровых технологий практическая ценность моделей диффузии и конкуренции недостаточно высока, кроме того, в них отсутствует прямая связь с бизнес-моделью; при этом важно отметить, что одновременно с разработкой наиболее перспективных бизнес-концепций правильное сочетание технологических приоритетов не может быть точно определено [26].

Основой построения предлагаемой модели должен стать потенциал технологий — его возможно оценить с помощью следующих 8 метрик [27]: цели технической системы и цели бизнеса; фазы жизненного цикла продукта; его предпочитаемого варианта поведения на этих фазах; жизненного цикла продукта; технологических свойств; связи между свойствами продукта и желаемым выбором потребления; потенциальных эффектов от инвестиций и оценки финансовых показателей. Из данного перечня видно, что, например, для услуги, чей выход рынок характеризуется продолжительным периодом, может быть использовано ограниченное количество метрик, при этом популярные стоимостные измерения полностью зависимы от экспертных предположений, сделанных при оценке технических параметров [28]. Тем не менее в качестве вектора для циклической модели следует выбрать именно нарастание сложности, что позволит продемонстрировать смену бизнес-решений в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Такая периодизация может быть получена на основе разработанной ранее оригинальной авторской базовой модели, представленной на *рис. 3*.

Для обоснования применения ее определенного варианта необходимо уточнить константы, обеспечивающие преобладание индустриального и цифрового периодов, а для адаптации — различия между индустриализацией и цифровизацией:

- технологии обладают свойством нарастания сложности в рамках некоторого количества этапов своего развития до полной радикальной смены используемых решений;
- развитие экономических отношений носит циклический характер, характеризующийся не

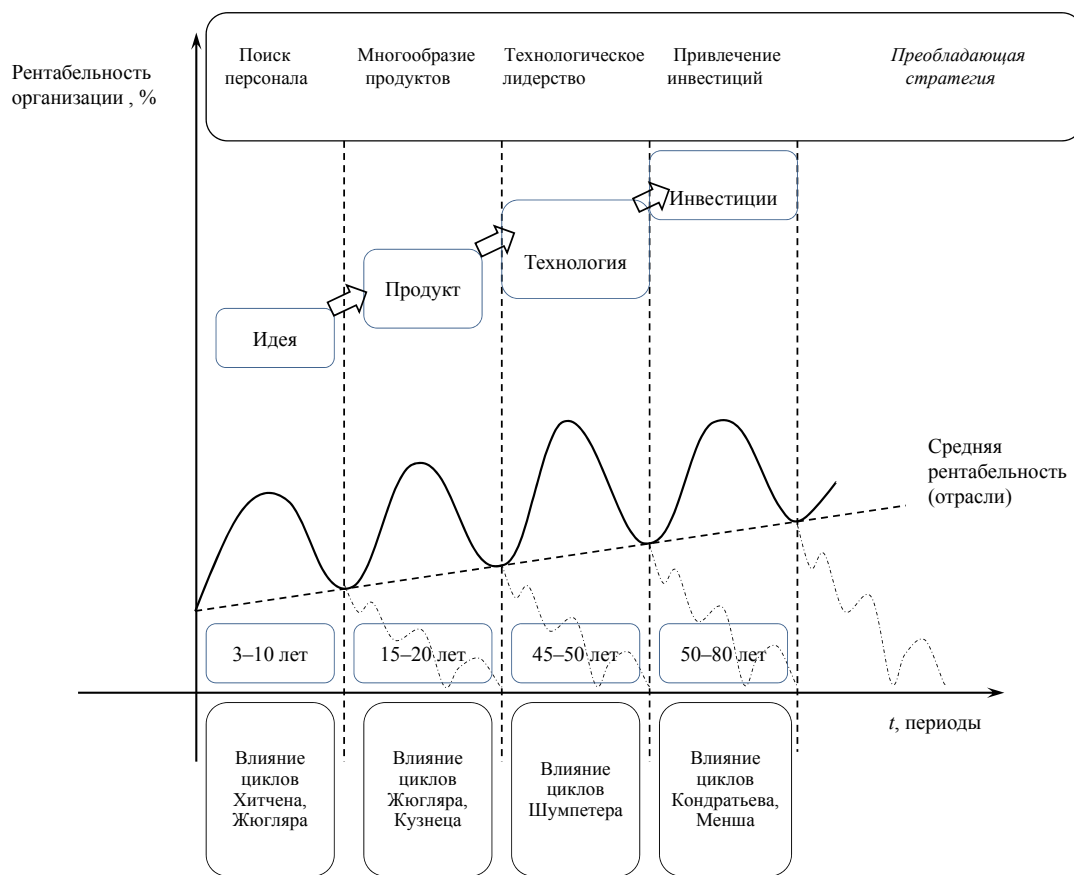

Рис. 3 / Fig. 3. Базовая модель цикличности развития организации /
The basic model of the company's cyclical development

Источник / Source: [29].

одним, а несколькими проявлениями различной периодичности.

Единство понимания и представления современной технологии обеспечивается выделением одновременно двух компонент. Первая является материальной (инструментальной или трансформационной), а вторая — состоит из управляющих решений, т.е. потока данных о технологии, передаваемых в управление [30]. Процесс доставки (логистика) в этом случае должен стать открытым и внешним — тогда будет обеспечено и единство представления как самой технологии, так и порожденных ею бизнес-моделей, что снизит неопределенность в будущем.

В результате были получены модели: трансформации преобладающей стратегии (рис. 4), циклическая, адаптированная к цифровой экономике (рис. 5) и их совокупность с учетом исторических данных (рис. 6).

Прежде всего отметим, что на рис. 5 рассматривается не компания, а бизнес-модель, так как различ-

ные организационные формы начинают терять свое предназначение в цифровой экономике: многие их внутренние издержки становятся сопоставимы с внешними и роль формального объединения в силу этого несколько снижается. Иными словами, новый виток развития бизнеса, а именно — цифрового, связан не с организационными формами предпринимательской деятельности и их стратегиями (включая стремление к сокращению расходов на свою поддержку), а как раз с бизнес-моделями, которые, имея физической структуры, все более и более приближаются к цифровой реальности будущего; уже последовательно (с определенной циклическостью) происходит и будет продолжаться замена их обобщенного типа, поддерживаемого различными технологиями (что уже имело место в индустриальной экономике).

Соответственно, «платформа» (рис. 3) отражает этап огромного количества различных стартапов, так называемую «идею», которая воплощалась, практически не затрагивая производства, оста-

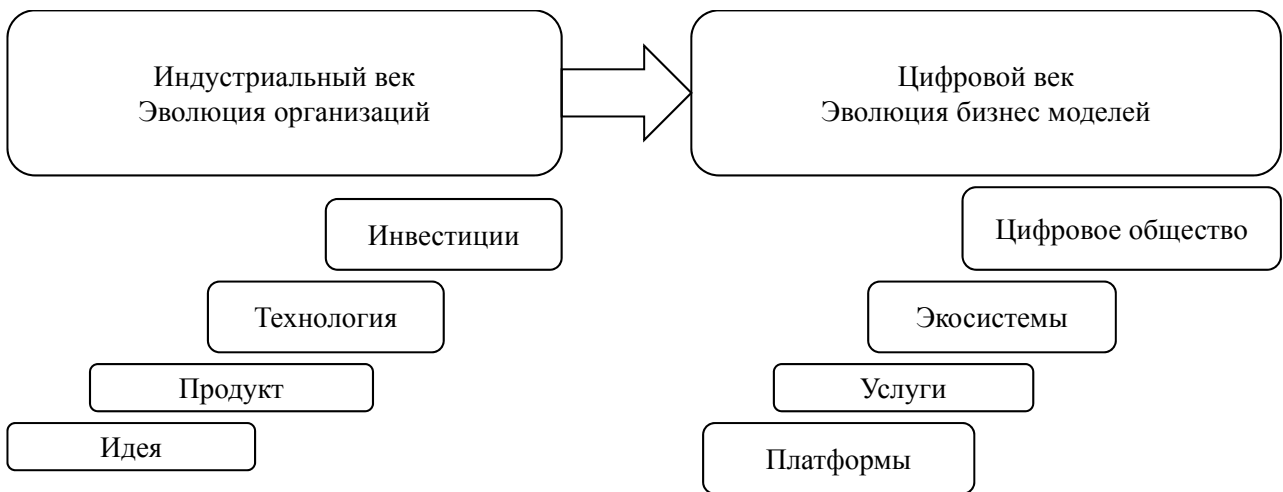

Рис. 4 / Fig. 4. Трансформация преобладающей стратегии / Transformation of the prevailing strategy

Источник / Source: [31].

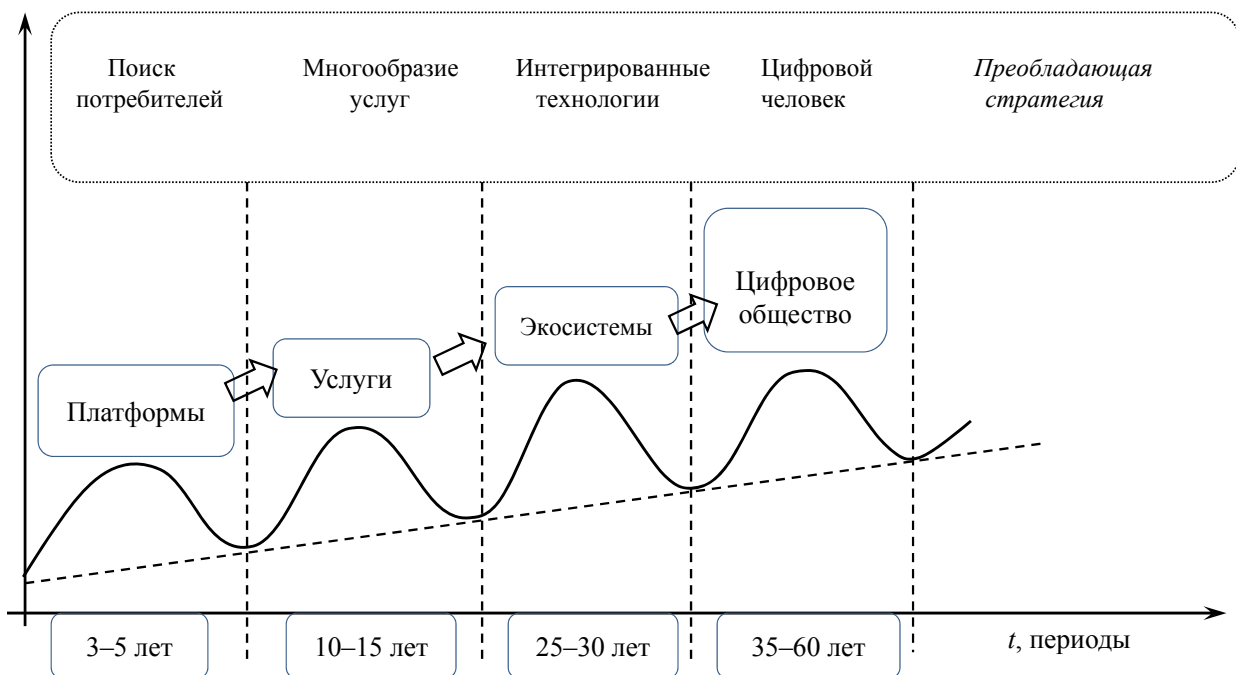

Рис. 5 / Fig. 5. Циклическая модель этапа «цифровая экономика» / Cyclical model of the “digital economy” stage

Источник / Source: [31].

вив ему перспективу оцифровки. В этот период передовыми выступали именно технологии-интеграторы, реализованные прежде всего путем коммуникаций. Такие платформы, редко производя товар, оказывали существенное влияние на распределение доходов в выстроенной цепочке создания стоимости.

Важно отметить, что именно в рамках создания стоимости технологии общего применения одержали «легкие» цифровые победы, сократив транзакционные издержки для ряда компаний, благодаря этому получивших лидерство. Однако следует учитывать, что при формировании целостной цифровой среды и ее распространении такие ре-

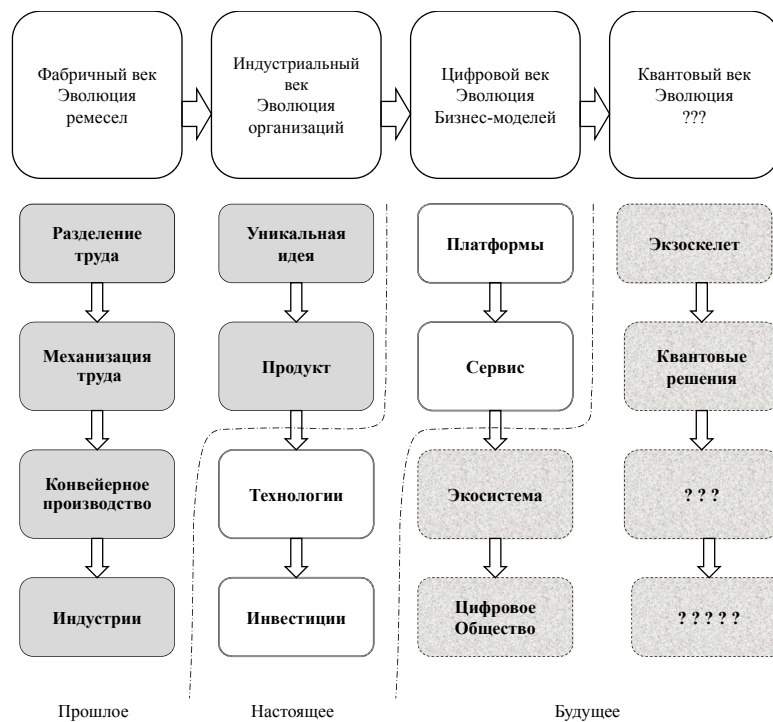

Рис. 6 / Fig. 6. Матричное представление модели цикличности / Matrix representation of the cyclicity model

Источник / Source: дополнено авторами на основе [31] / supplemented by the authors based on [31].

зультаты будут встречаться все реже, а их доходность сократится. Оценка продолжительности второго этапа эволюции цифровой экономики — 10–15 лет, и, следовательно, ориентировочно он завершится в 2025–2030 гг. Отметим, что особенностями этого периода должны стать активное замещение продукта услугой и развитие экономики совместного использования. Соответственно, ключевыми окажутся те технологии, которые это обеспечат.

Третий этап будет полностью посвящен созданию цифровых экосистем — именно там станет востребовано наше представление о технологии как многокомпонентной модели. Современные лидеры, несомненно, уже формируют первые экосистемные подходы, которые получают полноценное развитие только после реализации этапа «сервис». Также следует обратить внимание, что максимально возможная цифровизация к этому моменту будет завершена, цифровые преимущества превратятся в цифровую необходимость. О четвертом этапе в настоящее время можно говорить только применительно к его длительности и новому обществу, основанному на цифровых отношениях, контуры которого пока прослеживаются только в философских представлениях. Учитывая представленную модель цикличности (рис. 5), отметим, что создание

цепочек стоимости остается содержанием первого этапа («Платформы»), что не означает отказа от таких решений. Но, принимая установленные тенденции за основу, нужно ориентировать бизнес на формирование перехода к услугам в максимальном количестве сегментов.

Данная модель, примененная к ЕЦП, позволяет сделать следующие выводы:

- итоговый облик ЕЦП не определен, так как основной период создания таких решений ожидается в интервале 2025–2040 гг.;
- в связи с началом создания аналогичных ЕЦП важно, исследуя роль лидеров, скорректировать их будущий образ;
- становление ЕЦП как экосистемы не означает отказа от платформенных решений и сетей (в том числе цепочек создания стоимости), а, наоборот, переводит их из целевых ориентиров в обязательные для использования инструменты;
- формирование ЕЦП обязывает обратить внимание на ее основные элементы в рамках единой структуры в целях обеспечения устойчивости в будущих периодах: в ином случае отсутствие решений не позволит в будущем сформировать независимую ЕЦП и придется снова обратиться к импорту институтов (как это было в 90-е гг.).

Структура экосистем и новая цифровая среда

Структура экосистемы рядом авторов понимается как совокупность представленных элементов (поддерживающая предпринимательская культура, доступ к финансированию, доступ к человеческому капиталу, инновационный потенциал, официальные организации поддержки предпринимателей [32]), набор которых многими исследователями считается существенно важным и определяющим фактором ее эффективности [22].

Однако в представленном выше перечислении отсутствует такой важный компонент, как институциональная инфраструктура, понимаемая как совокупность «когнитивных, нормативных и регулятивных элементов и видов деятельности, которые обеспечивают стабильность и смысл социального поведения» [33].

По нашему мнению, в общем виде составляющие экосистемной основы ЕЦП можно разделить на несколько групп: экономическая политика государства; лидерство; финансирование; человеческий капитал; исследования (в ряде случаев — результаты исследований, определенные как знания); материальная инфраструктура (в большей части логистика и аренда); рынки; предпринимательская культура; коммуникации.

Каждый из них при практической реализации может быть раскрыт более подробно в зависимости от целей создаваемых пространств, но обязан обладать свойствами экосистемного элемента: не допускать двойственности и дублирования, быть масштабируемым, взаимодействовать с цифровыми решениями, функционировать в цифровой среде.

В связи с этим также важен и подход к формированию этой новой среды как основе «жизнедеятельности» ЕЦП. Основой разработки стратегий и ключевым звеном большинства связанных с ней процессов до начала цифровизации оставалась (а в ряде отраслевых сегментов все еще остается) внешняя среда, значимость которой определена еще в 50-е гг. прошлого века. Важнейшей логической конструкцией более полувека является предпосылка об оценке соответствия доступных ресурсов потенциалу внешней среды на основе рассмотрения организации как системы. В последующем эта теория дополнялась различными аспектами, включая институциональный. В итоге была предложена концепция целевой окружающей среды, включающей поставщиков, клиентов и конкурентов, которую можно определить как «приспособленческую» [34].

Однако в настоящее время происходит изменение парадигм даже по сравнению с 2010-ми гг. (табл. 2).

Преобразование внешней среды (при проектировании взаимодействий в промышленности в условиях цифровой трансформации) следует понимать как интеграцию в ЕЦП и ее самой, и доступных ресурсов, что облегчит их использование для участников; поэтому при создании ЕЦП необходимо учитывать возможности дизайна рынков соответствия. Выбор именно такого подхода в качестве базового вместо «приспособленческого», обеспечивающего требования соответствия внутренней среды внешней, является основным принципиальным отличием экосистем [35, 36]. При этом важно отметить, что создание рынков соответствия отнюдь не означает ухода с позиций рыночной экономики — даже наоборот, это позволяет повысить ее эффективность.

Кроме того, можно выделить несколько менее радикальных, но играющих существенную роль в проектировании взаимодействия в рамках экосистем и ЕЦП изменений, а именно:

- предпосылки для проектирования — анализ эффективности бизнес-модели вместо анализа соответствия внешней среды;
- учет и оценка доступности новых видов реальности — дополненной, виртуальной и смешанной — для различных процессов взамен доступности ресурсов;
- анализ границ экосистем (с учетом выхода за рамки традиционных отраслей) вместо играющего ранее ключевую роль отраслевого анализа;
- анализ участников цепочек добавленной стоимости как базовых элементов взамен анализа микро- и макроуровня и динамики индикаторов промышленного развития;
- использование децентрализованных финансовых сервисов для расчета взамен использования операций классических банков;
- привлечение финансов на основе цифровых подходов вместо классического долгового финансирования;
- использование внутреннего экосистемного критерия эффективности, а не традиционных оценок сохранности полезности внешней среды.

ВЫВОДЫ

Вполне определенно можно говорить о динамической модели формирования ЕЦП на основе экосистемного подхода, которая согласуется с выбран-

Таблица 2 / Table 2

Смена парадигмы общества (2010-е–2020-е гг.) / Changing the paradigm of society (2010s vs. 2020s)

Парадигма 2010-х гг. / The paradigm of the 2010s	Парадигма 2020-х гг. / The paradigm of the 2020s
Глобализация / Globalization	Протекционизм / Protectionism
Монетаризм / Monetarism	Кейнсианство / Keynesianism
Финансовые потери / Financial losses	Угроза жизни / Threat to life
Люди / People	Роботы / Robots
Дефляция / Deflation	Инфляция / Inflation
Сокращение заемных средств в банках / Reduction of borrowed funds in banks	Сокращение заемных средств компаний / Reduction of borrowed funds of companies
Низкие налоги / Low taxes	Высокие налоги / High taxes
Полезные ископаемые / Minerals	Чистая энергия / Clean energy
Восстановление экономики после кризиса / Economic recovery after the crisis	Антикризисные программы поддержки / Anti-crisis support programs
Акционеры / Shareholders	Стейкхолдеры / Stakeholders
Максимизация прибыли / Profit Maximization	Моральный капитализм / Moral Capitalism
Рост / Growth	Ценность / Value

Источник / Source: адаптировано и дополнено авторами на основе: Bank of America Merrill Lynch 2020 Market Outlook: Profits Rise, Economy Slows, Globalization Peaks, and Business-as-Usual Investing Comes to an End. 2019, 03 Desember. URL: <https://newsroom.bankofamerica.com/press-releases/global-markets/bank-america-merrill-lynch-2020-market-outlook-profits-rise-economy> (дата обращения: 01.05.2022) / adapted and supplemented by the authors based on: Bank of America Merrill Lynch 2020 Market Outlook: Profits Rise, Economy Slows, Globalization Peaks, and Business-as-Usual Investing Comes to an End. 2019, 03 Desember. URL: <https://newsroom.bankofamerica.com/press-releases/global-markets/bank-america-merrill-lynch-2020-market-outlook-profits-rise-economy> (accessed on 01.05.2022).

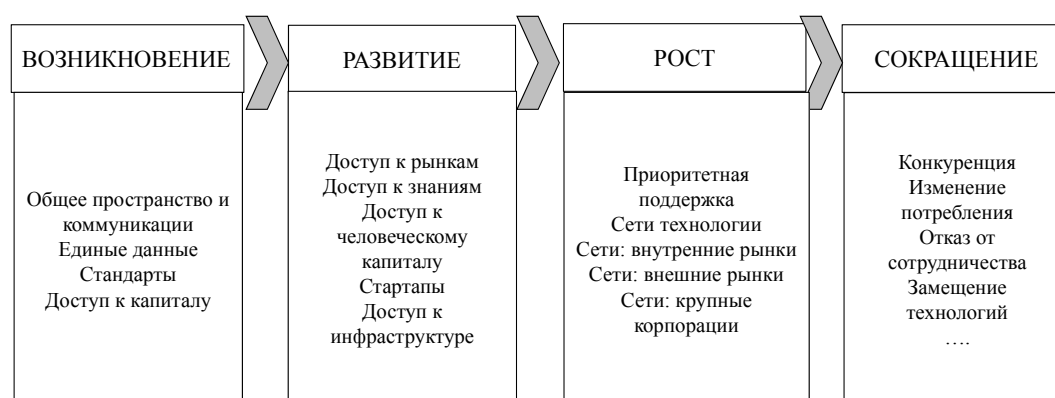

Рис. 7 / Fig. 7. Этапы формирования ЕЦП / Stages of formation of a single digital space

Источник / Source: разработано авторами / developed by the authors.

ной ранее моделью цикличности последнего, 4-го этапа развития (рис. 7). Каждый из них на рис. 7 представлен обобщенно, так как при проектировании ЕЦП выбор инициативных преимуществ, развивающих и обеспечивающих рост факторов,

должен быть осуществлен индивидуально с привязкой к конкретной задаче.

Принимая во внимание устойчивость во многом справедливого тезиса о том, что технологии преобразуют экономические связи, следует отметить,

что не меньшую роль в трансформации промышленности играют отношения координации и конкуренции. При этом основной вектор должен быть направлен в сторону их синтеза, или, иначе говоря, сотрудничества (от англ. cooperation). Несомненно, классическая модель, в соответствии с которой компания, имеющая доступ к дефицитным ресурсам, получает конкурентное преимущество, остается справедливым; тем не менее, закономерен и другой тезис: если противоположные стороны договариваются о сотрудничестве, то экономической результат становится более значимым. В итоге, при сохранении конкурентных отношений в рамках других процессов рост соперничества приводит к расширению сотрудничества, а не наоборот, к чему и стремятся отрасли с высоким и средним технологическим уровнем, связанные с одними и теми же поставщиками [37, 38].

Поэтому в качестве рекомендаций для создания структуры взаимодействий в промышленности при ЕЦП в рамках экосистемного подхода необходимо:

- четко устанавливать правила коммуникации между партнерами в рамках экосистемы, определяя их еще на уровне создания ее модели;
- с учетом того, что традиционно цепочки создания стоимости создавались как линейные, завершающиеся конечным потреблением, и для решения возникающих в них проблем были созданы вертикально интегрированные организации, обобщать применение в экосистемах других способов контроля и с их помощью находить компромисс между децентрализацией и централизацией через необходимое множество платформ (которые, в свою очередь, требуют типологизации и соответствующего измерения);

- определиться с вертикальной или горизонтальной интеграцией, исходя из условий контроля прибыли в создаваемой цепочке стоимости;
- разработать систему критериев выбора между координацией и сотрудничеством с точки зрения обеспечения технологической независимости от конкурентов, что, как правило, обеспечивается альтернативной возможностью отказа от взаимодействия с ними. При государственном участии такая альтернатива должна контролироваться на самом высоком уровне, допуская создание только тех цепочек создания стоимости, которые обладают технологическим суверенитетом;
- выбор сотрудничества должен подтверждаться конкретной ситуацией на рынке и поэтому иметь скорее краткосрочный и среднесрочный характер без обязательств на продолжительный период;
- оценивать функционирование экосистем для того, чтобы управлять ими; поскольку насчет предназначенных для этого методов пока нет единого мнения, возможно применение разных подходов [39], позволяющих сгруппировать способы измерения экосистем на основе множества элементов: индекса качества государственного управления (формальные институты); индекса предпринимательства (культура предпринимательства); сетей; физической инфраструктуры; финансов; лидерства; качества человеческого капитала; рыночного спроса; сервисов; возможности выхода дают основание для формирования базовых параметров проектирования экосистем с целью обеспечения современных цифровых взаимодействий в промышленности на благо развития экономики и общества.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

ACKNOWLEDGMENTS

The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state task of the Financial University.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Nelson R. R., Winter S. G. An evolutionary theory of economic change. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press; 1982. 454 p.
2. Berg S., Wustmans M., Bröring S. Identifying first signals of emerging dominance in a technological innovation system: A novel approach based on patents. *Technological Forecasting and Social Change*. 2019;146:706–722. DOI: 10.1016/j.techfore.2018.07.046

3. Бхалла А., Чакраворти Б., Чатурведи Р.Ш. Самые цифровые страны мира: рейтинг 2020 года. Гарвард Бизнес Ревью Россия. URL: <https://hbr-russia.ru/innovatsii/trendy/853688/>
4. Cano-Kollmann M., Hannigan T. J., Mudambi R. Global innovation networks — organizations and people. *Journal of International Management*. 2018;24(2):87–92. DOI: 10.1016/j.intman.2017.09.008
5. McAfee A. *Enterprise 2.0: New collaborative tools for your organization's toughest challenges*. Boston, MA: Harvard Business Press; 2009. 256 p.
6. Legner C., Eymann T., Hess T., Matt C., Böhm T., Drews P., Mädche A., Urbach N., Ahlemann F. Digitalization: Opportunity and challenge for the business and information systems engineering community. *Business & Information Systems Engineering*. 2017;59(4):301–308. DOI: 10.1007/s12599-017-0484-2
7. Valenduc G., Vendramin P. Digitalisation, between disruption and evolution. *Transfer: European Review of Labour and Research*. 2017;23(2):121–134. DOI: 10.1177/1024258917701379
8. Красильникова М.А., Максимов М.И. О перспективах создания единого цифрового пространства стран СНГ. Развитие интеграционных процессов в экономике России. М.: КноРус; 2018:161–165.
9. Ефремов А.А. Единые цифровые пространства: в поиске баланса между интеграцией и суверенностью. *Информационное право*. 2016;(3):36–39.
10. Василенко Н.В., Лапинская А.А., Хайкин М.М. Роль государственной политики в условиях формирования единого цифрового пространства. В кн.: *Инновационные кластеры цифровой экономики: теория и практика*. СПб.: Политех; 2018:51–76. DOI: 10.18720/LEP/2018.4/3
11. Лопатина Н.В. Теоретико-методологические основания проектирования единого цифрового пространства научных знаний. *Информация и инновации*. 2020;15(3):45–49. DOI: 10.31432/1994-2443-2020-15-3-45-49
12. Moore J.F. *The death of competition: Leadership and strategy in the age of business ecosystems*. New York: Harper Business; 1996. 320 p.
13. Iansiti M., Levien R. Strategy as ecology. *Harvard Business Review*. 2004;82(3):68–78.
14. Jacobides M., Cennamo C., Gawer A. Towards a theory of ecosystems. *Strategic Management Journal*. 2018;39(8):2255–2276. DOI: 10.1002/smj.2904
15. Spigel B., Stam E. Entrepreneurial ecosystems. In: Blackburn R.A., De Clercq D., Heinonen J., eds. *The SAGE handbook of entrepreneurship and small business*. London, Thousand Oaks, CA: SAGE Publications; 2018. DOI: 10.4135/9781473984080.n21
16. Valdez-de-Leon O. How to develop a digital ecosystem: A practical framework. *Technology Innovation Management Review*. 2019;9(8):43–54. DOI: 10.22215/timreview/1260
17. Kotarba M. Digital transformation of business models. *Foundations of Management*. 2018;10(1):123–142. DOI: 10.2478/fman-2018-0011
18. Kane G. C., Palmer D., Phillips A. N., Kiron D., Buckley N. Strategy, not technology, drives digital transformation. Cambridge, MA: MIT; 2015. 29 p. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/fr/Documents/strategy/dup_strategy-not-technology-drives-digital-transformation.pdf
19. Holgersson M., Baldwin C. Y., Chesbrough H., Bogers M.L.A.M. The forces of ecosystem evolution. *California Management Review*. 2022;64(3):5–23. DOI: 10.1177/00081256221086038
20. Cobben D., Ooms W., Roijackers N., Radziwon A., Ecosystem types: A systematic review on boundaries and goals. *Journal of Business Research*. 2022;142:138–164. DOI: 10.1016/j.jbusres.2021.12.046
21. Audretsch D. B., Belitski M. Towards an entrepreneurial ecosystem typology for regional economic development: The role of creative class and entrepreneurship. *Regional Studies*. 2021;55(4):735–756. DOI: 10.1080/00343404.2020.1854711
22. Spigel B., Harrison R. Toward a process theory of entrepreneurial ecosystems. *Strategic Entrepreneurship Journal*. 2018;12(1):151–168. DOI: 10.1002/sej.1268
23. Kapturkiewicz A. Varieties of entrepreneurial ecosystems: A comparative study of Tokyo and Bangalore. *Research Policy*. 2021:104377. DOI: 10.1016/j.respol.2021.104377
24. Clayton P., Feldman M., Montmartin B. et al. Funding emerging ecosystems. GREDEG Working Papers. 2019;(25). URL: <http://www.gredege.cnrs.fr/working-papers/GREDEG-WP-2019-25.pdf>

25. Auerswald P.E., Dani L. The adaptive life cycle of entrepreneurial ecosystems: The biotechnology cluster. *Small Business Economics*. 2017;49(1):97–117. DOI: 10.1007/s11187-017-9869-3
26. Tomičić M., Tomičić-Pupek K., Pihir I. Understanding digital transformation initiatives: Case studies analysis. *Business Systems Research Journal*. 2020;11(1):125–141. DOI: 10.2478/bsrj-2020-0009
27. Mämmelä J., Juuti T., Korhonen T., Julkunen P., Lehtonen T., Pakkanen J., Vanhatalo M. Evaluating the value and costs of technology in the manufacturing industry. In: Proceedings of NordDesign 2018 (Linköping, August 14–17, 2018). Tampere: Tampere University of Technology; 2018. URL: <https://www.designsociety.org/publication/40936/Evaluating+the+value+and+costs+of+technology+in+the+manufacturing+industry>
28. Chiesa V., Gilardoni E., Manzini R. The valuation of technology in buy-cooperate-sell decisions. *European Journal of Innovation Management*. 2005;8(1):5–30. DOI: 10.1108/14601060510578556
29. Степнов И. М. Управление инновациями: использование инновационного потенциала в промышленности. М.: Физматлит; 2001. 234 с.
30. Степнов И. М., Ковальчук Ю. А. Цифровая бизнес-модель: управление технологиями и контроль прибыли. *Инновации в менеджменте*. 2020;(3):68–79.
31. Stepnov I. The uncertainty of the technological future. In: Stepnov I., ed. Technology and business strategy: Digital uncertainty and digital solutions. Cham: Palgrave Macmillan; 2021:19–37. DOI: 10.1007/978-3-030-63974-7_2
32. Vedula S., Kim P.H. Gimme shelter or fade away: The impact of regional entrepreneurial ecosystem quality on venture survival. *Industrial and Corporate Change*. 2019;28(4):827–854. DOI: 10.1093/icc/dtz032
33. Hinings C.R., Logue D.M., Zietsma C. Fields, institutional infrastructure and governance. In: Greenwood R., Oliver C., Lawrence T.B., Meyer R.B., eds. The SAGE handbook of organizational institutionalism. London, Thousand Oaks, CA: SAGE Publications; 2017:170–197. DOI: 10.4135/9781446280669.n7
34. Demil B., Lecocq X., Warnier V. “Business model thinking”, business ecosystems and platforms: The new perspective on the environment of the organization. *M@n@gement*. 2018;21(4):1213–1228. DOI: 10.3917/mana.214.1213
35. Vulkan N., Roth A.E., Neeman Z., eds. The handbook of market design. Oxford, New York: Oxford University Press; 2013. 681 p.
36. Callon M., Roth A.E. The design and performance of markets: A discussion. *AMS Review*. 2021;11(2):219–239. DOI: 10.1007/s13162-021-00216-w
37. Miotti L., Sachwald F. Co-operative R&D: Why and with whom? An integrated framework of analysis. *Research Policy*. 2003;32(8):1481–1499. DOI: 10.1016/S 0048-7333(02)00159-2
38. Monteiro A.P., Soares A.M., Rua O.L. Linking intangible resources and export performance: The role of entrepreneurial orientation and dynamic capabilities. *Baltic Journal of Management*. 2017;12(3):329–347. DOI: 10.1108/BJM-05-2016-0097
39. Leendertse J., Schrijvers M., Stam E. Measure twice, cut once: Entrepreneurial ecosystem metrics. *Research Policy*. 2021:104336. DOI: 10.1016/j.respol.2021.104336

REFERENCES

1. Nelson R.R., Winter S.G. An evolutionary theory of economic change. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press; 1982. 454 p.
2. Berg S., Wustmans M., Bröring S. Identifying first signals of emerging dominance in a technological innovation system: A novel approach based on patents. *Technological Forecasting and Social Change*. 2019;146:706–722. DOI: 10.1016/j.techfore.2018.07.046
3. Bhalla A., Chakravarti B., Chaturvedi R.V. The most digital countries in the world: 2020 rating. Harvard Business Review Russia. URL: <https://hbr-russia.ru/innovatsii/trendy/853688/> (In Russ.).
4. Cano-Kollmann M., Hannigan T.J., Mudambi R. Global innovation networks — organizations and people. *Journal of International Management*. 2018;24(2):87–92. DOI: 10.1016/j.intman.2017.09.008
5. McAfee A. Enterprise 2.0: New collaborative tools for your organization’s toughest challenges. Boston, MA: Harvard Business Press; 2009. 256 p.

6. Legner C., Eymann T., Hess T., Matt C., Böhmant T., Drews P., Mädche A., Urbach N., Ahlemann F. Digitalization: Opportunity and challenge for the business and information systems engineering community. *Business & Information Systems Engineering*. 2017;59(4):301–308. DOI: 10.1007/s12599-017-0484-2
7. Valenduc G., Vendramin P. Digitalisation, between disruption and evolution. *Transfer: European Review of Labour and Research*. 2017;23(2):121–134. DOI: 10.1177/1024258917701379
8. Krasil'nikova M.A., Maksimov M.I. On the prospects of creating a single digital space of the CIS countries. In: Development of integration processes in the Russian economy. Moscow: KnoRus; 2018:161–165. (In Russ.).
9. Efremov A.A. Unified digital spaces: Finding the balance between integration and sovereignty. *Informatsionnoe pravo = Informational Law*. 2016;(3):36–39. (In Russ.).
10. Vasilenko N.V., Lapinskas A.A., Khaykin M.M. The role of state policy in the formation of a single digital space. In: Innovative clusters of the digital economy: Theory and practice. St. Petersburg: Polytech; 2018:51–76. (In Russ.). DOI: 10.18720/IEP/2018.4/3
11. Lopatina N.V. Theoretical and methodological bases for designing a unified digital space of scientific knowledge. *Informatsiya i innovatsii = Information and Innovations*. 2020;15(3):45–49. (In Russ.). DOI: 10.31432/1994-2443-2020-15-3-45-49
12. Moore J.F. The death of competition: Leadership and strategy in the age of business ecosystems. New York: Harper Business; 1996. 320 p.
13. Iansiti M., Levien R. Strategy as ecology. *Harvard Business Review*. 2004;82(3):68–78.
14. Jacobides M., Cennamo C., Gawer A. Towards a theory of ecosystems. *Strategic Management Journal*. 2018;39(8):2255–2276. DOI: 10.1002/smj.2904
15. Spigel B., Stam E. Entrepreneurial ecosystems. In: Blackburn R.A., De Clercq D., Heinonen J., eds. The SAGE handbook of entrepreneurship and small business. London, Thousand Oaks, CA: SAGE Publications; 2018. DOI: 10.4135/9781473984080.n21
16. Valdez-de-Leon O. How to develop a digital ecosystem: A practical framework. *Technology Innovation Management Review*. 2019;9(8):43–54. DOI: 10.22215/timreview/1260
17. Kotarba M. Digital transformation of business models. *Foundations of Management*. 2018;10(1):123–142. DOI: 10.2478/fman-2018-0011
18. Kane G.C., Palmer D., Phillips A.N., Kiron D., Buckley N. Strategy, not technology, drives digital transformation. Cambridge, MA: MIT; 2015. 29 p. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/fr/Documents/strategy/dup_strategy-not-technology-drives-digital-transformation.pdf
19. Holgersson M., Baldwin C.Y., Chesbrough H., Bogers M.L.A.M. The forces of ecosystem evolution. *California Management Review*. 2022;64(3):5–23. DOI: 10.1177/00081256221086038
20. Cobben D., Ooms W., Roijackers N., Radziwon A., Ecosystem types: A systematic review on boundaries and goals. *Journal of Business Research*. 2022;142:138–164. DOI: 10.1016/j.jbusres.2021.12.046
21. Audretsch D.B., Belitski M. Towards an entrepreneurial ecosystem typology for regional economic development: The role of creative class and entrepreneurship. *Regional Studies*. 2021;55(4):735–756. DOI: 10.1080/00343404.2020.1854711
22. Spigel B., Harrison R. Toward a process theory of entrepreneurial ecosystems. *Strategic Entrepreneurship Journal*. 2018;12(1):151–168. DOI: 10.1002/sej.1268
23. Kapturkiewicz A. Varieties of entrepreneurial ecosystems: A comparative study of Tokyo and Bangalore. *Research Policy*. 2021:104377. DOI: 10.1016/j.respol.2021.104377
24. Clayton P., Feldman M., Montmartin B. et al. Funding emerging ecosystems. GREDEG Working Papers. 2019;(25). URL: <http://www.gredeg.cnrs.fr/working-papers/GREDEG-WP-2019-25.pdf>
25. Auerswald P.E., Dani L. The adaptive life cycle of entrepreneurial ecosystems: The biotechnology cluster. *Small Business Economics*. 2017;49(1):97–117. DOI: 10.1007/s11187-017-9869-3
26. Tomičić M., Tomičić-Pupek K., Pihir I. Understanding digital transformation initiatives: Case studies analysis. *Business Systems Research Journal*. 2020;11(1):125–141. DOI: 10.2478/bsrj-2020-0009
27. Mämmelä J., Juuti T., Korhonen T., Julkunen P., Lehtonen T., Pakkanen J., Vanhatalo M. Evaluating the value and costs of technology in the manufacturing industry. In: Proceedings of NordDesign 2018 (Linköping, August 14–17, 2018). Tampere: Tampere University of Technology; 2018. URL: <https://www.>

- designsociety.org/publication/40936/Evaluating+the+value+and+costs+of+technology+in+the+manufacturing+industry
28. Chiesa V., Gilardoni E., Manzini R. The valuation of technology in buy-cooperate-sell decisions. *European Journal of Innovation Management*. 2005;8(1):5–30. DOI: 10.1108/14601060510578556
 29. Stepnov I.M. Innovation management: The use of innovative potential in industry. Moscow: Fizmatlit; 2001. 234 p. (In Russ.).
 30. Stepnov I.M., Kovalchuk J.A. Digital business model: Technology management and profit control. *Innovatsii v menedzhmente = Innovations in Management*. 2020;(3):68–79. (In Russ.).
 31. Stepnov I. The uncertainty of the technological future. In: Stepnov I., ed. Technology and business strategy: Digital uncertainty and digital solutions. Cham: Palgrave Macmillan; 2021:19–37. DOI: 10.1007/978-3-030-63974-7_2
 32. Vedula S., Kim P.H. Gimme shelter or fade away: The impact of regional entrepreneurial ecosystem quality on venture survival. *Industrial and Corporate Change*. 2019;28(4):827–854. DOI: 10.1093/icc/dtz032
 33. Hinings C.R., Logue D.M., Zietsma C. Fields, institutional infrastructure and governance. In: Greenwood R., Oliver C., Lawrence T.B., Meyer R.B., eds. The SAGE handbook of organizational institutionalism. London, Thousand Oaks, CA: SAGE Publications; 2017:170–197. DOI: 10.4135/9781446280669.n7
 34. Demil B., Lecocq X., Warnier V. “Business model thinking”, business ecosystems and platforms: The new perspective on the environment of the organization. *M@n@gement*. 2018;21(4):1213–1228. DOI: 10.3917/mana.214.1213
 35. Vulkan N., Roth A.E., Neeman Z., eds. The handbook of market design. Oxford, New York: Oxford University Press; 2013. 681 p.
 36. Callon M., Roth A.E. The design and performance of markets: A discussion. *AMS Review*. 2021;11(2):219–239. DOI: 10.1007/s13162-021-00216-w
 37. Miotti L., Sachwald F. Co-operative R&D: Why and with whom? An integrated framework of analysis. *Research Policy*. 2003;32(8):1481–1499. DOI: 10.1016/S 0048-7333(02)00159-2
 38. Monteiro A.P., Soares A.M., Rua O.L. Linking intangible resources and export performance: The role of entrepreneurial orientation and dynamic capabilities. *Baltic Journal of Management*. 2017;12(3):329–347. DOI: 10.1108/BJM-05-2016-0097
 39. Leendertse J., Schrijvers M., Stam E. Measure twice, cut once: Entrepreneurial ecosystem metrics. *Research Policy*. 2021:104336. DOI: 10.1016/j.respol.2021.104336

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Юлия Александровна Ковальчук — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры энергетического сервиса и управления энергосбережением, Московский авиационный институт, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник Института финансово-промышленной политики, Финансовый университет, Москва, Россия

Julia A. Kovalchuk — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Professor of Department of Energy Service and Energy Saving Management, Moscow Aviation Institute, Moscow, Russia; Leading Researcher at the Institute of Financial and Industrial Policy, Financial University, Moscow, Russia
<http://orcid.org/0000-0002-9959-3090>
 fm-science@inbox.ru

Игорь Михайлович Степнов — доктор экономических наук, профессор, профессор департамента корпоративных финансов и корпоративного управления, Финансовый университет, Москва, Россия

Igor M. Stepnov — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Professor of the Department of Corporate Finance and Corporate Governance, Financial University, Moscow, Russia
<http://orcid.org/0000-0003-4107-6397>
 stepnoff@inbox.ru

Максим Станиславович Бикаленко — очный аспирант, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, Москва, Россия
Maksim S. Bikalenko — full-time graduate student, MGIMO University, Moscow, Russia
<http://orcid.org/0000-0003-1229-8150>
msbikalenko@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

Ковальчук Ю.А. — концептуализация исследования, подготовка первоначального проекта исследования, обзор и редактирование, проверка достоверности результатов исследования.

Степнов И.М. — постановка проблемы, методология исследования, разработка концепции статьи, концепт-дизайн рисунков 3–5, описание результатов и формирование выводов исследования.

Бикаленко М.С. — подбор источников, формирование и обработка статистических и аналитических данных, анализ теоретических положений по теме исследования.

The declared contribution of the authors:

Kovalchuk J.A. — conceptualization of the research, preparation of the initial draft of the research, review and editing, validation of the research results.

Stepnov I.M. — problem statement, research methodology, development of the article's concept, concept-design of figures 3-5, description of the results and formation of research results.

Bikalenko M.S. — selection of sources, formation and processing of statistical and analytical data, analysis of theoretical provisions on the research topic.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила в редакцию 23.05.2022; после рецензирования 25.05.2022; принята к публикации 05.06.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 23.05.2022; revised on 25.05.2022 and accepted for publication on 05.06.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-3-24-38

УДК 311;338.24.004.9(045)

JEL M40

Управленческий учет: что подлежит цифровой трансформации?

О.Е. Михненко^а, В.Н. Салин^б^а Российский университет транспорта (МИИТ), Москва Россия;^б Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предметом статьи являются проблемы трансформации на базе прорывных цифровых технологий деятельности по информационному обеспечению управления и использованию учетной информации в принятии управленческих решений. Авторы в ходе исследования анализируют современное состояние управленческого учета и доказывают, что только факторная информационная модель способна обеспечить осуществление функций собственно управления объектом, позволяя вести наблюдение, исходя из требований оперативно-технического, бухгалтерского и статистических учета и интеграции их данных. На примере системы показателей производительности (качественно определенного количества) продемонстрировано, что в ее рамках можно реализовать такие требования к данному фактору, как предметность, точность и конкретность труда; а на примере системы показателей основных средств – гармонизировать функции, реализуемые в отношении данного объекта. В статье также обосновано заключение, что решение проблем цифровой трансформации может обеспечить информационная система, функционирующая на базе платформы с использованием в том числе технологий *Big Data* и облачной – *DaaS*, взаимодействующей с активными элементами интернет-сообщества. В ходе исследования при обобщении современных концепций управления экономическими системами, направлений развития цифровых технологий и их внедрения в процессы информационного обеспечения управления использованы **методы** системного и сравнительного анализа.

Ключевые слова: информационное обеспечение управления; управленческий учет; учетные системы; цифровизация; цифровая трансформация; информационная модель; Big Data; DaaS

Для цитирования: Михненко О.Е., Салин В.Н. Управленческий учет: что подлежит цифровой трансформации? *Управленческие науки.* 2022;12(3):24-38. 10.26794/2304-022X-2022-12-3-24-38

ORIGINAL PAPER

Management Accounting: What is Subject to Digital Transformation?

O.E. Mikhnenko^а, V.N. Salin^б^а Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia;^б Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subject of the article are the problems of transformation on the basis of breakthrough digital technologies of activity on information support of management and use of accounting information in managerial decision-making. The authors in the course of the research analyze the current state of management accounting and prove that only a factor information model is able to ensure the implementation of the functions of the actual management of the object, allowing observation based on operational, technical, accounting, statistical and data integration requirements. On the example of the system of productivity indicators (qualitatively defined quantity), it is demonstrated that it is possible to implement such requirements for this factor as the object, accuracy and specificity of the work; and an example of a system of indicators for fixed assets – harmonies the functions performed for the object. The article also substantiates the conclusion that the solution of the problems of digital transformation of speech can be provided by an information system functioning based on the platform using *Big Data* and cloud technologies – *DaaS* interacting with active elements of the Internet community. In the course of the study, in generalization of modern concepts of management of economic systems, directions of development of digital technologies and their implementation in the processes of information management, **methods** of system and comparative analysis were used.

© Михненко О.Е., Салин В.Н., 2022

Keywords: information support of management; management accounting; accounting systems; digitalization; digital transformation; information model; Big data; DaaS

For citation: Mikhnenko O. E., Slain V.N. Management accounting: What is subject to digital transformation? *Management Sciences*. 2022;12(3):24-38. 10.26794/2304-022X-2022-12-3-24-38

ВВЕДЕНИЕ

Вызовом сегодняшнего дня считается требование высокой эффективности предприятия как бизнес-единицы, однако укрепление его позиции на рынке товаров и услуг во многом зависит от принятия и реализации высококачественных управленческих решений. Поэтому в настоящее время перед любой системой управления крайне остро встают задачи организации ее деятельности с использованием современных инструментов, в числе которых наиболее востребованными в условиях реализации национальных программ в данной области выступают цифровые технологии. С этой целью принимаются решения, направленные на развитие технической и технологической базы для сбора, формирования, хранения и обработки данных, относящихся к разным сферам общественной жизни. Цифровые же технологии становятся основой цифровых трансформаций, обеспечивающих глубокие преобразования с выходом, в том числе, на новое качество [1].

Сразу подчеркнем, что эффективность любой трансформации определяется степенью ее соответствия теоретическим и методологическим основам деятельности, выступающей объектом преобразований. Это утверждение обусловлено тем, что цифровые трансформации способны ответить на вопрос: «*каким образом это можно делать*»? и лишь в общих чертах — на вопрос «*что делать*»? То есть практически не затрагивают первичных проблем.

А между тем необходимость поиска их решения вызвана многими факторами, причем одним из первостепенных является установление места подлежащей цифровой трансформации информационной деятельности в сфере управления; не менее значимую роль играют и другие обстоятельства, касающиеся явлений экосреды, начиная с области информационных технологий и заканчивая политикой управления сложными экономическими системами. При этом важно учитывать, что поиск ответа на любой из возникающих вопросов будет сопряжен с двумя проблемами: принятием эффективного управленческого решения и информационным обеспечением этого процесса [2], которые связаны с наблюдением за всем многообразием проявлений сущности функцио-

нирования и развития бизнес-единицы, влияющих на ее поведение и изменяющихся под воздействием внешней среды.

Значение информационной деятельности в силу объективных причин нельзя недооценивать; более того, эффективность ее преобразования будет определять возможности изменений не только в сфере управления, но в самом поведении бизнес-единицы. Поскольку цифровая трансформация с большой долей вероятности затронет эту деятельность в первую очередь, степень ее эффективности будет зависеть от глубины познания теоретических и методологических основ последней.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

При цифровой трансформации управленческой деятельности на основе прорывных цифровых технологий важно учитывать, что все множество современных структур управления базируется на основополагающем принципе парности категорий «управление» и «информация» [3]. Поэтому неудивительно, что любой ответственный аппарат управления большое внимание уделяет информационной системе, способной при принятии конкретного управленческого решения предоставить информацию о том:

- что происходит с деятельностью объекта управления — бизнес-единицей;
- почему это происходит так, а не иначе;
- как влияют законы и закономерности во всем их разнообразии на поведение и развитие объекта управления;
- что произойдет с ним в будущем (в том числе в результате реализации тех или иных мероприятий).

Как следствие, ныне все более актуализируется задача трансформации информационных процессов в части:

- наблюдения за деятельностью бизнес-единицы во всех аспектах ее проявления;
- анализа этой деятельности на основе полученной по итогам наблюдения информации;
- познания роли законов и закономерностей в функционировании и развитии деятельности в конкретных условиях;

- прогнозирования поведения бизнес-единицы в направлении возрастания эффективности на основе полученных знаний.

При этом важно учитывать объективную реальность, состоящую в том, что каждое управленческое решение направлено на *изменение в поведении объекта управления*, но его можно принимать только при условии полного понимания того, *какие изменения являются объектом управления*. Когда деятельность представляет собой комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных процессов, качественная сущность которых остается неизменной (по меньшей мере, на текущий момент), бизнес-единица при управлении изменениями будет сохранять свою целостность. В случае стратегического развития перемены в укладе ее деятельности приводят к образованию целостной системы качественно новых явлений и процессов.

Нужно понимать, что в этих условиях само управление изменениями становится возможным в силу того, что явления в поведении бизнес-единицы как объекта управления рассматриваются и с *качественной*, и с *количественной* стороны, которая как объективная реальность представляется в виде их размеров, соотношения размеров во времени и в пространстве, соотношения размеров разноименных явлений. Среди множества параметров, подлежащих измерению, количественная сторона настолько динамична, что реагирует даже на самые незначительные воздействия, поэтому целью управления становится изменение конкретной в своем проявлении количественной стороны любых явлений, которые при текущем его варианте «сохраняют свою суть», а при стратегическом — представляют новое по существу. В результате:

- образуется объективная реальность, подразумевающая восприятие количественного как объекта управления (ибо нельзя управлять тем, что нельзя измерить);
- в информационной системе управления бизнес-единицы формируются данные, отображающие количественную сторону всего разнообразия явлений и процессов, и реализуются процедуры ее использования в ходе принятия управленческих решений;
- организуется деятельность по наблюдению за размерами конкретных явлений, характеристиками их поведения, развития во взаимосвязи и взаимообусловленности;
- осуществляется познание и описание механизма действия законов и закономерностей поведения явлений различной степени общности (одноимен-

ных и разноименных) на основе изменений в соотношении между их размерами в их взаимосвязи;

- организация такой деятельности базируется на понимании, что природа наблюдаемых явлений определяет методологию их отслеживания и изучения.

Из последнего заключения следует, что информационная система управления бизнес-единицей основана на многообразии видов наблюдения — учета, непротиворечивость которых возможна лишь в условиях объединяющей их системы. Наиболее четко это было отражено в СССР в виде концепции народнохозяйственного учета как единства его видов: оперативно-технического, бухгалтерского, статистического, что обеспечивало не только наблюдение за одной и той же объективной реальностью в виде системы взаимосвязанных явлений и процессов, но и их статистическую организацию. Последнее проявлялось уже в том, что центральной считалась категория *показателя* как количественной характеристики качественно определенных свойств явлений [4]. Выполнение по отношению к нему требований предметности, точности и конкретности было основано на понимании того, что:

- необходимо соблюдать строго определенные границы той совокупности фактов, которая представляет качественно определенное явление;
- количественные параметры проявления законов и закономерностей определяются конкретными условиями определенной деятельности;
- только система показателей (как строго организованное множество) способна быть образом реальной деятельности на уровне как элементарного, так и целостной системы взаимосвязанных явлений;
- в процессах принятия решений аппарат управления непосредственно оперирует такими образами, учитывая присущий им характер соответствия оригиналу — объекту управления.

В настоящее время информационную систему управления бизнес-единицы представляет единство следующих видов учета:

- *оперативно-технического* — он в наименьшей степени разрабатывается в теоретическом и методологическом плане;
- *статистического*, предназначение которого многие видят в составлении обязательной отчетности по программам федерального или корпоративного статистического наблюдения за явлениями и процессами в их определенном множестве [5];

- *бухгалтерского финансового*, развитие которого связано с переходом на национальные и международные стандарты финансовой отчетности [6];
- *бухгалтерского налогового*, ориентированного на обеспечение полноты учета финансово-хозяйственной деятельности, исходя из требований налоговой отчетности [6, 7];
- *управленческого бухгалтерского*, сформированного в качестве реализации бухгалтерского учета определенной направленности, востребованного в системе управления [6–9].

Оценивая имеющееся разнообразие видов учета, следует иметь в виду, что образовалось оно в результате реализации концепции, согласно которой в условиях, когда бизнес-единица в том или ином своем проявлении выступает как элемент более общей структуры управления, ее производственно-хозяйственной деятельности, отображается посредством двух систем информации (статистической, в случае проводимого нами с 1969 г. исследования): *внешней*, призванной отразить объект как элемент структуры более высокой степени общности (включает финансовый, налоговый и статистический виды учета); и *внутренней*, предназначенной для обеспечения процессов принятия управленческих решений, реализуемых собственным аппаратом управления (управленческий бухгалтерский и оперативно-технический).

Рассматривая подходы к развитию каждого вида учета, в том числе за счет цифровых трансформаций, важно иметь в виду положение общей теории систем, согласно которой место, связи и функции каждого элемента определяются целями функционирования системы в целом. Поэтому ответ на вопрос: «Что делать»? в виде совокупности показателей и методологии их получения определяют для:

- целей бухгалтерского финансового учета — стандарты финансовой отчетности как элемента общей национальной и/или международной информационной системы финансов;
- бухгалтерского налогового учета — стандарты налоговой отчетности как элемента информационной системы национальной налоговой службы;
- статистического учета — требования программы и способ статистического наблюдения за конкретными явлениями в их многообразии в рамках национальной и/или мировой информационной системы наблюдения, в частности в экономической сфере.

И лишь в случае управленческого бухгалтерского и оперативно-технического учета (когда потребность

в таковом сохраняется) ответы на поставленные вопросы дает понимание того, что:

- система информации может предоставлять данные аппарату управления, если она адекватна соответствующим функциям и методам решения управленческих задач;
- эффективный механизм принятий управленческих решений может соответствовать производственно-финансовой деятельности как объекту управления;
- информационная система должна быть релевантна той реальной действительности, которую она отображает.

Воплощение этих положений не всегда дает ожидаемые результаты при принятии управленческих решений, направленных на повышение эффективности функционирования бизнес-единицы. Вряд ли можно считать правильным, что из определения вида деятельности «бухгалтерский управленческий учет» (имеющего свой предмет и метод), не меняя его сути, убрали слово «бухгалтерский» и заявили о новом «управленческом учете», способном обеспечить информацией множество управленческих функций в отношении разнообразных явлений и процессов как объектов управления.

Сказанное вытекает из понимания, что управленческий бухгалтерский учет ориентирован в первую очередь на решение задач управления эффективно хозяйственной деятельности в части затрат производства и себестоимости продукции, а также запасов и потоков денежных средств, связанных с доходными и бюджетными поступлениями и осуществлением платежей и выплат [8, 9]. Как осуществлять это управление — каждый понимает по-своему, и в результате имеем большое разнообразие известных и не очень систем учета затрат, калькуляции себестоимости работ и продукции, систем бюджетирования и казначейского обслуживания и др. Но сколько бы ни рассуждали по поводу того, каким вызовам должна отвечать система управленческого бухгалтерского учета, ответ можно дать, исходя из основополагающих методов последнего с его двойной записью, отражением движения активов и погашения обязательств, совокупностью синтетических и аналитических счетов, отражающих конкретные группы активов и хозяйственных операций, хотя и со *строгой стоимостной оценкой активов как имущества с определенными параметрами ликвидности и обязательств различной степени срочности.*

И тогда возникает вопрос: способен такой учет обеспечить управление деятельностью бизнес-единицы?

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Для поиска ответа на поставленный выше вопрос воспользуемся категорией «информационная модель» [10, 11]. Данная в виде уравнения или системы уравнений взаимосвязи конкретного показателя и определяющих его факторов и построенная на основе информации наблюдения-учета, принимая форму числовой, она отражает действие законов и закономерностей поведения оригинала — объекта управления в конкретных условиях места и времени и представляет собой адекватный образ его поведения.

Значимость информационных моделей для принятия управленческого решения определяется тем, что аппарат управления оперирует образами оригинала, реализуя принцип парности категорий «управленческое решение» и «информационная модель», выступающей в таком процессе основным носителем знания об управляемом явлении независимо от степени его сложности. Согласно ему, качество управленческого решения и, как следствие, самого управления будут определяться, с одной стороны, качеством модели, построенной исходя из конкретной системы показателей и наделенной в необходимых объемах информативной, объяснительной, эмпирической, прогностической функциями, с другой стороны — способностью аппарата управления реализовать эти функции в максимальной степени. Следует учесть, что применение данного вида модели дает знание о том, что произошло в прошлом и может произойти в будущем. Поэтому любая система наблюдения-учета организуется, исходя из потребностей в построении информационных моделей конкретных явлений. Учитывая предмет и метод управленческого и производственного учета, которые, согласно представленной в том числе в работе К. Дрори концепции [12], есть составные части бухгалтерского учета, оценим информационные модели себестоимости продукции.

Независимо от методологии калькуляции последней важно понимать, что в конечном итоге объектом управления выступают затраты в их видовом разнообразии. Поэтому возьмем информационную модель следующего вида:

$$e = e_t + e_{sz} + e_m + e_a + e_{pr}, \quad (1)$$

где e — себестоимость единицы продукции, в том числе в части видов затрат;

e_t — оплата труда;
 e_{sz} — отчисления на социальную защиту;
 e_m — материальные;
 e_a — амортизация нефинансовых активов;
 e_{pr} — прочие.

Детализация в этой модели принимает форму распределения по группам затрат, подобно тому, как это имеет место в отношении материальных:

$$e_m = \sum_j e_{m-j} \text{ при выделении конкретных } j\text{-х видов}$$

материальных ресурсов.

Реализуя методологию сравнения как обязательный элемент процесса познания на основе информационной модели (1), будем иметь:

- в случае абсолютных приростов, когда $\Delta e_{e_{vz}} = \Delta e_{vz}$, себестоимость за счет конкретного vz -го вида затрат изменяется в размере прироста вида затрат;

- в случае темпов прироста, когда $m_e = \sum_{vz} m_{e_{vz}} de_{vz}$, имеет место прирост за счет:

- прироста конкретного вида затрат (в их множестве) $m_{e_{e_{vz}}} = m_{e_{vz}} \cdot de_{vz.1}$;
- структурных сдвигов

$$m_{e_{de}} = \sum_{vz} e_{vz.0} \cdot de_{vz.1} - \sum_{vz} e_{vz.0} de_{vz.0}$$

Модель позволяет объяснить происходящее в части изменения себестоимости на уровне затрат по видам, что уже является определенным достижением. Но она не отвечает на вопросы: *почему происходили такие изменения? что надо сделать, чтобы достигнуть поставленных целей?*

В управленческом учете система наблюдения за затратами дает возможность построить информационную модель иного вида:

$$e_{vd} = e_{prm} + e_{pst}, \quad (2)$$

где e_{vd} — себестоимость единицы продукции, в том числе в части затрат:

e_{prm} — переменных (зависимых от объемов деятельности);

и e_{pst} — постоянных (независимых от объемов деятельности).

Оценивая ее значимость для принятия управленческого решения, используем такую категорию финансового менеджмента, как «производственный рычаг» [13], рассматривая соотношения постоянных и переменных затрат и учитывая его определяющую роль в формировании размера прибыли согласно модели (3):

$$\sum M_{vd} = \sum Q_{vd} \times [p_{vd} - e_{prm} \left(1 + \frac{e_{pst}}{e_{prm}} \right)], \quad (3)$$

где $\sum M_{vd}$ — объем прибыли;

$\sum Q_{vd}$ — объем производства / реализации продукции;

p_{vd} — цена единицы продукции.

При нарушении соотношения в сторону возрастания относительного размера постоянных затрат сохранить или увеличить объем прибыли можно за счет наращивания объемов производства / реализации продукции. И вновь заметим, что модель себестоимости позволяет получить информацию о том, что же происходит в части соотношения затрат, но ничего не говорит о причине изменения соотношения и о мерах, не позволяющих негативным явлениям осуществиться в будущем.

Подобное заключение следует из той объективной реальности, что явление любой степени сложности управляется за счет изменения в результате проведения определенных действий — мероприятий в отношении определяющих его факторов: в случае себестоимости речь идет о тех, что влияют на удельные затраты в части конкретных видов. Поэтому для принятия управленческого решения информационная модель (как основа для его выработки) должна представлять их факторы и описывать механизм их влияния, однако в описанных выше ее вариантах (1) и (2) этого нет, и, следовательно, они не могут использоваться для познания себестоимости как объекта управления.

Подходящей для этих целей является модель себестоимости единицы продукции (4), относящаяся к классу функциональных факторных:

$$e_Q = \left[\frac{1}{B} \cdot \bar{d} \cdot (1 + \bar{s}_{sc}) + \sum_j y_{m-j} \cdot p_{m-j} + \frac{1}{Fo} \bar{\alpha} \right] \left(1 + \sum_i y_{Z_{pr-i}} \right), \quad (4)$$

где B — производительность труда;

\bar{d} — средняя заработная плата работников;

\bar{s}_{sc} — средний размер ставки отчислений в социальные фонды;

y_{m-j} — удельный расход на единицу продукции j -го вида материала, топлива, энергии;

p_{m-j} — средняя цена j -го вида материала, топлива, энергии;

Fo — фондоотдача;

$\bar{\alpha}$ — средний уровень амортизационных отчислений;

$y_{Z_{pr-i}}$ — удельный размер прочих расходов i -го вида, приходящийся на единицу затрат на выполненные собственными силами работы.

В этой модели факторы представляют явления с достаточно высокой степенью обобщения, но при необходимости каждое из них может быть описано как более сложное с использованием соответствующей информационной модели. Основой ее построения (как образа реального объекта управления, существующего в конкретных условиях места и времени) выступают статистические показатели [4], величины которых определяется в результате наблюдения за происходящими явлениями и процессами.

Из теории и практики экономической статистики известно, что исчисление показателей данной модели *только в части затрат на оплату труда* требует по меньшей мере:

- *натурального учета* объема выпускаемой продукции как потребительных стоимостей конкретных ее видов, численности работников: в целом и конкретных категорий персонала, отработанного и неотработанного рабочего времени, выполненных объемов работ во всем их разнообразии;

- *стоимостного учета* начисленной заработной платы во всех формах выплат (за отработанное и неотработанное время, компенсационные и стимулирующие выплаты, прочие) и сделанных социальных отчислений.

На основе данных первичного в дальнейшем могут быть рассчитаны абсолютные суммарные величины натурального, условно-натурального и стоимостного учета, а также их средние и относительные величины в их разнообразии. Естественно, что для получения этих сведений необходима организация наблюдения с элементами оперативного учета в части, например, определения объемов выпуска продукции и выполненных конкретных работ, бухгалтерского учета (размеров фонда оплаты труда¹ и платежей в фонды социальной защиты, статистического учета численности работников, объемов отработанного и неотработанного времени, а также интеграции данных оперативного, бухгалтерского и собственно статистического учетов с целью вычисления средних

¹ Начисление и выплата заработной платы в бухгалтерском учете в первую очередь выполняют функцию определения той части денежных активов, которая подлежит распределению в пользу работников и дальнейшему погашению возникающих при этом обязательств.

и относительных величин показателей: производительности труда работника, его средней заработной платы и среднего размера ставки социальных отчислений). Причем для характеристики проявления законов и закономерностей как таковых в конкретных условиях места и времени в обязательном порядке должен быть применен метод группировок по значительному кругу признаков.

Проецируя информационные модели себестоимости на процессы управления, выделим три основных вида действий аппарата управления по отношению к конкретным объектам: мониторинг, контроллинг и собственно управление.

Исходя из сути последних, делаем ряд следующих выводов.

Информационная модель себестоимости единицы продукции (1) обеспечивает выполнение функций *мониторинга*, когда отслеживаются уровни, их соотношения и динамика, но все перечисленные категории в данном случае не являются целью изменения. Однако полученные знания принимаются во внимание в принятии решений касательно иных явлений.

Информационная модель (2) обеспечивает выполнение функции *контроллинга*, когда при возникновении неблагоприятных условий в области соотношения переменных и постоянных затрат принимаются решения по изменению объемов деятельности. При этом факторы, определяющие размеры постоянных затрат и уровень себестоимости в части переменных затрат, воздействию не подлежат.

Гарантировать же функцию *непосредственного управления* способна лишь информационная модель (4), ибо она представляет факторы, определяющие уровень затрат по видам, посредством влияния на которые и осуществляется управление затратами производства и реализации конкретных объемов продукции и, как следствие, уровнем себестоимости единицы продукции.

Для этого, рассматривая абсолютный прирост и темп прироста как результат влияния множества факторов в виде: $\Delta e = \sum_j \Delta e_{f_j}$ и $m_e = \sum_j m_{e/f_j}$:

- рассчитываются меры изменения себестоимости Δe_{f_j} и m_{e/f_j} под влиянием конкретного фактора f_j ;

- оцениваются в сравнении друг с другом меры влияния факторов и групп факторов с использованием процедур формального $\sum_{j \in G_F} \Delta e_{f_j}$,

$\sum_{j \in G_F} m_{e/f_j}$ и содержательного синтеза $\sum_{j \in G_R} \Delta e_{f_j}$,

$\sum_{j \in G_R} m_{e/f_j}$;

- выявляются меры зависимости уровня себестоимости от фактора: $b_{e/f_j} = \frac{\Delta e_{f_j}}{\Delta f_j}$ и $\beta_{e/f_j} = \frac{m_{e/f_j}}{m_{f_j}}$;

- прогнозируется изменение себестоимости при изменении фактора на определенную величину: $\Delta e_{f_j}^{prg} = b_{e/f_j} \times \Delta f_j^{prg}$ и $m_{e/f_j}^{prg} = \beta_{e/f_j} \times m_{f_j}^{prg}$.

Рассмотрение проблем информационного обеспечения процессов принятия управленческих решений приводит к выводу, что речь должна идти не об «управленческом и производственном учетах как элементах бухгалтерского учета», а о ином, коим выступает целостная система наблюдения за массовыми проявлениями, и именно ее следует определять как управленческий учет.

При этом эффективность информационного обеспечения возрастает, если система превращается в целостную с элементами синергии, когда:

- в наблюдении отображается количественная сторона массовых явлений и процессов во всех формах ее проявления, исходя из системы показателей как основы построения его (явления) адекватного образа;

- в случае деятельности бизнес-единицы высокую степень адекватности процессов управления обеспечивает система наблюдения на основе множества непротиворечивых и взаимодополняющих систем показателей, каждая из которых формируется согласно информационной модели явления и процесса, целенаправленно изменяемого в результате реализации принимаемого управленческого решения. Это — следствие представления реальной действительности как множества качественно определенных действий, состоящих из элементов целостной системы взаимосвязанных и взаимообусловленных явлений, отражающей деятельность бизнес-единицы в том или ином аспекте;

- полученные в результате наблюдения данные подлежат сводной обработке с использованием логического и математического инструментария для отображения явления конкретной степени общности в виде некоторой системы показателей. При этом реализуемые логико-математические процедуры не приводят к утрате качественной опреде-

ленности явлений и процессов (независимо от степени их общности).

В такой ситуации центральной категорией системы управленческого учета становится показатель как «качественно определенное количество», представляющий реальную действительность. Но он должен отвечать требованиям предметности, точности и конкретности [4] с позиций явления как объекта управления. Проиллюстрируем вышесказанное: можно много говорить о «производительности труда», вкладывая в этот термин определенное содержание. Но все разговоры прекращаются, когда конструируется данный показатель, рассчитываемый согласно определенной методологии (начиная с регистрации конкретных фактов конкретных явлений). В качестве меры *эффективности труда*, используемого в производстве продукции, он рассчитывается как удельный объем продукции в расчете на единицу общего объема труда совокупности работников. Что касается меры *эффективности конкретного труда*, то таковой является показатель выработки как удельного объема конкретных работ на единицу затраченного труда, измеряемого отработанным временем. Адекватность данных мер эффективности оспаривается в форме предложений по измерению производительности труда на основе объемов валовой добавленной стоимости или объема прибыли производства. Однако некорректность предлагаемых мер проявляется в том, что в них не учитывается объективная реальность, а именно: труд занят в производстве конкретного объема продукции в порядке удовлетворения потребностей в последней [14]. Ссылки на практику исчисления производительности общественного труда означают непонимание, что в конечном итоге он занят в многостадийном производстве валового внутреннего продукта как совокупности всего разнообразия товаров и услуг в порядке обеспечения общественных конечного потребления и сбережения, а поэтому востребован при характеристике национального экономического производства.

Особо подчеркнем, что только в качестве меры удельного объема продукции рассматриваемый показатель востребован для информационной модели себестоимости как удельной величины затрат на единицу продукции. Что же касается его точности, то речь идет о правильности исчисления его величины, будь она абсолютно суммарной или относительной, или средним значением признака. В частности, при определении этого показателя размер используемого

труда представлен среднесписочной² численностью работников, которая рассчитывается согласно данным учета как скорректированного списочного, так и несписочного их состава.

Говоря о требовании конкретности, важно учитывать два обстоятельства:

- поскольку непосредственно в осуществлении массового производства продукции занят контингент рабочих, имеет смысл вычислять значение показателя производительности труда по данным среднесписочной численности этого контингента на основном и вспомогательном производствах;
- учитывая занятость руководителей, специалистов и служащих (прочий персонал) выполнением функций управления, конструкторско-технологического, экономического и иного обеспечения производства, мерой эффективности их труда могут служить показатели относительной (удельной) численности соответствующего контингента в расчете на единицу численности рабочих.

В результате для управления производительностью труда возможно использование информационной модели следующей структуры:

$$B = \frac{B_{rb} \times \bar{t}_d \times \bar{T}_g}{1 + \sum_f K_{P_f}}, \quad (5)$$

где B_{rb} — часовая производительность труда рабочего, уровень которой определяется согласно модели:

$$B_{rb} = Fo / te_N,$$

где Fo — фондоотдача комплекса основных средств, представляющая производительное их использование в осуществлении системы разнообразных технологических процессов;

te_N — трудоемкость эксплуатации и содержания общего комплекса основных средств как обобщенная характеристика использования труда при выполнении системы взаимосвязанных трудовых операций;

\bar{t}_d — средняя продолжительность трудового дня рабочего как характеристика организации его занятости в этот период;

\bar{T}_g — средняя продолжительность трудового года рабочего как характеристика организации его занятости в границах календарного года;

² Авторы предлагают отказаться от определения «среднесписочная численность контингента», что следует из методологии расчета показателя.

K_{P_f} — относительная численность руководителей, специалистов и служащих, характеризующая организацию труда работников, осуществляющих функции управления и подготовки производства, информационного и иного обеспечения.

В рамках единой системы наблюдения управленческого учета будут разрешаться «противоречия» в учете «основного капитала». При этом важно учитывать, что в отношении конкретного объекта в большинстве случаев система принятия решений выстраивается на основе набора выполняемых функций. Когда последних много, важно распределить их в иерархическом порядке, ибо в таком множестве *объективно равноценных не бывает*. Игнорирование этого положения приводит к доминированию функций вместо гармонизации.

Определение основных средств производства как «основного капитала» требует рассмотрения их в качестве элементов оборота последнего, сущность которого в наибольшей мере поддается познанию, если под ним понимать денежные средства, прошедшие стадию накопления. В таком обороте капитал видоизменяется, принимая последовательно следующие формы:

→ **денежный доход** → **текущие сбережения** → **накопления (финансовый капитал)** → **основной капитал (производственный капитал)** → **товарный капитал** → **денежный доход**→

Традиционно основным звеном является производственный капитал (в силу чего он и назван основным). Как объект управления, он существует в виде комплекса разнородных предметов (средств производства), обеспечивающих выработку определенного продукта — товара или услуги. Именно в таком качестве основные средства определяют производственный потенциал бизнес-единицы любой степени общности; причем их роль возрастает по мере внедрения достижений науки и техники. Реализация соответствующего товара на рынках приносит денежную выручку, формирующую доходы, а в последующем и текущие сбережения как источник накоплений, из которого далее осуществляется процесс простого или расширенного воспроизводства средств производства.

Рассматривая основные средства (основной капитал) как объект управления, считаем необходимым различать такие его функции, как «инвестиционная», «производственная», «ликвидационная», «финансовая». Первая связана с процессом приобретения предметов основных средств и ввода их в эксплуата-

цию; вторая — с использованием их в производстве продукта по назначению и содержанию в надлежащем техническом состоянии; третья — с реализацией предмета в качестве товара по истечении определенного срока служб; четвертая — с обеспечением процесса накопления капитала.

Но объективно, при всем видовом многообразии капитала, в виде объекта управления в первую очередь выступают основные средства производства в части процессов приобретения и ввода в эксплуатацию; использования в производстве и содержания в надлежащем техническом состоянии за счет восстановительных ремонтов; выбытия по разным причинам, но прежде всего за ветхостью и износом, в том числе моральным. Участвуя в технологических процессах в качестве активных или пассивных орудий производства, они реализуют заложенные в их конструкцию потребительные свойства: мощность (производительность), ресурс эксплуатации/использования, надежность, ремонтно-, энерго-, трудо- и материалоемкость эксплуатации и содержания и им подобные. Знания о них лежат в основе принятия управленческих решений в части, например:

- количества предметов при осуществлении простого или расширенного воспроизводства производственного потенциала, в том числе за счет модернизации и реконструкции объектов;
- использования предметов при выполнении конкретных объемов конкретных работ в конкретных условиях места и времени, организации технического обслуживания и текущего ремонта.

При решении управленческих задач первой группы требуются данные о суммарной стоимости производства, доставки, установки и ввода предметов в эксплуатацию. Поэтому наряду с данными натурального учета используются *их оценки по полной первоначальной стоимости*, актуализируемые данными по *восстановительной стоимости* при отслеживании размеров необходимых накоплений доходов в денежной форме.

При решении задач производственного характера необходимо обладать фактической информацией о количестве и общей мощности предметов всех основных средств, поскольку взаимозаменяемость в современных условиях развития техники практически близка к нулю. Для ее получения опираются на системы показателей натурального учета наличия, состояния, работы и использования конкретных видов средств производства. Но при оценке бизнес-единицы востребована характеристика

всей совокупности предметов основных средств (как целостного комплекса, участвующего в производстве продукции). При поиске способов ее измерения практически приемлемым считается стоимостной учет с использованием цен в качестве *соизмерителей различных потребительных стоимостей* при условии предъявления к ним требования сопоставимости, а в определенных условиях и неизменности, так как на их основе определяется *стоимость основных средств производства в сопоставимых ценах*.

При решении задач участия основных средств в производственных процессах принимается во внимание тот факт, что предметы, сохраняя в неизменности свою натуральную форму, изнашиваются, теряя при этом часть своего ресурса, а к определенному моменту и весь полностью. Поэтому за их износом ведется наблюдение на основе натурального учета с определением всего множества показателей их состояния. Более того, поскольку стоимость износа переносится на стоимость производимой продукции в размере так называемого «потребления основного капитала» (а в некоторых практиках бухгалтерского учета — «резервов на износ»), для характеристики групп и всей совокупности предметов средств производства необходимы данные о *стоимости их износа*, а в последующем их *стоимости с учетом износа*.

Эти показатели востребованы, когда основные средства рассматриваются как имущество, играющее конкретную роль при осуществлении экономической деятельности, т.е. когда хозяйствующий субъект (владея активами и осуществляя экономическую деятельность и операции с другими субъектами) принимает решения и берет на себя финансовые обязательства, за которые несет ответственность своим имуществом, т.е. основными средствами. Последние являются активами, стоимость которых изменяется за счет поступления новых и бывших в эксплуатации предметов, имеющих соответствующую стоимость; движения стоимости в процессах эксплуатации/использования вследствие износа (физического и морального); выбытия предметов, имеющих ликвидационную или меновую стоимость в случае продажи. Поэтому для характеристики комплекса основных средств, выступающего как имущество бизнес-единицы, востребованы показатели *стоимости с учетом износа основных средств*.

Иная ситуация складывается, когда основные средства выступают в качестве элемента такого объекта управления, как оборот капитала. Воспроизводство основного капитала требует накоплений, источником

которых являются текущие сбережения — не востребуемые в настоящей деятельности денежные средства. Важнейшим ресурсом таких накоплений выступает амортизация, ныне рассматриваемая как метод размещения накоплений, затраченных на приобретение, модернизацию и реконструкцию основных средств. Это нашло отражение в разработанной нами схеме оборота капитала, где последние учитываются как ликвидный актив, для чего и предложено оценивать их по *остаточной*, т.е. стоимости, подлежащей амортизации.

Надо признать, что на сегодняшний момент на высшей ступени иерархии оказалась «финансовая» функция, при том, что ее предназначением является обеспечение процесса денежного накопления, за счет которого в эксплуатацию и вводятся предметы основных средств. На что и ориентированы многие из так называемых «экономических механизмов», включая и «ускоренную амортизацию» в различных ее проявлениях.

При этом вследствие развития производственного потенциала и эффективного его использования обнуляется значение функций управления, определяемых сущностью происходящих явлений и процессов. В качестве примера укажем на практику оценки национального богатства по остаточной стоимости основного капитала, что уместно в случае характеристики имущества как ликвидного актива, или расчет показателя фондоотдачи как меры эффективности использования в производстве комплекса его основных средств на основе данных об остаточной стоимости «основного капитала».

Для совершенствования деятельности по информационному обеспечению управления в организации управленческого учета должны быть представлены и иные решения. В частности, эффективность бизнес-единицы сможет быть значительно повышена, если последняя организована и управляется как целостная система бизнес-процессов. Причем, будучи реальным объектом управления, каждый из них выступает в роли некой аналогичной системы взаимосвязанных явлений, функционирующих как объекты управления на своем определенном уровне. Реализация процессного подхода в управлении связана с решением широкого круга задач: от выделения бизнес-процессов как элементов системы до решений в области его оценки с точки зрения повышения эффективности деятельности всей бизнес-единицы в конкретных аспектах. И, как следствие, круг задач и их значимость определяются, в частности, принципом: управлен-

ческий учет функционирует как целостная система, элементы которого организованы статистически [15].

Вышеизложенное служит иллюстрацией того, какие проблемы должны быть решены по части управленческого учета в поиске ответа на вопрос «*что делать?*» Получив данный результат, можно перейти ко второму вопросу «*как делать?*» и прежде всего к проблемам цифровой трансформации управленческого учета.

Факт, что в качестве информационной системы он представляет собой объект эффективной цифровой трансформации, уже ни у кого не вызывает сомнения. Но нужно понять, возможна ли такая трансформация в рамках концепции цифровой экономики, реализуемой на структурах интернет-сообщества, учитывая, что современные платформы способны оказывать услуги облачных технологий «*Data-as-a-Service (DaaS)*»? В поисках ответа важно учитывать, что структуры интернет-сообщества в развивающемся цифровом пространстве свою основную функцию определяют как «*предоставление услуг в виде информации и процедур ее обработки в интересах всего неограниченного числа пользователей*». А для ее выполнения во главу угла ставится принцип, согласно которому вся деятельность структур интернет-сообщества основана на подходах, де-юре и де-факто становящихся стандартом интернета, что означает использование стандартизированных в максимальной степени процедур обработки данных и аналитического инструментария, в первую очередь математического аппарата анализа данных.

Относительно управленческого учета как информационной системы с главной ее функцией — информационного обеспечения принятия управленческих решений, важно понимать, что:

- *бизнес-единица во всех отношениях есть уникальный объект управления*, осуществляющий свою деятельность в условиях множества конкурентных рынков;
- *в управлении принимаются и реализуются уникальные решения*, сущность которых определяется содержанием единственных в своем роде управленческих ситуаций;
- *решения принимаются на основе уникальной системы знаний*, носителем которых выступает оригинальная система информации наблюдения за конкретными явлениями и процессами;
- *объектом наблюдения выступают уникальные явления*, представляющие производственно-финансовую деятельность в конкретных условиях, опре-

деляемых факторами соответствующей внешней и внутренней бизнес-среды.

И как следствие, функционирование и развитие управленческого учета можно осуществить на основе *уникальной* информационной платформы, которая в силу этого своего свойства не может быть активным элементом структур интернет-сообщества. Однако сказанное не исключает, что в информационном процессе такой системы не могут быть реализованы типовые решения, в том числе основанные на использовании прорывных цифровых технологий, и в первую очередь *Big-data*.

По своей сути, *Big Data* выступает в нескольких ипостасях; как:

- набор данных огромного объема, различных (структурированных и неструктурированных) форматов, поступающих из различных источников с большой скоростью;
- совокупность технологий для масштабированной обработки данных на базе вычислительных сетей;
- организация анализа данных на основе совокупности цифровых технологий, обеспечивающих решение задачи получения знания о реальной действительности. Речь идет о таких наиболее востребованных техниках и методах анализа, как *Data mining*, смешение и интеграция данных, машинное обучение, распознавание образов, искусственные нейронные сети, прогнозная аналитика, имитационное моделирование, статистический анализ, виртуализация аналитических данных [16–19].

Что касается *Big Data-аналитики*, то следует иметь в виду, что в систему управленческого учета она, возможно, будет встраиваться в качестве средства поддержки принятия управленческого решения (в конкретном цикле) [20, 21], где оно основано, в том числе на: а) оценке текущего вне связи с прошлым и будущим; б) получении в результате стандартных процедур обработки данных знаний о неочевидных, малозначительных закономерностях поведения, даже в случае их недостаточной адекватности являющихся полезными для реализации функций «собственно управления» (поскольку позволяют снизить риски принятия малоэффективного управленческого решения).

В первую очередь к объектам *Big Data-аналитики* следует относить явления — факторы *внутренней среды*, которые выступают объектами мониторинга, А для последнего как функции управления, которая *не имеет* своей целью изменение поведения объекта, достаточно знаний, основанных на рассмотре-

нии отдельных «наиболее существенных» связей и отношений, полученных на основе эффективной выборки и представленных в виде математической конструкции количественных критериев, в том числе подтверждающих статистические гипотезы.

Во вторую очередь к объектам *Big Data-аналитики* должны быть причислены факторы *внешней среды*, реализуемые через отношения B2C (Business-to-Consumer), чью особую значимость определяет наблюдаемая в настоящее время ориентация на потребителя создаваемых ценностей, что объективно приводит к выстраиванию взаимоотношений между бизнесом и населением в форме партнерства, где бизнес — объект собственно управления, население — объект мониторинга. При этом следует исходить из особенностей познаваемых отношений, в частности: 1) удаленности участников; 2) большого их разнообразия, представляющего значительное количество конкретных граждан; 3) высокой массовости единичных актов; 4) осуществления в условиях определенной информационной среды. Эффективными такие отношения становятся, если они формируются на основе знания о потребителе, неопределенность поведения которого состоит в том, что он может стать вашим партнером, а может и нет, и что его отношения к конкретной ценности формируются под влиянием неопределенных для бизнеса индивидуальных интересов. Формирование знаний о закономерностях поведения объекта мониторинга связано с аналитической разработкой массовых данных о фактах взаимоотношения бизнеса и населения, которую в сегодняшних условиях нельзя представить без использования технологий *Big-Data*.

Учитывая, что ценность аналитики повышается с ростом объема привлекаемых данных, ожидаемо, что источником таких знаний станут структуры интернет-сообщества, обеспечивающие предоставление услуги облачных технологий «*Data-as-a-Service*» (*DaaS*) в части сервисов «*Big Data*» из облака. Но для этого необходимо, чтобы эти структуры в качестве своей основной функции определяли услуги *DaaS* в интересах неограниченного числа пользователей, что объективно предопределяет максимальную реализацию подхода, который де-юре и де-факто становится стандартом интернета.

ВЫВОДЫ

Проблемы реформирования управления экономической не могут быть решены, если не принимать во внимание положения, опираясь на которые и ре-

шаются задачи цифровой трансформации управленческого учета как определяющего элемента информационной системы бизнес-единиц. Приведем наиболее значимые из них:

- эффективность цифровой трансформации определяется тем, насколько она соответствует теоретическим и методологическим основам деятельности по информационному обеспечению управления и использованию полученных данных в принятии управленческих решений (в соответствии требованиям эффективного управления);

- в современных условиях актуализируются задачи трансформации: процессов наблюдения за деятельностью бизнес-единицы (во всех аспектах ее проявления) и ее анализа на основе этой информации; познания законов и закономерностей функционирования объекта управления в конкретных условиях, прогнозирования на основе знаний его поведения в направлении возрастающей эффективности;

- целью управления являются количественные изменения в поведении бизнес-единицы в условиях сохранения ее качественной сущности, вследствие чего востребованы данные, отображающие количественную сторону всего разнообразия явлений и процессов, и реализуются процессы ее использования при принятии управленческих решений;

- информационная система управления основана на определенном множестве видов учета, непротиворечивость которых возможна в условиях их единой системы;

- разнообразие видов учета сложилось в результате реализации концепции двух систем информации: *внешней*, призванной отразить бизнес-единицу как элемент структур более высокой степени общности, и *внутренней*, предназначенной для информационного обеспечения управления ею как обособленным объектом;

- конечной целью любой системы наблюдения является построение информационной модели управляемого явления — его образа, представляющего факторы и механизм их влияния на эффективность функционирования объекта управления;

- построение информационной модели основано на сведениях наблюдения, которое организовано на базе оперативно-технического, бухгалтерского и собственно статистического видов учета и интеграция их данных для исчисления показателей в их системе. Исходя из предназначения, данная система наблюдения определяется как *управленческий* учет;

- эффективный управленческий учет обеспечивает в наибольшем объеме выполнение требований предметности, точности и конкретности показателей как основы построения востребованных в управлении высокоадекватных информационных моделей;
 - в рамках управленческого учета обеспечивается гармонизация всех функций, выполняемых системой принятия решений в отношении определенного объекта наблюдения;
 - управленческий учет представляет собой объект эффективной цифровой трансформации. Однако как информационная система с функцией обеспечения принятия уникальных управленческих решений в случае уникальных управленческих ситуаций в поведении уникальной бизнес-единицы должен функционировать и развиваться на основе собственной уникальной информационной платформы;
 - в уникальной системе управленческого учета могут использоваться прорывные цифровые технологии, и в первую очередь технологии *Big Data* (в части *Big data*-аналитики);
 - взаимодействие уникальной системы управленческого учета с интернет-сообществом базируется на услугах облачных сервисов «Big Data» из облака.
- Значимость рассмотренных положений определяется тем, что цифровая трансформация управленческого учета, с одной стороны, подвержена ошибкам в постановке и решении задач по совершенствованию методологии последнего, которые могут свести к нулю все преимущества внедряемых современных цифровых технологий; с другой стороны, при неверном выборе информационных методов, в частности из-за следования «трендам», она не позволит реализовать ожидания от совершенствования информационного обеспечения управления и использование данных в принятии управленческих решений.
- Результаты проведенного исследования предназначены для служб, занятых в цифровой трансформации управления экономическими субъектами всех уровней.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Прохоров А., Коник Л. Цифровая трансформация. Анализ, тренды, мировой опыт. М.: Альянс-Принт; 2019. 368 с.
2. Михненко О.Е. Управление экономическими явлениями на железнодорожном транспорте: информационный аспект. М.: МИИТ; 2001. 200 с.
3. Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. 2-е изд. Пер. с англ. М.: Советское радио; 1968. 326 с.
4. Михненко О.Е. Цифровые технологии и эффективность статистических показателей. Мат. II междунар. науч.-практ. конф. «Цифровая трансформация в экономике транспортного комплекса» (Москва, 11 октября 2019 г.). М.: РУТ (МИИТ); 2019:207–216.
5. Зинченко А.П. и др. Статистика и бухгалтерский учет. М.: Колос; 2018. 436 с.
6. Глушков И.Е., Киселева Т.В. Бухгалтерский (налоговый, финансовый, управленческий) учет на современном предприятии. Эффективная настольная книга бухгалтера (в 2-х т.). 11-е изд. М.: КноРус; Новосибирск: ЭКОР-книга; 2004.
7. Касьянова Г.Ю. Учет-2016: бухгалтерский и налоговый. М.: Абак; 2016. 960 с.
8. Блэк Дж. Введение в бухгалтерский управленческий учет. Пер. с англ. М.: Весь мир; Инфра-М; 2018. 424 с.
9. Хонгрэн Ч.Т., Фортер Дж. Бухгалтерский учет: управленческий аспект. Пер. с англ. М.: Финансы и статистика; 1995. 415 с.
10. Михненко О.Е. Информационные модели в управлении экономическими явлениями. М.: МИИТ; 2009. 48 с.
11. Михненко О.Е., Салин В.Н. От анализа статистических данных к анализу реальных явлений на основе статистической информации. Мат. междунар. науч.-практ. конф. «Наука о данных» (Санкт-Петербург, 5–7 февраля 2020 г.). СПб.: СПбГЭУ; 2020:196–199.
12. Друри К. Управленческий и производственный учет. Вводный курс. М.: Юнити; 2019. 320 с.
13. Этрилл П., МакЛейни Э. Финансовый менеджмент и управленческий учет для руководителей и бизнесменов. Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер; 2018. 648 с.
14. Михненко О.Е. О мерах производительности труда. Сб. «Статистические исследования социально-экономического развития России и перспективы устойчивого роста: материалы и доклады». М.: РЭУ имени Г.В. Плеханова; 2019:108–114.

15. Михненко О.Е., Салин В.Н. Проблемы современной трансформации статистики. *Учет. Анализ. Аудит.* 2021;8(4):18–33. DOI: 10.26794/2408–9303–2021–8–4–18–33
16. Майер-Шенбергер В., Кукьер К. Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим. Пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2014. 240 с.
17. Maryika J., Chui M., Brown B. et al. Big data: The next frontier for innovation, competition and productivity. McKinsey Digital. May 01, 2011. URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/mckinsey-digital/our-insights/big-data-the-next-frontier-for-innovation> (дата обращения: 17.12.2021).
18. Фрэнкс Б. Революция в аналитике. Как в эпоху Big Data улучшить ваш бизнес с помощью операционной аналитики. Пер. с англ. М.: Интеллектуальная литература; 2016. 367 с.
19. Фрэнкс Б. Укрощение больших данных. Как извлекать знания из массивов информации с помощью глубокой аналитики. Пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2014. 343 с.
20. Hassani H., Saporta G., Silva E. S. Data mining and official statistics: The past, the present and the future. *Big Data.* 2014;2(1):34–43. DOI: 10.1089/big.2013.0038
21. Hostie T., Nibshirani R., Friedman J. The elements of statistical learning: Data mining, inference, and prediction. 2nd ed. New York: Springer-Verlag; 2009. 763 p.

REFERENCES

1. Prokhorov A., Konik L. Digital transformation. Analysis, trends, world experience. Moscow: Alliance-Print; 2019. 368 p. (In Russ.).
2. Mikhnenko O.E. Management of economic phenomena in railway transport: Information aspect. Moscow: MIIT; 2001. 200 p. (In Russ.).
3. Wiener N. Cybernetics or control and communication in the animal and the machine. New York: John Wiley & Sons, Inc.; 1948. 194 p. (Russ. ed.: Wiener N. Kibernetika, ili upravlenie i svyaz' v zhyvotnom i mashine. 2nd ed. Moscow: Sovetskoe radio; 1968. 326 p.).
4. Mikhnenko O.E. Digital technologies and efficiency of statistical indicators. In: Proc. 2nd Int. sci.-pract. conf. “Digital transformation in the economy of the transport complex” (Moscow, October 11, 2019). Moscow: RUT (MIIT); 2019:207–216. (In Russ.).
5. Zinchenko A.P. et al. Statistics and accounting. Moscow: Kolos; 2018. 436 p. (In Russ.).
6. Glushkov I.E., Kiseleva T.V. Accounting (tax, financial, management) accounting at a modern enterprise. An effective handbook for an accountant (in 2 vols.). 11th ed. Moscow: KnoRus; Novosibirsk: EKOR-kniga; 2004. (In Russ.).
7. Kas'yanova G. Yu. Accounting-2016: Bookkeeping and tax. Moscow: Abak; 2016. 960 p. (In Russ.).
8. Black J. Introduction to accounting and finance. Harlow, New York: FT/Prentice-Hall; 2009. 406 p. (Russ. ed.: Black J. Vvedenie v bukhgalterskii upravlencheskii uchët. Moscow: Ves' mir; Infra-M; 2018. 424 p.).
9. Horngren Ch.T., Foster G. Cost accounting: A managerial emphasis. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall; 1991. 964 p. (Russ. ed.: Horngren Ch.T., Foster G. Bukhgalterskii uchët: upravlencheskii aspekt. Moscow: Finansy i statistika; 1995. 415 p.).
10. Mikhnenko O.E. Information models in the management of economic phenomena. Moscow: MIIT; 2009. 48 p. (In Russ.).
11. Mikhnenko O.E., Salin V.N. From the analysis of statistical data to the analysis of real phenomena based on statistical information. In: Proc. Int. sci.-pract. conf. “Data science” (St. Petersburg, February 5–7, 2020). St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics; 2020:196–199. (In Russ.).
12. Drury C. Cost and management accounting: An introduction. Andover: South-Western Cengage Learning; 2011. 476 p. (Russ. ed.: Drury C. Upravlencheskii i proizvodstvennyi uchët. Vvodnyi kurs. Moscow: Unity; 2019. 320 p.).
13. Atrill P., McLaney E. Accounting and finance for non-specialists. Englewood Cliffs, NJ: Pearson; 2012. 592 p. (Russ. ed.: Atrill P., McLaney E. Finansovyi menedzhment i upravlencheskii uchët dlya rukovoditelei i biznesmenov. Moscow: Alpina Publisher; 2018. 648 p.).
14. Mikhnenko O.E. On measures of labor productivity. In: “Statistical studies of the socio-economic development of Russia and prospects for sustainable growth: Materials and reports”. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics; 2019:108–114.

15. Mikhnenko O.E., Salin V.N. Problems of modern transformation of statistics. *Uchet. Analiz. Audit = Accounting. Analysis. Auditing*. 2021;8(4):18–33. (In Russ.). DOI: 10.26794/2408–9303–2021–8–4–18–33
16. Mayer-Schönberger V., Cukier K. *Big Data: A revolution that will transform how we live, work, and think*. Boston, MA: Eamon Dolan Books/Mariner Books; 2014. 272 p. (Russ. ed.: Mayer-Schönberger V., Cukier K. *Bol'shie dannye. Revolyutsiya, kotoraya izmenit to, kak my zhivem, rabotaem i myslim*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2014. 240 p.).
17. Maryika J., Chui M., Brown B. et al. Big data: The next frontier for innovation, competition and productivity. McKinsey Digital. May 01, 2011. URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/mckinsey-digital/our-insights/big-data-the-next-frontier-for-innovation> (accessed on 17.12.2021).
18. Franks B. *The analytics revolution: How to improve your business by making analytics operational in the Big Data era*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, Inc.; 2014. 304 p. (Russ. ed.: Franks B. *Revolutsiya v analitike. Kak v epokhu Big Data uluchshit' vash biznes s pomoshch'yu operatsionnoi analitiki*. Moscow: Intellektual'naya literature; 2016. 367 p.).
19. Franks B. *Taming the Big Data tidal wave: Finding opportunities in huge data streams with advanced analytics*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, Inc.; 2012. 336 p. (Russ. ed.: Franks B. *Ukroshchenie bol'shikh dannykh. Kak izvlekat' znaniya iz massivov informatsii s pomoshch'yu glubokoi analitiki*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2014. 343 p.).
20. Hassani H., Saporta G., Silva E.S. Data mining and official statistics: The past, the present and the future. *Big Data*. 2014;2(1):34–43. DOI: 10.1089/big.2013.0038
21. Hostie T., Nibshirani R., Friedman J. *The elements of statistical learning: Data mining, inference, and prediction*. 2nd ed. New York: Springer-Verlag; 2009. 763 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Олег Евгеньевич Михненко — доктор экономических наук, профессор кафедры «Информационные системы цифровой экономики», Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Россия

Oleg E. Mikhnenko — Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of Digital Economy Information Systems, Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-6049-7376>
 stat0243@yandex.ru

Виктор Николаевич Салин — кандидат экономических наук, профессор, профессор департамента бизнес-аналитики, Финансовый университет, Москва, Россия

Victor N. Salin — Cand. Sci. (Econ.), Professor, Professor of the Department of Business Analytics, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-3124-3625>
 vsalin@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила в редакцию 27.04.2022; после рецензирования 01.06.2020; принята к публикации 24.06.2022. Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 27.04.2022; revised on 01.06.2022 and accepted for publication on 24.06.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-3-39-52

УДК 336.71.078.3(045)

JEL G21

Цифровизация банковской системы: риски и возможности управления финансовыми активами

Р.Г. Нафиков

Министерство юстиции, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Все секторы экономической деятельности значительно изменились в условиях глобализации, и банковская сфера не является исключением. Коммерческие банки по всему миру «переживают» цифровизацию по-разному. Тем не менее в ближайшее время столкнуться с данным процессом придется, скорее всего, большинству таких организаций. В противном случае они попросту не смогут выдерживать конкуренцию, так как вместе с непрерывным технологическим прогрессом меняются и потребности клиентской базы. Люди заинтересованы в том, чтобы иметь возможность получать услуги и обратную связь от банка быстро и в дистанционном формате.

Для того чтобы остаться конкурентоспособными, финансовые учреждения формируют новую корпоративную культуру, разрабатывают и внедряют инновационные модели взаимодействия с клиентами. **Целью** исследования является определение принципов экономической безопасности в условиях цифровизации банковской сферы и обеспечение стабильности ее функционирования с учетом возможных рисков. Данная работа может быть полезна как сотрудникам коммерческих банков для выстраивания процессов оцифровки предоставляемых услуг, так и IT-специалистам, отвечающим за разработку и внедрение тех или иных цифровых продуктов.

Ключевые слова: цифровая трансформация; кредитные организации; банк; банковская система; цифровая экономика; искусственный интеллект

Для цитирования: Нафиков Р.Г. Цифровизация банковской системы: риски и возможности управления финансовыми активами. *Управленческие науки*. 2022;12(3):39-52. DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-3-39-52

ORIGINAL PAPER

Digitalization of the Banking System: Risks and Opportunities for Managing Financial Assets

R.G. Nafikov

Ministry of Justice, Moscow, Russia

ABSTRACT

All sectors of economic activity have changed significantly in globalization, and the banking sector is no exception. Commercial banks around the globe are experiencing digitalization in different ways. However, in the near future, most of these organizations will most likely have to face this process. Otherwise, they simply cannot compete, as the needs of the client base are changing along with continuous technological progress. People are interested in being able to receive services and feedback from the bank quickly and remotely. In order to remain competitive, financial institutions create a new corporate culture, developing and implementing innovative models of interaction with clients. The purpose of the research is to determine the principles of economic security in digitalization of the banking sector and ensure the stability of its functioning, considering possible risks. This study can be useful both for employees of commercial banks for building the processes of digitization of the services provided, and for IT specialists responsible for the development and implementation of certain digital products.

Keywords: digital transformation; credit institutions; bank; banking system; digital economy; artificial intelligence

For citation: Nafikov R.G. Digitalization of the banking system: Risks and opportunities for managing financial assets. *Management sciences*. 2022;12(3):39-52. DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-3-39-52

© Нафиков Р.Г., 2022

ВВЕДЕНИЕ

Банки — это неотъемлемая часть экономической и финансовой системы, к которой ежедневно обращается подавляющее большинство населения: так, почти каждый человек совершает, как минимум, одну транзакцию в день — например, перевод или оплату. Следовательно, с ростом потребительского спроса и критериев, важных для клиентской базы в плане выбора поставщика тех или иных услуг, банкам необходимо на постоянной основе отслеживать новые технологические решения, своевременное внедрение которых способствует повышению уровня сервиса. Поэтому процесс оцифровки данных является для банков, скорее всего, естественным, нежели вынужденным этапом дальнейшего роста. Также важно отметить, что темпы развития мобильного банкинга на данный момент существенно опережают аналогичные показатели для онлайн-банкинга. Поскольку со стороны потребителей данного вида услуг наблюдается высокий спрос на новые информационные технологии, цифровизация активно внедряется в банковской сфере и различных финансовых институтах. Особую актуальность этот процесс получил в период сложностей, возникших в связи с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой из-за пандемии COVID-19, что, вероятно, оказало влияние на финансовую стабильность, под которой подразумевают бесперебойную работу соответствующих учреждений системы и их высокую степень надежности по отношению к возможным угрозам. Финансовую стабильность обеспечивают центральные банки. Системы, которые они выстраивают, напрямую влияют и на экономическую, и на политическую устойчивость (т.е. направлены на то, чтобы экономика государства функционировала корректно). Это особенно важно, учитывая тот факт, что вероятность подверженности рискам у банковского сектора гораздо выше, чем у других отраслей.

Для эффективной деятельности компаниям следует иметь в своей структуре службы экономической безопасности, опирающиеся на следующие принципы:

- Законность.

Все рабочие процессы (включая обеспечивающие экономическую безопасность) должны осуществляться исключительно на законных

основаниях, закрепленных в российском и международном законодательствах.

- Экономическая целесообразность.

Важно обеспечивать защиту объекта только в том случае, если затраты на нее не превышают объем потенциальных потерь в случае реализации тех или иных угроз.

- Комплекс реактивных и превентивных мер.

Реактивные меры принимаются при возникновении реальных угроз безопасности — их ключевая цель заключается в том, чтобы быстро и эффективно минимизировать пагубные последствия, которые могут повлечь за собой экономические или же репутационные потери. К превентивным относят меры, позволяющие предупреждать и блокировать возможные угрозы.

- Непрерывность.

Служба экономической безопасности компании должна работать непрерывно.

- Дифференцированность.

Характер и степень той или иной угрозы напрямую влияют на принимаемые компанией меры для стабилизации ситуации и борьбы с потенциальными негативными последствиями.

- Скоординированность действий.

Чтобы отдел экономической безопасности выполнял свои функции корректно, важно наладить плотное взаимодействие между всеми структурами внутри компании.

- Полный контроль.

Служба экономической безопасности должна полностью подчиняться решениям руководящего состава компании.

РАЗНИЦА МЕЖДУ ОНЛАЙН И ЦИФРОВЫМ БАНКИНГОМ

Онлайн-банкинг в первую очередь фокусируется на денежных переводах, оплате счетов, дистанционных депозитах и базовом онлайн-управлении счетами. Синонимами к данному понятию являются «виртуальный банкинг», «интернет-банкинг» и «электронный банкинг».

Цифровой банкинг представляет собой оцифровку каждой программы и вида деятельности, осуществляемой финансовыми учреждениями и их клиентурой.

К преимуществам оцифровки данных относятся:

- Рост количества безналичных операций и условий для их совершения (например, боль-

шое количество банкоматов) способствует существенной экономии средств и для клиентской базы, и для самих банковских организаций.

- Цифровая аналитика, доступная банкам, позволяет подходить к вопросам принятия решений более эффективно.
- Рост клиентской базы, связанный с тем, что взаимодействие с банком становится более удобным.
- Сокращение количества ошибок, допущенных из-за человеческого фактора.
- Снижение потребности в больших суммах наличных денег.
- Сокращение различий в обслуживании клиентов в городах и в сельской местности.
- Уменьшение угрозы создания и распространения фальшивой валюты (благодаря увеличению объема безналичных операций).

ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ ОЦИФРОВКИ В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ

Цифровизация может помочь банкам сократить расходы и оптимизировать обслуживание клиентов. Несмотря на то что внедрение ИТ-решений является, как правило, дорогостоящим, а новые цифровые банковские инструменты не всегда хорошо воспринимаются клиентами, разработка четкого видения цифровизации, вероятно, позволит банкам преодолеть возникающие проблемы. Сгладить процесс внедрения, интеграции и принятия новых цифровых инструментов внутри компании и убедить сотрудников в важности перехода на цифровые услуги и инструменты онлайн-банкинг (они будут более восприимчивы к цифровизации, стратегически уменьшая количество внутренних конфликтов, и смогут лучше объяснить использование таких новых инструментов клиентам). Приведение внутренней организационной культуры в соответствие с типом предлагаемых ею финансовых услуг продуктов и услуг имеет решающее значение для максимизации ее маркетинговых усилий и в конечном счете эффективности работы фирм.

К недостаткам оцифровки в банковской сфере можно отнести:

- Значительное снижение необходимости в человеческом ресурсе в связи с широким применением различных программ по автоматизации.

- Сокращение количества банковских отделений, которое влечет за собой сокращение рабочих мест и усложняет взаимодействие с банком потребителей услуг из категории «50+», не ощущающих комфорт при работе с цифровыми каналами.

- Уязвимость большей части банковских организаций по отношению к кибератакам.

В будущем нас, вероятно, ожидают банковские системы с собственной формой искусственного интеллекта, а некоторые инструменты для взаимодействия с клиентами с его использованием (например, чат-боты) уже внедрены. Но это только начало. Искусственный интеллект обладает потенциалом для изменения организаций в огромных масштабах — от появления виртуальных финансовых помощников до компьютеризированного кредитного скоринга и прогнозного анализа.

С точки зрения клиентов машинное обучение способствует эффективному улучшению опыта применения банковских продуктов, помогает быстро и результативно решать возникающие вопросы, и наряду с искусственным интеллектом в ближайшем будущем позволит банкам определять спектр проблем потребителей услуг и справляться с ними весьма оперативно и без значительных финансовых затрат. Это приведет к трансформации банковской отрасли, а вместе с ней и клиентского опыта взаимодействия с той или иной разработкой. Банковские организации должны регулярно отслеживать появление новых технологических возможностей и оперативно внедрять их для непрерывного развития бизнеса.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что для массового привлечения клиентов нужно не только разработать интересный и качественный продукт, но и обеспечить комфортный и непрерывный процесс пользования им. Удержать потребителя в условиях сильной конкуренции особенно сложно, так как сектор банковских услуг очень широк и сервис различных учреждений отрасли по части предоставления своих продуктов становится идентичным [1]. Кроме того, появилась возможность одновременного оформления нескольких продуктов без физического присутствия при этом клиента (в том числе онлайн-кредитование). Становится актуальной потребность в создании индивидуальных, характерных только для конкретного банка технологий и методик, разработанных

с использованием высокоэффективных цифровых ресурсов [2].

Внедрение банковских цифровых платформ направлено как на появление новых преимуществ для клиентов, так и на создание собственной экосистемы. Появление сервисов, ориентированных на малый бизнес (например, онлайн-бухгалтерии, оперативного учета, автоматического прогнозирования прибыли), которые смогут в нее входить, позволит гораздо лучше и точнее учитывать потребности потребителей.

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ БАНКОВСКИХ РИСКОВ

Важно отметить, что оцифровка данных создает для банков около 70% цифровых рисков. Согласно аналитическим данным 22% банков по всему миру выделили более 1/4 части годового бюджета на цифровизацию управления рисками [3].

Диверсификация банковских рисков является одним из ключевых методов, обеспечивающих стабильное развитие финансовых учреждений в глобальной экономике, а эффективное управление ею требует новой стратегии в рамках цифровизации. Это особенно важно, так как диверсификация рисков кредитного портфеля оказывает существенное влияние на рост прибыли и снижение общих рисков.

В развивающихся странах (таких как Малайзия, Таиланд, Филиппины, Индонезия и Вьетнам) было проанализировано влияние нескольких стратегий диверсификации операционных рисков и сделан вывод о том, что они положительно сказались как на конкурентоспособности банковских организаций, так и на повышении стабильности финансовых институтов [4]. Например, в Таиланде и Индонезии отметили существенный эффект, повлиявший на их деятельность в целом и на управление сопутствующими рисками в частности. А на Филиппинах диверсификация никак не отражается на росте прибыли, но при этом в целом позитивно влияет на результативность работы банков. В Малайзии же после диверсификации активов наблюдалось снижение прибыли, а работа по управлению рисками характеризовалась как более эффективная [5]. Во Вьетнаме этот процесс практически никак не воздействует на работу банков, так как рынок в стране слабо развит [6]. Азиатские банки диверсифицируют не кредитную деятельность с целью роста прибыли в условиях либерализации, а беспроцентные активы и услуги,

которые не связаны с кредитованием [7]. Такой опыт является крайне полезным для развивающихся стран, так как он может помочь получить дополнительные знания о диверсификации, при условии, что финансовые секторы либерализованы [8]. Процесс диверсификации инвестиционных портфелей способен позитивно повлиять на увеличение их доходности, снижение риска падения котировок акций и повышение эффективности работы. В результате банковские организации привлекают дополнительные инвестиции [9–14] и оказывают меньшее влияние на рынки, которые связаны с ними [15]. Исследования, проведенные в Китае, показали, что диверсификация банков увеличивает долю рынка, чистую маржу и непроцентный доход, а также операционные расходы [16].

НЕОБХОДИМОСТЬ В АДАПТИРОВАННОЙ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЕ

Для скорейшей цифровизации банковских услуг чрезвычайно важно наличие в стране должным образом адаптированной нормативно-правовой базы.

Важно понимать, что в рамках мобильного банкинга есть высокий риск появления онлайн-мошенничества, что ставит под сомнение надежность смартфонов в ближайшем будущем [17]. Ключевая цель всех работ заключается в создании специального защитного механизма для огромного пласта данных с целью усиления кибербезопасности банков [18, 19] — у многих некрупных организаций данной отрасли попросту нет для этого необходимых финансовых ресурсов [20].

А одной из ключевых проблем является создание ряда нормативных и надзорных требований, т.е. внесение изменений в действующую правовую базу, для регулирования существующих угроз [21] и эффективного развития банковского сектора [22].

ЭЛЕКТРОННЫЕ УСЛУГИ И МОБИЛЬНЫЕ ПЛАТЕЖИ

Довольно мало аналитических данных об экосистемах мобильных платежей, которые являются важным инструментом, позволяющим клиентам следить за информацией самостоятельно (не прибегая к услугам сотрудников банка) [23]. Для обеспечения непрерывного доступа в режиме онлайн к внушительному массиву информации важно провести исследовательские работы

для определения корректной ценовой политики и принятия логических решений по предоставлению банками услуг в электронном формате [24]. В европейских странах важную роль в непрерывном обслуживании клиентов играет цифровизация [25].

Введение Директивы о платежных услугах PSD 2¹, выход Google и Apple на рынок платежных услуг и непрерывный рост индустрии финансовых технологий (финтеха) вынуждают банки и другие финансовые учреждения внедрять инновации и стремиться к такой методике работы, которая не будет идти вразрез с постоянно обновляющимися запросами клиентов. Именно этим можно объяснить появление «электронного банкинга» — особой системы, позволяющей им получать информацию и управлять счетами удаленно [26].

Электронные услуги, оказываемые банками, включают в себя:

- 1) выписки с клиентских счетов;
- 2) сведения о банковских продуктах (депозитах, кредитах, ценных бумагах);
- 3) заявки на открытие депозитов и получение кредитов и банковских карт;
- 4) внутренние переводы на банковские счета;
- 5) переводы на счета в других банках;
- 6) конвертацию валюты.

Если для осуществления первых двух видов услуг требуется только мобильная связь, то для остальных, как правило, необходимо подключение к интернету.

ОСОБЕННОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ОНЛАЙН-БАНКИНГА

Параллельно использование блокчейн-технологий, выстраивание гибридного процесса взаимодействия с клиентской базой, а также наличие сетевой конкуренции можно рассматривать как новые точки роста, выявленные в результате проведения исследования информационных систем. К примеру, популярность криптовалюты и краудфандинга в последние годы подталкивает банки с традиционной системой менять модели ведения бизнеса.

¹ PSD 2 (Payment Service Directive 2) — дополненная директива о платежных услугах, цель которой заключается в развитии рынка электронных платежей и создании благоприятных условий для совершения безопасных платежей, что открывает более широкие возможности для производства расчетов.

Высоким уровнем цифровизации, которая крайне важна для преодоления временных и пространственных ограничений (становящихся критичными для клиентов) отличаются скандинавские страны: на данный момент в Дании, Норвегии и Финляндии процент внедрения онлайн-банкинга составляет от 89 до 93% (по данным Statista, 2019²), в то время как в Румынии и в Болгарии аналогичный показатель не превышает 7%, а в Австрии и Германии достигает 59%. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в разных странах финансовые учреждения по-разному восприняли цифровизацию. Однако присущая банкам способность рассматривать ее как мотив для дальнейшей адаптации и поиска способов генерирования новых доходов во времена технологических изменений ранее не изучалась.

С каждым годом все больше банков закрывают свои филиалы, оставляя лишь головные офисы, или же полностью переходят в сферу онлайн-сервисов [27, 28]; но при таких существенных изменениях в работе актуальной российской проблемой, не позволяющей банкам перенести свою деятельность в цифровую среду (которая является более выгодной нишей для бизнеса), становится неготовность старшего поколения к переходу на цифровой формат обслуживания.

UX- и UI-дизайн, применение и предполагаемая полезность цифровых продуктов (таких, как инструментарий онлайн-банкинга) не могут быть одинаково ориентированы одновременно на все слои аудитории, в частности на пожилых клиентов. То есть консервативный подход можно считать для банковских организаций более выгодным. К тому же компании Banker, Chen, Liu и Ou [29] в 2009 г. установили, что онлайн-сервисы положительно влияют на экономическую эффективность, но при этом малоэффективны в плане роста продаж. Ранее привычные каналы это гарантировали, хотя и требовали больших затрат, что означает, что они по-прежнему могут оказывать общий позитивный эффект. То есть банки, решившие на некоторое время отложить цифровизацию, могут оставаться в равной степени успешными с точки зрения прибыльности. Это особенно касается стран, которые все еще находятся в процессе перехода на новые технологии.

Предположительно не только степень цифровизации, но и то, насколько финансовые организации «принимают» ее стратегически и используют ее

² Statista. A Statista DossierPlus on major events shaping 2019. URL: <https://www.statista.com/study/69168/2019-in-numbers/>

возможности на рынке, имеет решающее значение для достижения конкурентного преимущества. Банки могут разработать соответствующее видение и внедрить согласованные пакеты или новые онлайн-сервисы в рамках своей бизнес-стратегии, или же будут функционировать без такой четкой программы развития. Кроме того, у них есть возможность применения иных подходов к цифровизации, характеризующихся разным уровнем предпринимательской интенсивности. Непредпринимательский подход можно было бы охарактеризовать как позицию выжидания и наблюдения, в рамках которой банки внедряют услуги и онлайн-функции, оказавшиеся успешными. Бизнес-подход (предпринимательский) к цифровизации, напротив, заключается во внедрении инновационных онлайн-сервисов раньше конкурентов с учетом того, что данные услуги могут не привести к дополнительным продажам, прибыльности и/или удовлетворенности клиентов.

Уделяя особое внимание инновациям и инициативности, банки будут более активно искать новые возможности на рынке и использовать их быстрее. Таким образом, некоторые финансовые компании смогут лучше осваивать новые сегменты рынка и привлекать новых клиентов, а также предоставлять инновационные решения и продукты уже существующим. Кроме того, ориентация на инновации делает банки более гибкими к меняющимся требованиям клиентов, появляющиеся ресурсы позволяют их топ-менеджерам быть более осведомленными и эффективно изучать новые цифровые возможности рынка и оценивать связанные с ними риски. Однако последние могут привести к более разнообразным результатам с точки зрения прибыльности. Тем не менее в целом ожидается, что такие работы будут положительными.

Что касается крупных банков, то они по-прежнему сосредоточены на эффективных системах переводов и стратегиях. Выводы Nüesch, Puschmann и Alt [30] 2012 г. подтверждают, что подобные финансовые учреждения только начинают изучать возможности цифровых услуг, а большинство из них предоставляют лишь базовые — такие, как обмен мгновенными сообщениями, вики-сайты, блоги и рейтинговые приложения. Это сводит затраты к минимуму, но ставит под угрозу бизнес-потенциал по привлечению новых клиентов, укрепление отношений с существующими и завоевание их лояльности, а также перекрестные продажи.

ИНТЕГРАЛЬНЫЙ, МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ И МОБИЛЬНЫЙ БАНКИНГИ

Дополнительные возможности для интенсификации отношений с клиентами за счет использования цифровых технологий — интегральный, многофункциональный и мобильный виды банкинга. Первый обеспечивает клиенту большую прозрачность — он может получить ту же информацию, которая доступна и банковскому консультанту. Ключевым преимуществом многофункционального банковского обслуживания является возможность использования различных инструментов — таких, как компьютеры, телефоны и местные банки, для осуществления банковских операций. Аналогичным образом мобильный банкинг в основном связан с возможностями получения банковских услуг с помощью мобильных устройств без ограничений по времени и месту.

Клиенты, однако, при необходимости все-таки рассчитывают на личный контакт с сотрудниками банка для получения информации и удовлетворения своих потребностей; при этом эффект человеческого фактора не всегда оказывается положительным. С этой точки зрения цифровые технологии могут быть полезным средством улучшения качества обслуживания.

Изменения в деловых отношениях также можно наблюдать на фондовых биржах. Цифровые торговые платформы меняют актуальность устоявшихся биржевых обменов, а поставщикам, чтобы выжить в условиях жесткой конкуренции, перманентно приходится радикальным образом перестраивать бизнес-модели или же адаптировать новые, в том числе позволяющие осуществлять кредитные операции через онлайн-платформы, тем самым меняя алгоритм действий банков и кредитных учреждений. Первоначально компетенция последних заключалась в том, чтобы выступать в качестве посредников. Теперь небанковские организации начинают конкурировать с традиционными участниками индустрии финансовых услуг — появился даже новый термин «банкинг с открытыми точками». Исследование 2012 г. Sachse et al [31] показало, что уже половина респондентов проявляют интерес к использованию услуг этих небанковских учреждений. Это свидетельствует о тенденции рынка к неоднородности при растущем числе отказов банков от посредничества.

Информация все больше оцифровывается, клиенты уже не полагаются на банковские отделения в плане пользования их услугами; специалисты соперничают не только друг с другом, но и со сложными технологическими инновациями.

ОСОБЕННОСТИ ОНЛАЙН-БАНКИНГА

У банков, которые уже цифровизировали свои услуги и перешли к онлайн-банкингу, появляются дополнительные возможности: например, активная адаптация своих бизнес-моделей для динамической конвертации валют, что часто требует использования IT-приложений.

При этом важно понимать, что у небольших финансовых организаций возможностей меньше — они могут испытывать сложности в связи ограниченными бюджетами. Это особенно актуально, когда дело касается разработки новых инструментов для онлайн-банкинга. Однако их нынешние цифровые системы могут быть менее сложными, что позволяет разрабатывать более инновационные цифровые решения.

На сегодняшний день уже существуют банки, бизнес-модель которых построена на полном отказе от офисов и использовании только онлайн-платформ. Примером в России является «Тинькофф банк», не имеющий отделений и осуществляющий все взаимодействия с клиентом через мобильное приложение. Такой сервис стал пользоваться большой популярностью в связи с тем, что он позволяет получать услуги круглосуточно, не выходя из дома. Однако у этой модели имеются свои минусы: объем работы, возложенной на банк, становится в разы больше и необходим персонал, имеющий навыки работы в условиях цифровой экономики. Поэтому важнейшей задачей подобных учреждений становится соответствующее обучение сотрудников технологиям и осуществление своей деятельности онлайн.

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БАНКОВ В РОССИИ

Прогресс в области цифровых технологий позволяет банкам работать более эффективно [32]. Согласно полученным от финансовых организаций данным в 2022 г. можно выделить 5 ключевых технологий цифровой трансформации банков в России, которые они планируют развивать:

- Кибербезопасность. В 2022 г. и в последующие годы эта тема будет актуальной в связи с тем, что чем дальше идет процесс цифровизации

банковских услуг, тем чаще возникает вопрос сохранности информации и ее обработки [33–35]. Защита персональных данных клиентов требует существенных инвестиций с целью поддержания конкурентоспособности в этом сегменте рынка.

- Платежи. По причине эпидемиологической ситуации в мире доля безналичных расчетов сильно увеличилась, поэтому банки заинтересованы в проведении платежей «через себя» и получении комиссионных [36–38].

- Искусственный интеллект. Развитие технологий, связанных с ним, не потеряет актуальности в связи с тем, что, позволяя работать с информационными базами, он играет огромную роль с точки зрения таргетирования банковских продуктов в условиях острой конкурентной борьбы.

- Улучшение клиентского опыта. Значительный рост клиентской базы за счет привлечения новых пользователей маловероятен; следовательно, необходимо совершенствование имеющегося опыта для работы с текущими клиентами (в определенных целевых аудиториях) и уже параллельно заниматься привлечением новых. Консервативные банки ориентируются на потребителей своих услуг из категории «50+», не ощущающих комфорт при работе с цифровыми каналами и не особенно доверяющим к виртуальным денежным средствам, поэтому необходимо сфокусироваться на упрощении программного обеспечения для данной целевой аудитории.

- Цифровая ипотека. На сегодняшний день ипотечное кредитование демонстрирует стабильный и высокий рост — следовательно, организация более оперативного документооборота помогла бы выделить временной ресурс, необходимый для более детальной обработки данных.

НЕДОСТАТКИ ВНЕДРЕНИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Объем вложений в цифровизацию экономики продолжает увеличиваться, как показано на *рисунке*.

В настоящее время цифровая трансформация является основным фактором конкурентоспособности банков. Внедрение новых технологий пользуется огромным спросом у общества, которое в полной мере оценило преимущество онлайн-услуг в банковской сфере, тем более, что, согла-

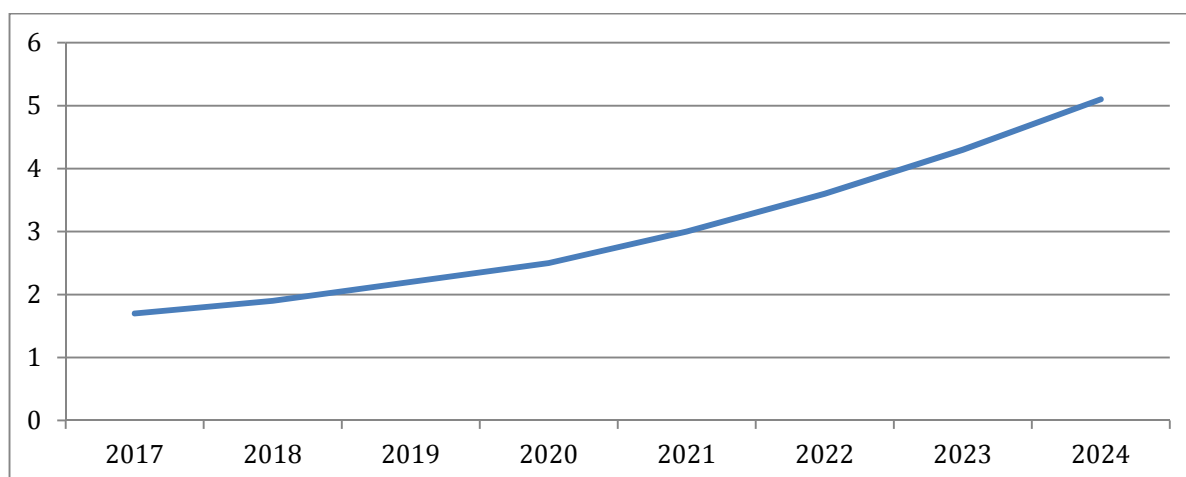

Рис./ Fig. Внутренние затраты на развитие цифровой экономики, в % к ВВП / Domestic costs for the development of the digital economy as a percentage of GDP

Источник / Source: составлено автором на основе данных НИИ ВШЭ. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Цифровая_экономика_России / compiled by the author based on data from the Higher School of Economics. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Цифровая_экономика_России

сно исследованию компании McKinsey Global Inc. «Цифровая Россия: новая реальность»³, к 2017 г. 60% населения России использовало смартфоны. Стремительно увеличивается доля рынка бесконтактных, а также мобильных платежей и сервисов, работающих по системе P2P. Концепция современных цифровых банков подразумевает, в том числе, оперативное внедрение клиентоориентированных инновационных решений⁴.

Ниже перечислены некоторые моменты, демонстрирующие, что, несмотря на очевидные преимущества, использование новейших цифровых технологий также влечет за собой целый перечень проблем, для устранения которых требуется оперативная аналитическая работа.

- Нехватка персонала соответствующей квалификации. Чтобы информационные системы работали корректно и эффективно, их обслуживанием должны заниматься грамотные специалисты, причем такие сотрудники должны разбираться в теме и как администраторы, и как

пользователи. Постоянное обновление цифровых технологий значительно усложняет процессы поиска подходящих кадров, а это влечет за собой необходимость в постоянном повышении квалификации персонала. Решением данной проблемы для банков может стать использование опыта зарубежных финансовых учреждений, улучшение организации обучения своих сотрудников, подготовка молодых специалистов в данной области, а также изменение графика работы персонала на более гибкий и гибридный [39].

- Информационная безопасность. Перенос большей части информационной базы в цифровую среду влечет за собой риски потери данных в результате хакерских атак или ошибок при их использовании, что грозит банкам потерей лояльности клиентов и их уходом, а клиентам — попаданием их персональных данных к третьим лицам [40, 41]. Во избежание этого требуется сотрудничество с высококвалифицированными специалистами в данной области, постоянное обучение персонала в соответствии с современными критериями и, конечно же, оперативные работы по обновлению банковских систем.

- Ошибки, возникающие в работе цифровых систем. Поскольку цифровизация развивается очень быстро, велики риски появления в программе ошибок, связанных с автоматизацией различных процессов внутри банков. С целью быстрого устранения возможных проблем циф-

³ Цифровая Россия. Новая реальность. Исследование компании McKinsey Global Inc.: URL: <https://www.mckinsey.com/~/media/mckinsey/locations/europe%20and%20middle%20east/russia/our%20insights/digital%20russia/digital-russia-report.ashx>

⁴ Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Цифровая экономика РФ. URL: <https://digital.gov.ru/activity/directions/858> (дата обращения: 08.03.2022).

ровые системы необходимо регулярно мониторить. Также важно корректно оценивать потенциальные угрозы — на все это организации должны выделять немалые суммы.

СТРАТЕГИЯ ПО УПРАВЛЕНИЮ РИСКАМИ И ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДИВЕРСИФИКАЦИИ

Можно предположить, что при анализе диверсификации банков по всему миру будет выявлено, что стабильное развитие финансовой системы обуславливается определенной стратегией и методологией по управлению рисками. Чтобы лучше узнавать потребности клиентской базы, важно на постоянной основе устанавливать партнерские отношения с зарубежными финансовыми предприятиями — это поможет создать условия, необходимые для предоставления финансовых услуг на безопасной основе, и обеспечения стабильного роста бизнеса.

Для развития социально-экономической деятельности следует оцифровывать банковские процессы, а также работать над развитием экономических отношений. При этом важно обратить внимание на то, что цифровизация делает банковские организации уязвимыми для кибератак, которые могут привести к определенным репутационным рискам. То есть в нынешних условиях банки должны работать над привлечением дополнительных инвестиций, направленных на профилактику и оперативное предотвращение рисков такого рода, а также сотрудничать с заинтересованными организациями с целью обмена опытом, в том числе и по данной проблеме. Все вышеперечисленное, вероятно, позитивно повлияет на рост прибыли финансовых учреждений. Но это не единственный объективный показатель эффективности диверсификации. Необходимо также отслеживать, увеличивается ли объем продаж, растет ли клиентская база и количество персонала. Данные факторы помогут отследить, окупаются ли средства, которые ранее были выделены на осуществление цифровизации.

ВЫВОДЫ

Рынок мобильной и беспроводной связи является одним из самых быстрорастущих рынков в мире. Появление новых технологий и увеличение использования мобильных устройств

и смартфонов по всему миру привели к созданию новой платформы в банковской отрасли. Подключение клиента в любое время и в любом месте к его деньгам и набору необходимых инструментов управления ими — обязательная услуга, в последние годы ставшая необходимой. Это обуславливает возникновение нового поколения банковских отношений, которые будут характеризоваться наиболее эффективным взаимодействием с клиентской базой и, следовательно, оперативным удовлетворением всех потребностей последней. Перед финансовыми организациями стоит уникальная задача по сохранению и расширению клиентской базы, а также оперативному внедрению новых технологий и созданию, таким образом, дополнительных конкурентных преимуществ. Удобство в онлайн-обслуживании в сочетании с наличием филиалов и банкоматов оказывают существенное влияние на процветание банков. Для того чтобы они могли непрерывно и эффективно развиваться, следует использовать новые технологии и адаптировать их должным образом.

Будущие исследования должны быть направлены на процессы оцифровки банковских услуг и выявление факторов, определяющих степень их удобства для клиентов. Это позволит не только оценить, соответствуют ли продукты банков ожиданиям потребителей, а также предложить пути преобразования банковских операций с целью укрепления финансовой стабильности последних. Важно отметить, что для наиболее полного и детального анализа оцифровки бизнес-моделей с высокой вероятностью потребуются не одна, а сразу несколько шкал для ранжирования цифровых инструментов, отражающих, например, насколько этот процесс используется разными подразделениями компании: отделами по работе с клиентами, бухгалтерией. В идеале последующие исследования подобного плана также должны оценивать, какой тип инструментов цифровизации наиболее подходит для широкого применения.

Как справедливо замечено в ряде зарубежных материалов и исследований, оцифровка в коммерческих банках способствует оптимизации ряда ключевых процессов и позитивно влияет на процессы взаимодействия с клиентами в плане предоставления банковских услуг. Результаты

данного исследования могут быть полезны как руководителям подразделений, так и маркетологам коммерческих банков для последующего выстраивания процессов оцифровки предоставляемых услуг. Кроме того, положения и разделы,

касающиеся кибербезопасности и потенциальных угроз для мобильного банкинга, могут помочь при формировании запросов и технических заданий для IT-специалистов, отвечающих за разработку и внедрение тех или иных цифровых продуктов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Каленов О.Е. Цифровые экосистемы организаций. *Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова*. 2022;19(1):139–147. DOI: 10.21686/2413–2829–2022–1–139–147
2. Анохина А.А., Донская Е.Н. Цифровизация банковских услуг. *Актуальные проблемы современности: наука и общество*. 2021;(2):30–33.
3. Moudud-Ul-Huq S., Ashraf B. N., Das Gupta A., Zheng C. Does bank diversification heterogeneously affect performance and risk-taking in ASEAN emerging economies? *Research in International Business and Finance*. 2018;46:342–362. DOI: 10.1016/j.ribaf.2018.04.007
4. Mohd Khan S. J., Samsudin S., Islam R. Efficiency of banks in Southeast Asia: Indonesia, Malaysia, Philippines and Thailand. *International Journal of Social Economics*. 2017;44(12):2302–2312. DOI: 10.1108/IJSE-01–2016–0020
5. Do H. T.K., Chu L. K., Nguyen P. M. Vietnamese banking system in the context of ASEAN financial integration. *International Journal of Financial Research*. 2017;8(1):155–165. DOI: 10.5430/ijfr.v8n1p155
6. Taskinsoy J. Asian miracle, Asian tiger, or Asian myth? Financial sector and risk assessment through FSAP experience: Enhancing bank supervision in Thailand. *SSRN Electronic Journal*. 2019. DOI: 10.2139/ssrn.3385337
7. Syadullah M. ASEAN banking efficiency review facing financial services liberalization: The Indonesian perspective. *Asian Development Policy Review*. 2018;6(2):88–99. DOI: 10.18488/journal.107.2018.62.88.99
8. Cortés K.R., Strahan P.E. Tracing out capital flows: How financially integrated banks respond to natural disasters. *Journal of Financial Economics*. 2017;125(1):182–199. DOI: 10.1016/j.jfineco.2017.04.011
9. Gilje E. P., Loutskina E., Strahan P. E. Exporting liquidity: Branch banking and financial integration. *The Journal of Finance*. 2016;71(3):1159–1184. DOI: 10.1111/jofi.12387
10. Levine R., Lin C., Xie W. Geographic diversification and banks' funding costs. *Management Science*. 2021;67(5):2657–2678. DOI: 10.1287/mnsc.2020.3582
11. Dvorsky J., Popp J., Virglerova Z., Kovács S., Oláh J. Assessing the importance of market risk and its sources in the SME of the Visegrad Group and Serbia. *Advances in Decision Sciences*. 2018;22(A):1–22. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/334753999.pdf>
12. Oláh J., Kovács S., Virglerova Z., Lakner Z., Kovacova M., Popp J. Analysis and comparison of economic and financial risk sources in SMEs of the Visegrad group and Serbia. *Sustainability*. 2019;11(7):1853. DOI: 10.3390/su11071853
13. Doerr S., Schaz P. Bank loan supply during crises: The importance of geographic diversification. BIS Working Paper. 2019;(827). URL: <https://www.bis.org/publ/work827.pdf>
14. Cai W., Xu F., Zeng C. Geographical diversification and bank performance: Evidence from China. *Economics Letters*. 2016;147:96–98. DOI: 10.1016/j.econlet.2016.08.022
15. Bömer M., Maxin H. Why fintechs cooperate with banks – evidence from Germany. *Zeitschrift für die gesamte Versicherungswissenschaft*. 2018;107(3):359–386. DOI: 10.1007/s12297–018–0421–6
16. Hryshchuk R., Yevseiev S. The synergetic approach for providing bank information security: The problem formulation. *Ukrainian Scientific Journal of Information Security*. 2016;22(1):64–74. DOI: 10.18372/2225–5036.22.10456
17. Belás J., Korauš M., Kombo F., Korauš A. Electronic banking security and customer satisfaction in commercial banks. *Journal of Security and Sustainability Issues*. 2016;5(3):411–422. DOI: 10.9770/jssi.2016.5.3(9)
18. Servidio J. S., Taylor R. D. Safe and sound: Cybersecurity for community banks. *Journal of Taxation & Regulation of Financial Institutions*. 2015;28(4):5–14.

19. Crisanto J. C., Prenio J. Regulatory approaches to enhance banks' cybersecurity frameworks. Financial Stability Institute. FSI Insights on Policy Implementation. 2017;(2). URL: <https://www.bis.org/fsi/publ/insights2.pdf>
20. Camillo M. Cybersecurity: Risks and management of risks for global banks and financial institutions. *Journal of Risk Management in Financial Institutions*. 2017;10(2):196–200. URL: <https://www.aig.co.uk/content/dam/aig/emea/united-kingdom/documents/Insights/jrmfi-mark-camillo-article-mar-2017.pdf>
21. Gaur A., Ondrus J. The role of banks in the mobile payment ecosystem: A strategic asset perspective. In: Proc. 14th Annu. int. conf. on electronic commerce (Singapore, 7–8 August 2012). Singapore: Singapore Management University; 2012:171–177. DOI: 10.1145/2346536.2346570
22. Tinnilä M. Impact of future trends on banking services. *Journal of Internet Banking and Commerce*. 2012;17(2):1–15. URL: <https://www.icommercecentral.com/open-access/impact-of-future-trends-on-banking-services.pdf>
23. Maixé-Altés J. C. The digitalization of banking: A new perspective from the European savings banks industry before the Internet. *Enterprise & Society*. 2019;20(1):159–198. DOI: 10.1017/eso.2018.18
24. Samar S., Ghani M., Alnaser F. Predicting customer's intentions to use internet banking: The role of technology acceptance model (TAM) in e-banking. *Management Science Letters*. 2017;7(11):513–524. DOI: 10.5267/j.msl.2017.8.004
25. Цифровая трансформация — шаг в будущее. Мат. I Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых (Минск, 22 февраля 2021 г.). Мн.: БГУ; 2021:68–73.
26. Шакиров А. Р., Шакирова Г. И. Императив цифровой экономики. *Вестник современных исследований*. 2018;(10.2):297–301.
27. Бубнова Ю. Б. Трансформация бизнес-модели банка в условиях цифровой экономики. *Известия Байкальского государственного университета*. 2019;29(3):425–433. DOI: 10.17150/2500–2759.2019.29(3).425–433
28. Rawat D. B., Doku R., Garuba M. Cybersecurity in Big Data era: From securing Big Data to data-driven security. *IEEE Transactions on Services Computing*. 2021;14:2055–2072. DOI: 10.1109/TSC.2019.2907247
29. Banker R., Chen P.-Y., Liu F.-C., Ou C.-S. Business value of IT in commercial banks. In: ICIS 2009 Proceedings: 13th Int. conf. on information systems. 2009. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/301347393.pdf>
30. Nüesch R., Alt R., Puschmann T. Hybrid customer interaction. *Business & Information Systems Engineering*. 2015;57(1):73–78. DOI: 10.1007/s12599–014–0366–9
31. Sachse S., Puschmann T., Alt R. Towards customer-oriented electronic markets — A survey among digital natives in the financial industry. In: Bled eConference. eDependability: Reliable and trustworthy eStructures, eProcesses, eOperations and eServices for the future (Bled, June 17–20, 2012). 2012. URL: <https://aisel.aisnet.org/cgi/viewcontent.cgi?article=1016&context=bled2012>
32. Протопопов С. А., Дубов Д. А. Кибербезопасность банковской деятельности в условиях цифровизации экономики. Национальная экономика Республики Беларусь: проблемы и перспективы развития. Мат. XII Междунар. науч.-практ. конф. студентов (Минск, 3–11 апреля 2019 г.). Мн.: БГЭУ; 2019:84–85. URL: http://www.bseu.by:8080/bitstream/edoc/83494/1/Protopov_S.A..pdf
33. Романченко Д. В. Кибербезопасность в Российской банковской сфере и опыт зарубежных стран. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2019;(6–2):105–108. DOI: 10.24411/2411–0450–2019–10872
34. Темирханова М. Т., Рудская И. А. Инновационные финансовые технологии: российский опыт и перспективы развития. *Фундаментальные исследования*. 2018;(8):110–115.
35. Юлдыбаев Б. Р., Валиуллина В. А. Роль электронных денег в развитии современной рыночной экономики. Проблемы гуманитарных наук и образования в современном мире. Мат. VII Всерос. науч.-практ. конф. (Сибай, 26–27 марта 2021 г.). Сибай: Сибайский ин-т; 2021:98–101.
36. Rahim F. K., Asdar M., Sobarsyah M., Nursyamsi I. The effect of non-cash payments on inflation rate with cash circulation as an intervening variable during the COVID-19 pandemic. *International Journal of Innovative Science and Research Technology*. 2021;6(7):765–768. URL: <https://ijisrt.com/assets/upload/files/IJISRT21JUL527.pdf>

37. Obukhov A. D., Krasnyanskiy M., Nikolyyukin M. Algorithm of adaptation of electronic document management system based on machine learning technology. *Progress in Artificial Intelligence*. 2020;9(4):287–303. DOI: 10.1007/s13748-020-00214-2
38. Kurmanova L., Nurdavliatova E., Kurmanova D., Galimova G., Khabibullin R. Development of digital services and information security of banks. In: DEFIN-2021: IV Int. sci. and pract. conf. 2021. DOI: 10.1145/3487757.3490911
39. Bulatova E. I., Ipatova E. Financial features of systemically important banks operation in modern conditions. *International Journal of Financial Research*. 2020;12(1):23. DOI: 10.5430/ijfr.v12n1p23
40. Moody G., Siponen M. T., Pahlila S. Toward a unified model of information security policy compliance. *MIS Quarterly*. 2018;42(1):285–311. DOI: 10.25300/MISQ/2018/13853
41. May M., White O., Wilson G. A risk agenda for boards of directors at US banks. McKinsey & Company. Feb. 04, 2021. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights/a-2021-risk-agenda-for-boards-of-directors-at-us-banks#> (дата обращения: 02.01.2022).

REFERENCES

1. Kalenov O. E. Digital ecosystems of organizations. *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova = Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2022;19(1):139–147. (In Russ.). DOI: 10.21686/2413-2829-2022-1-139-147
2. Anokhina A. A., Donskaia E. N. Digitalization of banking services. *Aktual'nye problemy sovremennosti: nauka i obshchestvo = Actual Issues of Modern Science and Society*. 2021;(2):30–33. (In Russ.).
3. Moudud-Ul-Huq S., Ashraf B. N., Das Gupta A., Zheng C. Does bank diversification heterogeneously affect performance and risk-taking in ASEAN emerging economies? *Research in International Business and Finance*. 2018;46:342–362. DOI: 10.1016/j.ribaf.2018.04.007
4. Mohd Khan S. J., Samsudin S., Islam R. Efficiency of banks in Southeast Asia: Indonesia, Malaysia, Philippines and Thailand. *International Journal of Social Economics*. 2017;44(12):2302–2312. DOI: 10.1108/IJSE-01-2016-0020
5. Do H. T. K., Chu L. K., Nguyen P. M. Vietnamese banking system in the context of ASEAN financial integration. *International Journal of Financial Research*. 2017;8(1):155–165. DOI: 10.5430/ijfr.v8n1p155
6. Taskinsoy J. Asian miracle, Asian tiger, or Asian myth? Financial sector and risk assessment through FSAP experience: Enhancing bank supervision in Thailand. *SSRN Electronic Journal*. 2019. DOI: 10.2139/ssrn.3385337
7. Syadullah M. ASEAN banking efficiency review facing financial services liberalization: The Indonesian perspective. *Asian Development Policy Review*. 2018;6(2):88–99. DOI: 10.18488/journal.107.2018.62.88.99
8. Cortés K. R., Strahan P. E. Tracing out capital flows: How financially integrated banks respond to natural disasters. *Journal of Financial Economics*. 2017;125(1):182–199. DOI: 10.1016/j.jfineco.2017.04.011
9. Gilje E. P., Loutskina E., Strahan P. E. Exporting liquidity: Branch banking and financial integration. *The Journal of Finance*. 2016;71(3):1159–1184. DOI: 10.1111/jofi.12387
10. Levine R., Lin C., Xie W. Geographic diversification and banks' funding costs. *Management Science*. 2021;67(5):2657–2678. DOI: 10.1287/mnsc.2020.3582
11. Dvorsky J., Popp J., Virglerova Z., Kovács S., Oláh J. Assessing the importance of market risk and its sources in the SME of the Visegrad Group and Serbia. *Advances in Decision Sciences*. 2018;22(A):1–22. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/334753999.pdf>
12. Oláh J., Kovács S., Virglerova Z., Lakner Z., Kovacova M., Popp J. Analysis and comparison of economic and financial risk sources in SMEs of the Visegrad group and Serbia. *Sustainability*. 2019;11(7):1853. DOI: 10.3390/su11071853
13. Doerr S., Schaz P. Bank loan supply during crises: The importance of geographic diversification. BIS Working Paper. 2019;(827). URL: <https://www.bis.org/publ/work827.pdf>
14. Cai W., Xu F., Zeng C. Geographical diversification and bank performance: Evidence from China. *Economics Letters*. 2016;147:96–98. DOI: 10.1016/j.econlet.2016.08.022
15. Bömer M., Maxin H. Why fintechs cooperate with banks — evidence from Germany. *Zeitschrift für die gesamte Versicherungswissenschaft*. 2018;107(3):359–386. DOI: 10.1007/s12297-018-0421-6

16. Hryshchuk R., Yevseiev S. The synergetic approach for providing bank information security: The problem formulation. *Ukrainian Scientific Journal of Information Security*. 2016;22(1):64–74. DOI: 10.18372/2225–5036.22.10456
17. Belás J., Korauš M., Kombo F., Korauš A. Electronic banking security and customer satisfaction in commercial banks. *Journal of Security and Sustainability Issues*. 2016;5(3):411–422. DOI: 10.9770/jssi.2016.5.3(9)
18. Servidio J. S., Taylor R. D. Safe and sound: Cybersecurity for community banks. *Journal of Taxation & Regulation of Financial Institutions*. 2015;28(4):5–14.
19. Crisanto J. C., Prenio J. Regulatory approaches to enhance banks' cybersecurity frameworks. Financial Stability Institute. FSI Insights on Policy Implementation. 2017;(2). URL: <https://www.bis.org/fsi/publ/insights2.pdf>
20. Camillo M. Cybersecurity: Risks and management of risks for global banks and financial institutions. *Journal of Risk Management in Financial Institutions*. 2017;10(2):196–200. URL: <https://www.aig.co.uk/content/dam/aig/emea/united-kingdom/documents/Insights/jrmfi-mark-camillo-article-mar-2017.pdf>
21. Gaur A., Ondrus J. The role of banks in the mobile payment ecosystem: A strategic asset perspective. In: Proc. 14th Annu. int. conf. on electronic commerce (Singapore, 7–8 August 2012). Singapore: Singapore Management University; 2012:171–177. DOI: 10.1145/2346536.2346570
22. Tinnilä M. Impact of future trends on banking services. *Journal of Internet Banking and Commerce*. 2012;17(2):1–15. URL: <https://www.icommercecentral.com/open-access/impact-of-future-trends-on-banking-services.pdf>
23. Maixé-Altés J. C. The digitalization of banking: A new perspective from the European savings banks industry before the Internet. *Enterprise & Society*. 2019;20(1):159–198. DOI: 10.1017/eso.2018.18
24. Samar S., Ghani M., Alnaser F. Predicting customer's intentions to use internet banking: The role of technology acceptance model (TAM) in e-banking. *Management Science Letters*. 2017;7(11):513–524. DOI: 10.5267/j.msl.2017.8.004
25. Digital transformation — a step into the future. Proc. 1st Int. sci.-pract. conf. of young scientists (Minsk, February 22, 2021). Minsk: Belarusian State University; 2021:68–73. (In Russ.).
26. Shakirov A. R., Shakirova G. I. Imperative of the digital economy. *Vestnik sovremennykh issledovanii*. 2018;(10.2):297–301. (In Russ.).
27. Bubnova Yu. B. Transformation of bank's business model in terms of digital economy. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*. 2019;29(3):425–433. (In Russ.). DOI: 10.17150/2500–2759.2019.29(3).425–433.
28. Rawat D. B., Doku R., Garuba M. Cybersecurity in Big Data era: From securing Big Data to data-driven security. *IEEE Transactions on Services Computing*. 2021;14:2055–2072. DOI: 10.1109/TSC.2019.2907247
29. Banker R., Chen P.-Y., Liu F.-C., Ou C.-S. Business value of IT in commercial banks. In: ICIS 2009 Proceedings: 13th Int. conf. on information systems. 2009. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/301347393.pdf>
30. Nüesch R., Alt R., Puschmann T. Hybrid customer interaction. *Business & Information Systems Engineering*. 2015;57(1):73–78. DOI: 10.1007/s12599–014–0366–9
31. Sachse S., Puschmann T., Alt R. Towards customer-oriented electronic markets — A survey among digital natives in the financial industry. In: Bled eConference. eDependability: Reliable and trustworthy eStructures, eProcesses, eOperations and eServices for the future (Bled, June 17–20, 2012). 2012. URL: <https://aisel.aisnet.org/cgi/viewcontent.cgi?article=1016&context=bled2012>
32. Protopopov S. A., Dubov D. A. Cyber security of banking in the context of digitalization of the economy. In: National economy of the Republic of Belarus: problems and development prospects. Proc. 12th Int. sci.-pract. student conf. (Minsk, April 3–11, 2019). Minsk: Belarus State Economic University; 2019:84–85. URL: http://www.bseu.by:8080/bitstream/edoc/83494/1/Protopov_S.A..pdf (In Russ.).
33. Romanchenko D. V. Cybersecurity in the Russian banking sector and the experience of foreign countries. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economy and Business: Theory and Practice*. 2019;(6–2):105–108. (In Russ.). DOI: 10.24411/2411–0450–2019–10872

34. Temirkhanova M. T., Rudskaya I. A. Innovative financial technologies: The Russian experience and prospects of development. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental Research*. 2018;(8):110–115. (In Russ.).
35. Yuldybaev B. R., Valiullina V. A. The role of electronic money in the development of a modern market economy. In: Problems of the humanities and education in the modern world. Proc. 7th All-Russ. sci.-pract. conf. (Sibay, March 26–27, 2021). Sibay: Sibay Institute; 2021:98–101. (In Russ.).
36. Rahim F. K., Asdar M., Sobarsyah M., Nursyamsi I. The effect of non-cash payments on inflation rate with cash circulation as an intervening variable during the COVID-19 pandemic. *International Journal of Innovative Science and Research Technology*. 2021;6(7):765–768. URL: <https://ijisrt.com/assets/upload/files/IJISRT21JUL527.pdf>
37. Obukhov A. D., Krasnyanskiy M., Nikol'yukin M. Algorithm of adaptation of electronic document management system based on machine learning technology. *Progress in Artificial Intelligence*. 2020;9(4):287–303. DOI: 10.1007/s13748-020-00214-2
38. Kurmanova L., Nurdavliatova E., Kurmanova D., Galimova G., Khabibullin R. Development of digital services and information security of banks. In: DEFIN-2021: IV Int. sci. and pract. conf. 2021. DOI: 10.1145/3487757.3490911
39. Bulatova E. I., Ipatova E. Financial features of systemically important banks operation in modern conditions. *International Journal of Financial Research*. 2020;12(1):23. DOI: 10.5430/ijfr.v12n1p23
40. Moody G., Siponen M. T., Pahnla S. Toward a unified model of information security policy compliance. *MIS Quarterly*. 2018;42(1):285–311. DOI: 10.25300/MISQ/2018/13853
41. May M., White O., Wilson G. A risk agenda for boards of directors at US banks. McKinsey & Company. Feb. 04, 2021. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights/a-2021-risk-agenda-for-boards-of-directors-at-us-banks#> (accessed on 02.01.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Ришат Галиуллинович Нафиков — аспирант РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия; главный специалист-эксперт, заместитель главного бухгалтера отдела ресурсного обеспечения, бухгалтерского учета и внутреннего финансового аудита Главного управления Минюста, России по Москве, Москва, Россия

Rishat G. Nafikov — graduate student of RANEP, Moscow, Russia; Chief Specialist Expert, Deputy Chief Accountant of the Department of Resource Support, Accounting and Internal Financial Audit of the Main Directorate of the Ministry of Justice of Russia in Moscow, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-1433-3108>

mrnafikov@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила в редакцию 23.05.2022; после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 25.07.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 23.05.2022; revised on 15.06.2022 and accepted for publication on 25.07.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-3-53-69

УДК 338(045)

JEL E6

Импортозамещение в высокотехнологичных отраслях промышленности в условиях внешних санкций

Н.М. Абдикеев

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В условиях ограничения импорта в Российскую Федерацию технологий и оборудования, вызванных внешними санкциями и уходом из нашей страны западноевропейских, американских и японских компаний, в затруднительном положении оказались прежде всего высокотехнологичные отрасли отечественной промышленности. Возникли проблемы, связанные с импортозамещением продукции, попавшей под запрет ввоза, а также с развитием локализации основных производственных сегментов. **Целью исследования** является рассмотрение планов по импортозамещению в станкоинструментальной, авиационной, электронной и машиностроительной отраслях на предмет оценки эффективности их реализации; выявление причин и факторов торможения политики импортозамещения, а также способов повышения ее результативности. Автором предложены направления совершенствования государственной поддержки высокотехнологичных отраслей обрабатывающей промышленности для решения стоящих перед ней задач. В основу статьи легли результаты научных и аналитических исследований, выполненных Институтом финансово-промышленной политики Финансового университета.

Ключевые слова: импортозамещение; промышленность; высокотехнологичные отрасли; внешние санкции; локализация производства; станкоинструментальная, авиационная, электронная промышленность; машиностроение

Для цитирования: Абдикеев Н.М. Импортозамещение в высокотехнологичных отраслях промышленности в условиях внешних санкций. *Управленческие науки*. 2022;12(3):53-69. DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-3-53-69

ORIGINAL PAPER

Import Substitution in High-Tech Industries under External Sanctions

N.M. Abdikeev

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

In the context of restrictions on the import of technologies and equipment to the Russian Federation caused by external sanctions and the withdrawal of Western European, American and Japanese companies from our country, initially, high-tech branches of domestic industry found themselves in a difficult situation. There were problems related to the substitution of products that fell under the ban on import, and the development of localization of the main production segments. The **purpose** of the study is to review import substitution plans in the machine tool, aviation, electronic and machine-building industries in order to assess the effectiveness of their implementation; to identify the causes and factors of inhibition of the import substitution policy, as well as ways to improve its effectiveness. The author offers directions of improvement of the State support of high-tech branches of manufacturing industry to solve the problems facing it.

Keywords: import substitution; industry; high-tech industries; external sanctions; localization of production; machine tool; aviation, electronic industry; mechanical engineering

For citation: Abdikeev N.M. Import substitution in high-tech industries under external sanctions. *Management sciences*. 2022;12(3):53-69. DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-3-53-69

© Абдикеев Н.М., 2022

ВВЕДЕНИЕ

В связи с введением недружественными по отношению к России странами санкций, ограничивающих импорт в нашу страну технологий и оборудования, остро встал вопрос замещения продукции, попавшей под запрет ввоза. На первый план вышла необходимость в выстраивании независимой промышленной и технологической политики, в основе которой лежит стратегия импортозамещения с ориентацией на внутреннего производителя и поиск собственных современных решений в различных областях науки и техники, что позволит в будущем сохранять стабильно высокий уровень технологической безопасности и переживать глобальные кризисы с наименьшими потерями.

Проблемам импортозамещения в российской промышленности посвящено достаточно большое количество публикаций [1–12]. Вопросам импортозамещения в высокотехнологичных отраслях посвящены исследования, представленные в [13–20].

По мнению экспертов, по импортозамещению сильнее всех отстают именно высокотехнологичные отрасли¹ — глава Минпромторга РФ Д.В. Мантуров назвал в числе самых важных из них авиостроение, радиоэлектронику, реабилитационную индустрию, фармацевтику и энергетическое машиностроение [21].

Рассмотрим состояние и процессы реализации импортозамещения в таких высокотехнологичных отраслях отечественной промышленности, как станкоинструментальная, авиационная, электронная и машиностроительная.

АВИАЦИОННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Авиационная промышленность является одной из отраслей — драйверов экономики. Будучи высокотехнологичной, она создает большой синергетический эффект. Компетенции авиапрома можно использовать во многих иных секторах экономики для создания на их базе конкурентоспособную по сравнению с иностранными аналогами продукцию.

Россия с долей 1% мирового экспорта гражданских самолетов и вертолетов слабо представлена в данном сегменте глобального рынка — в на-

стоящее время авиационная отрасль поставляет за рубеж 0,4% двигателей, 1,5% агрегатов, 2,6% приборов, а также 2,3% самолетов (в основном военных). В результате реализации федеральной целевой программы «Развитие авиационной промышленности на 2013–2025 годы»² должна быть решена задача по формированию устойчивой позиции гражданского сектора отрасли и позиционирование РФ в качестве мирового центра авиационного, способного реализовать к 2025 г. не менее 5% мирового объема авиационной техники, в том числе: в области самолетостроения — 4–5%; вертолетостроения — 19,4%; двигателестроения — не менее 1% для гражданских самолетов и 7% — для вертолетов; в области авиационного и приборостроения — не менее 2,9% мирового рынка агрегатов и систем и 11,2% бортовых авиационных комплексов [22].

Основными проблемами авиастроительной отрасли в настоящее время являются:

- морально-физический износ оборудования;
- низкий уровень подготовки менеджеров и отсутствие опыта в подготовке серийных производств;
- недостаточно развитое кооперационное взаимодействие и неумение работать с партнерами;
- высокий возраст ведущих специалистов;
- низкий уровень автоматизации производства.

На основании анализа нормативно-правовых и стратегических документов можно сделать выводы, что развитие отечественного авиастроения в период с 2011 по 2021 г. осуществлялось на основе модели частичного импортозамещения и выбора оптимальной себестоимости изделия, т.е. ответственные за реализацию госпрограммы Минпромторг РФ и исполнители — ведущие корпорации — выбирали в качестве узлов конечного продукта импортные комплектующие ввиду ценового позиционирования продукта на международных рынках. Часть авиационной техники закупалась у иностранных поставщиков (см. таблицу).

Кроме того, вследствие такой политики из года в год сокращалась доля самолетов российского

¹ Секрет фирмы (интернет-ресурс). URL: <https://secretmag.ru/news/rossiyanam-nazvali-samyie-otstayushie-po-importhozamesheniyu-otrasli-19-05-2022.htm>

² Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 303 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие авиационной промышленности на 2013–2025 годы»». URL: <https://base.garant.ru/70644068/?ysclid=l60uxrb8ds585710311>

Таблица / Table

**Ключевые индикаторы реализации госпрограммы «Развитие авиационной промышленности» /
Key indicators of the implementation of the state program “Development of the aviation industry”**

Наименование показателя (индикатора) / Name of indicator	Единица измерения / Unit of measurement	2011	2015 план/факт / plan/actual	2018 план/факт / plan/actual	2019	2020
Количество поставленных вновь созданных воздушных судов малой авиации (самолетов)	Единиц	–	–/9	6/10	7	7
Доля поставок российских самолетов гражданской авиации в мировом рынке самолетов гражданской авиации	%	0,6	2/1	1/1	1	1
Доля самолетов российского производства в парке крупнейших российских авиаперевозчиков	%	–	–/–	14/9	10	11
Количество поставленных авиационных двигателей	Единиц	690	1835/1263	937/846	835	911
Доля поставок российских авиационных двигателей для гражданских самолетов в мировом рынке авиационных двигателей для гражданских самолетов	%	0	–/0	0/0	0	0
Доля поставок российских авиационных двигателей для вертолетов в мировом рынке авиационных двигателей для вертолетов	%	7	8/8	8/8	8	8
Доля поставок российских бортовых авиационных комплексов для воздушных судов в мировом рынке бортовых авиационных комплексов для воздушных судов	%	3	8/8	8/8	8	9

Источник / Source: составлено автором на основе Государственной программы Российской Федерации «Развитие авиационной промышленности на 2013–2025 годы». URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/086/08613e7c838609058a081ea2663f3c11.pdf?ysclid=l60vjscvf2920750409> / compiled by the author based on the State Program of the Russian Federation “Development of the aviation industry for 2013–2025”. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/086/08613e7c838609058a081ea2663f3c11.pdf?ysclid=l60vjscvf2920750409>

производства в парке крупнейших российских авиаперевозчиков (с 15 до 10%) и количество поставленных авиационных двигателей (с 1263 до 850 ед.) Несмотря на напряженную обстановку в мировой и российской экономике, акцент делался не на полное импортозамещение, а на частичное.

При обращении к актуальному документу — приказу Минпромторга России от 02.08.2021 № 2914 «Об утверждении Плана мероприятий по импортозамещению в отрасли гражданского авиастроения Российской Федерации на период до 2024 года»³, регулирующему политику импортозамещения в отрасли, возникают вопросы, связанные с труднодостижимыми значениями его показателей: доведение доли отечественной продукции от 0% в 2020 г. до 100% в 2024 г. по следующим высокотехнологичным продуктам и узлам к ним:

1. Авиационный двигатель ПД-14.

2. Самолет «Сухой Суперджет 100» и составные элементы к нему:

- Вспомогательная силовая установка.
- Комплекс бортового радиоэлектронного оборудования.
- Комплексная система управления самолетом.
- Комплексная система кондиционирования.
- Пульты кабины экипажа.
- Система контроля вибрации двигателей.
- Вычислитель гидросистемы.
- Система управления и измерения топлива.
- Агрегаты и элементы гидросистемы.
- Система водоснабжения и удаления отходов.
- Аварийная система регистрации полетной информации.

Принимая во внимание ситуацию с НИОКР, реальные сроки реализации проектов в авиастроении по созданию конечных продуктов, имеющих систему комплектации, основанную на доле импортозамещенных узлов и агрегатов выше 80%, учитывая зарубежный опыт и сложную специфику высокотехнологичных отраслей, — это 2028–2030 гг.

Предложения по совершенствованию механизма реализации инструментария модернизации производственной базы для создания конкурен-

тоспособного производства в авиационной промышленности следующие:

1. В период с 2022 по 2025 г. необходимо обеспечить систематизацию производственно-технической деятельности. Для этого следует:

- выявить основные приоритеты экономики РФ в гражданской продукции авиастроения;
- определить в количественном выражении потребность и распределить по годам динамику работ;
- сформировать технологические цепочки производства каждого вида продукции;
- провести инжиниринг всей технологической цепочки;
- выявить узкие места в производственном и технологическом обеспечении цепочки, разработать программы ускоренной модернизации соответствующих производств;
- разработать план сервисного обслуживания каждого вида самолетов.

2. Реализовать новый вид управления производственно-технологической цепочкой на основе кооперации ее участников и сформировать орган управления из представителей производителей комплектующих и сборщиков конечного продукта (самолета, вертолета, двигателя, агрегата).

3. Выявить потребности технологических цепочек в высокопрофессиональных кадрах.

4. Разработать технико-экономическое обоснование развития авиационной промышленности и систему проектного финансирования.

Для достижения указанных выше целей требуется:

В области разработок:

• обеспечить высокий технический уровень отечественной авиационной техники, в том числе в самолетостроении, вертолетостроении, авиационном двигателестроении и производстве авиационных агрегатов, приборов;

• создать и внедрить в практику авиастроения передовые достижения науки и техники и прорывные технологии.

В области производства гражданской авиатехники:

• содействовать дифференцированному подходу к финальным интеграторам и производителям авиационных компонентов;

• организовать серийные производства вертолетов и двигателей с оптимальным модель-

³ Приказ Минпромторга России от 02.08.2021 № 2914 «Об утверждении Плана мероприятий по импортозамещению в отрасли гражданского авиастроения Российской Федерации на период до 2024 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_392319/?ysclid=l60vxd9gh7389524397

ным рядом (в том числе двигателей нового поколения);

- способствовать развитию малого и среднего бизнеса в отрасли;
- формировать и развивать инновационные территориальные кластеры;
- организовывать управление разработкой, производством, послепродажным обслуживанием, логистикой и маркетингом на всем жизненном цикле производимых изделий;
- обеспечивать сервисное обслуживание эксплуатируемой авиатехники.

Также необходимо оказывать содействие гражданскому сектору авиационной промышленности в направлениях:

- модернизации авиационной транспортной инфраструктуры и повышения уровня безопасности полетов отечественных образцов авиации;
- обеспечения опережающего развития научно-технического задела для создания принципиально новых образцов авиационной техники.

Для решения указанных выше задач должна быть усовершенствована система управления при реализации приоритетных проектов, контролирующая не только разработку и сертификацию, но и организацию серийного производства, продвижения продукции на рынок, ее послепродажное обслуживание, модернизацию и утилизацию. Важно разрабатывать авиационную технику с возможностью ее максимальной унификации, как в рамках каждого «семейства», так и между ними, что позволит увеличить производительность разработки.

5. Реализовать сетевые производственные структуры, проводя комплексы мероприятий, как то:

- создавать системы стандартизации качества производства с учетом мирового опыта;
- формировать институты аттестации компетенций предприятий обрабатывающей промышленности с целью отбора перспективных для создания эффективных производственных цепочек;
- определять по результатам аттестации компетенции производственной компании и на их основании формировать кластерные структуры для разработки модулей сложной продукции (например, в авиационной промышленности это фюзеляж, крыло, двигатели, навигационное и контрольно-измерительное оборудование, ин-

женерное и эргономичное насыщение летательных аппаратов).

6. Создать систему преобразования научных знаний в прорывные технологии: она должна состоять из отдельных секций по разработке летательных аппаратов (самолетов и вертолетов), а также модулей, узлов и комплектующих для них, находящихся в компетенции, соответственно, интегратора летательного аппарата и поставщика первого уровня в соответствии с их функциональным назначением [23].

7. Формировать устойчивый спрос на продукцию высокотехнологичных производств на внутреннем рынке путем разработки комплексной программы развития, включающей:

- повышение доли отечественной авиационной техники в парке российских воздушных перевозчиков;
- развитие транспортной авиационной инфраструктуры и авиационной промышленности на 20–25 лет;
- организацию современной системы послепродажного обслуживания.

Это позволит спланировать увеличение масштабов деятельности, что будет способствовать повышению производительности труда и уменьшению рисков развития производства.

Предлагаемый комплекс мероприятий по модернизации производственной базы авиационной промышленности может быть использован для решения соответствующей задачи применительно к высокотехнологичным отраслям обрабатывающей промышленности, в рамках которых производится сложное оборудование, состоящее из совокупности модулей, узлов, агрегатов [23].

ЭЛЕКТРОННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Программа импортозамещения в электронной промышленности, действующая с 2015 г.^{4,5} направлена на создание и развитие отечественных

⁴ Приказ Минпромторга России от 31.03.2015 № 662 (ред. от 31.05.2018) «Об утверждении отраслевого плана мероприятий по импортозамещению в радиоэлектронной промышленности Российской Федерации». URL: <https://minpromtorg.gov.ru/common/upload/files/docs/662.PDF>

⁵ План мероприятий по импортозамещению в отрасли радиоэлектронной промышленности Российской Федерации URL: <https://frprf.ru/download/plan-po-importozameshcheniyu-v-radioelektronnoy-promyshlennosti.pdf>

предприятий, задействованных в цепочке создания сложной продукции отрасли. Планом реализации данной программы предусматривается достижение следующих результатов по снижению доли импорта:

- Полупроводниковой СВЧ-электроники — с 70 до 10%.
- Телекоммуникационное оборудование — с 90 до 50%.
- Микропроцессоры — до 25% в госсекторе и до 90% на массовом рынке.
- Автоматизированные системы управления — с 90 до 45%.
- Светодиодные технологии — с 90 до 50%.
- Медицинская техника — с 90 до 30%.
- Оборудование для производства полупроводников — с 90 до 30%.
- Вычислительная техника — до 25% в госсекторе и до 90% на массовом рынке.
- Отдельные элементы вычислительной техники — с 90 до 50%.
- Электронные средства для измерения — с 90 до 30–50% (по различным технологиям).

Проблемам импортозамещения в электронной промышленности, компьютерной и информационно-технологической индустрии посвящены исследования, представленные в работах [24–26].

Одним из наиболее сложных и амбициозных проектов в электронике является план по замещению программного обеспечения в государственном секторе, которым с 2016 г. предусматривались ограничения на закупку импортного софта для государственных учреждений и организации России.

На практике данная программа больше направлена на формирование импортозамещения той части отрасли, которая относится к оборонно-промышленному комплексу. В гражданском секторе технологии и комплектующие преимущественно копируются с иностранных. Также распространена незначительная (и в большей степени формальная) доработка иностранных комплектующих на отечественных предприятиях с целью достижения требуемого уровня локализации. Все эти обстоятельства не способствуют достижению целей по реальному импортозамещению в электронной промышленности России.

В качестве основных мер поддержки организаций, которые участвуют в проектах импортозамещения в данной сфере экономики, выступают:

- Предоставление преференций по налогу на прибыль и страховым взносам.
- Расширение списка секторов электронной промышленности, на которые действуют налоговые льготы (проектом предусматривается снижение налога на прибыль до 3% и страховых взносов до 7,6%).
- Обязательность закупки государственным сектором продукции отечественной электроники и отечественного программного обеспечения.
- Включение закупок отечественной электроники в государственные программы.

На практике же принимаемые меры не позволили достичь должного результата. Ключевыми барьерами на данном этапе представляются:

- Требования по локализации продукции отрасли и балльная оценка уровня локализации производства. Изъяны существующей системы толкают предпринимателей не на разработку отечественных аналогов электронной продукции, а на несущественную адаптацию зарубежных образцов в обход требований по локализации производства.
- Отмена конкурсов на выделение финансирования научно-исследовательских работ в электронной промышленности.
- Нестрогое выполнение действующих постановлений и де-факто использование отдельных компонентов зарубежного оборудования в секторах, где оно не должно использоваться.

В сложившейся на сегодняшний день ситуации вскрылся крайне низкий уровень локализации электроники.

Отечественная промышленность столкнулась с острой нехваткой компонентов для продукции, ранее поставлявшихся из-за рубежа. Де-факто неспособными к импортозамещению оказались все сектора приборостроения и электронной промышленности — встал вопрос отсутствия отечественной продукции, аналогичной импортной по качеству. Наиболее критичным моментом формирования программы оперативного импортозамещения является острый дефицит современных технологий в российской промышленности. При отсутствии доступа к таковым отечественная электронная промышленность сможет обеспечить только определенную часть сервисного обслуживания поставленной ранее техники. Соответственно, фундаментальной задачей эффективного плана технологического импортозамещения в долгосроч-

ном периоде является необходимость организации трансфера в Россию существующих за рубежом электронных промышленных технологий (методом разрешенного «параллельного импорта» и через разветвленное звено третьих стран) одновременно с интенсификацией научно-конструкторских и инженерных изысканий для разработки их аналогов. В этом контексте будут целесообразными такие меры, как уменьшение налоговой нагрузки на компании малого и среднего бизнеса, которые специализируются на разработках критически важных продуктов электроники.

Также целесообразно стимулировать программу выкупа менеджментом оставивших на российском рынке зарубежных компаний, брошенных предприятий при условии сохранения стратегии развития, технологической направленности и трудового коллектива данных организаций. В настоящее время существует договоренность между Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минцифры России) и Министерством промышленности и торговли Российской Федерации (Минпромторг России) с производителями электроники и разработчиками программного обеспечения о представлении в ведомства своих конкретных предложений по дальнейшему развитию отечественной электронной промышленности, которые после обсуждения будут внесены в новый национальный проект в сфере радиоэлектроники. Основные средства многомиллиардной господдержки по этому нацпроекту будут направлены на разработку и производство отечественного компьютерного оборудования для корпоративного и домашнего использования, навигационных приборов, медицинской электроники, интеллектуальных транспортных систем, программно-аппаратных комплексов в сфере искусственного интеллекта и больших данных⁶.

В сентябре 2020 г. государственная корпорация «Ростех» разработала дорожную карту по модернизации российской микроэлектроники, в которой говорится, что в отрасль необходимо инвестировать 798 млрд руб. до 2024 г. для развития производства чипов с топологическими нормами 65(55),

⁶ Минцифры и Минпромторг планируют запуск нового нацпроекта в сфере микроэлектроники для поддержки отрасли. Хабр — Сообщество IT-специалистов (интернет-ресурс). 13.02.2022. URL: <https://habr.com/ru/news/t/651195/>

28, 14 нм, а также элементов для твердотельных накопителей с топологической нормой 25–30 нм⁷.

Планы по дальнейшему развитию электронной промышленности нашли свое отражение в Стратегии развития электронной промышленности РФ на период до 2030 года⁸. Исходя из макроэкономических и отраслевых предпосылок рассматриваются 3 сценария развития отрасли — консервативный, целевой и инновационный. Консервативным предполагается умеренный долгосрочный рост экономики только на 2,8–3% в год; целевым — стабильная ситуация на внутреннем рынке и среднегодовой рост экономики только на 3,1–3,2%; инновационным — форсированный рост экономики только на 3,4–3,6% [27]. За основу берется целевой сценарий развития электроники, предусматривающий активное импортозамещение и стимулирование разработок новой продукции с приоритетом проектов, имеющих большое значение для инфраструктуры. Однако такие темпы роста отрасли не обеспечат переход экономики России на современный уровень управления с использованием цифровых платформ.

СТАНКОИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Отраслевой План мероприятий по импортозамещению в станкоинструментальной промышленности Российской Федерации на период до 2024 года (далее — План)⁹ составлен и утвержден приказом Минпромторга России от 28.06.2021 № 2332¹⁰. Реализацию Плана ведет Департамент станкостроения и тяжелого машиностроения, а Департамент стратегического развития и корпоративной политики координи-

⁷ Там же.

⁸ Распоряжение Правительства РФ от 17.01.2020 № 20-р «Об утверждении Стратегии развития электронной промышленности РФ на период до 2030 года». URL: <https://bazanpra.ru/pravitelstvo-rf-rasporiazhenie-n20-r-ot17012020-h4636415/?ysclid=163kyvee9e678298835>

⁹ План мероприятий по импортозамещению в станкоинструментальной промышленности Российской Федерации на период до 2024 года. URL: <https://frprf.ru/download/plan-po-importozameshcheniyu-v-stankoinstrumentalnoy-promyshlennosti.pdf>

¹⁰ Приказ Минпромторга России от 28.06.2021 № 2332 «Об утверждении Плана мероприятий по импортозамещению в станкоинструментальной промышленности Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <https://base.garant.ru/401404102/?ysclid=16318c4k1140435881>

нирует работы по мониторингу, экспертно-аналитическому и методологическому обеспечению его реализации. Характерной чертой данного документа является его формирование в разрезе отдельных продуктовых групп («наименования продукции») с соответствующими шифрами и кодами согласно Общероссийскому классификатору продукции по видам экономической деятельности: ОК 034–2014 (КПЕС 2008) — ОКПД-2. По данным группам установлены значения показателей доли отечественной продукции до реализации планов импортозамещения (%) и соответствующей доли до 2024 г. (%) с указанием объемов ежегодного спроса на товары указанных групп и ответственного департамента Министерства.

Данный формат не вполне соответствует назначению документа (обозначенному в его названии), так как не раскрывает содержание и масштабы мероприятий по импортозамещению в отрасли, ответственных за их проведение субъектов, типов участников предпринимаемых ими действий и их эффективности.

Указанный подход в целом схож с принятым ранее форматом плана мероприятий по импортозамещению в станкоинструментальной промышленности Российской Федерации, составленному согласно приказу Минпромторга России от 31.03.2015 № 650¹¹.

Вместе с тем расхождение в деталях представления информации в этих документах: шифров и кодов, на которые в них ссылаются; содержания используемых показателей (доля импорта в потреблении в канун намеченного периода 2015–2020 гг. в вышеуказанном документе 2015 г. и доля отечественной продукции до реализации планов импортозамещения в документе 2021 г.), а также периода, на который они ориентированы, *не позволяют полномасштабно их соотнести, оценить исполнение Плана 2015 г. и эффективность Плана, составленного в 2021 г.*

Принимая во внимание вышесказанное, дальнейшему уточнению и обоснованию оценки Плана 2015 г., и, особенно, Плана 2021 г. помогает учет

¹¹ Приказ Минпромторга России от 31.03.2015 № 650 (ред. от 12.12.2017) «Об утверждении плана мероприятий по импортозамещению в станкоинструментальной промышленности Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minpromtorga-rossii-ot-31032015-n-650-ob-utverzhdennii/?ysclid=163lizl4k6975897252>

в последнем действии, намеченных в Стратегии развития станкоинструментальной промышленности на период до 2035 года (распоряжение Правительства РФ от 05.11.2020 № 2869-р «Об утверждении Стратегии развития станкоинструментальной промышленности на период до 2035 года»)¹² — в ней важность обеспечения импортозамещения и осуществления для этого специальных мероприятий выявляется в связи с необходимостью обеспечить переход отрасли на новый уровень развития¹³, укрепить национальную безопасность в целом и снизить угрозы технологической безопасности, сохраняющейся при использовании импортных средств производства и компонентной базы, а также защитить ОПК как основного потребителя станкоинструментальной промышленности от возможного внешнего влияния¹⁴.

В свою очередь, решение задач снижения уровня отраслевой импортозависимости предполагает создание соответствующих институциональных условий, рост и развитие внутреннего спроса, обеспечение отечественным производителям доступа к необходимым технологиям, изменение качества самого станкоинструментального производства¹⁵. Его характерными особенностями являются:

- преодоление низкого уровня технологической и экономической эффективности отечественных предприятий;
- повышение конкурентоспособности комплекующих российского производства по качеству и цене;
- сохранение поступательных тенденций в сегменте режущих и ряда других инструментов.

Реализацию данных установок и снижение импортозависимости в Стратегии намечено осуществлять с помощью следующих действий¹⁶:

- проведения программ модернизации и формирования конкурентоспособного внутреннего предложения (по цене и технологическому уровню);

¹² Распоряжение Правительства РФ от 05.11.2020 № 2869-р «Об утверждении Стратегии развития станкоинструментальной промышленности на период до 2035 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74769183/>

¹³ Там же. Разд. III, п. 1.

¹⁴ Там же. Разд. II, п. 1., разд. V., п. 1.

¹⁵ Там же. Разд. II, п. 2.

¹⁶ Там же. Разд. II, п. 2, 3, разд. IV, п. 1, разд. V, п. 1.

- создания научно-технических заделов (в том числе путем выполнения крупных сквозных комплексных НИОКР по разработке и освоению серийного инструментального производства широкой номенклатуры мирового уровня);
- ликвидации дефицита кадровых ресурсов и недостатка компетенций;
- создания отечественных инновационных высокопроизводительных технологий и специального оборудования, привлечения иностранных технологий (с передачей технологических решений) и оборудования, а также новых инструментальных предприятий совместного типа;
- развития экспортных поставок российской инструментальной продукции;
- усиления господдержки развития производства (финансовой, регуляторной, налогового стимулирования, приоритизации перспективных технологий для отрасли);
- регулярного внедрения инноваций в организации производства, продуктовых инноваций и в сфере технологий.

Эффектом такого рода усилий станет, как ожидается, не только успешное исполнение Стратегии, но и существенный вклад в достижение национальных целей развития¹⁷.

Учет и детализацию выявленных выше предусмотренных Стратегией действий в рамках плана мероприятий по импортозамещению представляется целесообразным дополнить также системой оперативного контроля за их исполнением. Это позволит эффективно оценивать вклад импортозамещения в управление рисками отраслевого развития в аспекте его сценариев, выделенных в Стратегии¹⁸.

Некоторые наработки для таких действий уже включены в План мероприятий по реализации Стратегии развития станкоинструментальной промышленности на период до 2035 года, утвержденный распоряжением правительства Российской Федерации от 05.11.2020 № 2869-р. (приказ Минпромторга РФ от 17.11.2021 № 4526)¹⁹. В их

¹⁷ Распоряжение Правительства РФ от 05.11.2020 № 2869-р «Об утверждении Стратегии развития станкоинструментальной промышленности на период до 2035 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74769183/> Разд. V, п. 4, разд. VII.

¹⁸ Там же. Разд. VIII.

¹⁹ Приказ Минпромторга России от 17.11.2021 № 4526 «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Стратегии развития станкоинструментальной промышленности на период

числе предусматривается, например, корректировка требований к продукции станкоинструментальной промышленности, необходимых для ее отнесения к промышленной продукции, произведенной на территории Российской Федерации в рамках постановления Правительства Российской Федерации от 17.07.2015 № 719 «О подтверждении производства промышленной продукции на территории Российской Федерации»^{20, 21}; проведение мероприятий, направленных на обсуждение ключевых вопросов развития станкоинструментальной промышленности²²; разработка и(или) актуализация профессиональных стандартов²³; подготовка предложений по повышению производительности труда в станкоинструментальной промышленности²⁴; осуществление мониторинга исполнения плана мероприятий по реализации Стратегии развития станкоинструментальной промышленности на период до 2035 года²⁵.

Помимо важных направлений мероприятий по импортозамещению, содержащихся в указанных документах, при работе над Планом целесообразно учитывать меры и шаги по их осуществлению, реализуемые в рамках Фонда развития промышленности и крупных институтов развития, существенных для укрепления импортозамещения (например, постановление Правительства Российской Федерации от 31.03.2022 № 522 «О внесении изменений в Правила предоставления субсидии из федерального бюджета автономной некоммерческой организации “Агентство по технологическому развитию” на поддержку проектов, предусматривающих разработку конструкторской документации

до 2035 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 ноября 2020 г. № 2869-р». URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minpromtorga-rossii-ot-17112021-n-4526-ob-utverzhenii/?ysclid=l63mv3cyg3326914630>

²⁰ Постановление Правительства РФ от 17.07.2015 № 719 «О подтверждении производства промышленной продукции на территории Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/71139412/?ysclid=l63myd85cm444984641>

²¹ Приказ Минпромторга России от 17.11.2021 № 4526 «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Стратегии развития станкоинструментальной промышленности на период до 2035 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 ноября 2020 г. № 2869-р». Задача III, п. 8. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minpromtorga-rossii-ot-17112021-n-4526-ob-utverzhenii/?ysclid=l63mv3cyg3326914630>

²² Там же. Задача III, п. 11.

²³ Там же. Задача V, п. 14.

²⁴ Там же. Задача V, п. 15.

²⁵ Там же. Задача VI, п. 16.

на комплектующие изделия, необходимые для отраслей промышленности»²⁶, а также актуальные задачи самого министерства.

Учет приведенных выше обстоятельств позволяет ожидать как повышения обоснованности и ясности Плана как важнейшего документа управления импортозамещением в станкоинструментальной отрасли, так и эффективности реализуемых с его помощью тактических и стратегических действий.

МАШИНОСТРОЕНИЕ

В Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2024 года и на период до 2035 года предусмотрены, в частности, комплексное воздействие на отрасль посредством технологической, инвестиционной, финансовой, кадровой и внешнеторговой политики, а также стимулирование спроса, выделенное в отдельный сегмент Стратегии²⁷. Это является следствием оценки состояния отрасли и признанием существования в ней проблем, таких как технологическая отсталость, недостаточное присутствие на внешних рынках и др., одной из причин возникновения которых является низкая рентабельность российского машиностроения.

Анализ показывает, что инструментарий реализации господдержки развития обрабатывающей промышленности недостаточен для решения задач по стабилизации внутреннего рынка промышленных товаров.

В государственной программе «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» предусматривается, что за период 2016–2024 гг. объем производства вырастет на 28%²⁸. Однако 55% объема

потребляемых промышленных товаров приходится на долю импорта. Поэтому увеличение объема производства (даже с учетом его перехода на импортозамещение) на 28% явно недостаточно для стабилизации рынка [28]. Одна из важных задач — повышение экспортного потенциала — может быть решена только в случае повышения производительности труда, которая более, чем 3,5 раза отстает от таковой в ведущих в экономическом отношении странах.

Исследования в области развития импортозамещения в различных сегментах машиностроительной отрасли представлены в работах [29–32].

Машиностроительный комплекс в структуре производства составляет 22%, а сегмент внутреннего рынка машиностроительной продукции — 42%. Доля химической промышленности в структуре производства — 9,8%, а в структуре внутреннего — 14%. Этот дисбаланс является основной причиной увеличения зависимости экономики России от зарубежных поставок. Обращает на себя внимание, что в машиностроительном комплексе из всех секторов обрабатывающей промышленности самая низкая производительность труда — в 3 раза меньше, чем средняя по отрасли. В программе развития промышленности отсутствуют соответствующие целевые индикаторы, характеризующие степень решения комплексных задач по повышению эффективности машиностроения. Таким образом, фактически консервируется его отсталость. Предлагаемые меры по импортозамещению в машиностроительном комплексе:

1) закупка комплектующих для производства конечных продуктов в странах вне санкционного списка (Китай, Индия, страны Юго-Восточной Азии), что потребует выстраивания новых схем логистики поставок из стран Азии;

2) кооперация с производственными предприятиями малого и среднего бизнеса для обеспечения системообразующих промышленных государственных корпораций теми комплектующими, которые раньше закупали в Европе. В этом случае необходимы информационная, организационная, инфраструктурная и финансовая виды поддержки;

3) льготное кредитование малых и средних предприятий институтами развития промышленности (ВЭБ.РФ и Корпорация МСП), налоговые послабления, моратории на проверки производственных предприятий и т.д.;

4) необходимость создания силами федеральных и региональных органов исполнительной власти,

²⁶ Постановление Правительства РФ от 31.03.2022 № 522 «О внесении изменений в Правила предоставления субсидии из федерального бюджета автономной некоммерческой организации «Агентство по технологическому развитию» на поддержку проектов, предусматривающих разработку конструкторской документации на комплектующие изделия, необходимые для отраслей промышленности». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204040037?ysclid=l63ndhm3pl130394549>

²⁷ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 06.06.2020 № 1512-р «Об утверждении Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2024 года и на период до 2035 года». URL: <http://static.government.ru/media/files/Qw77Aau6IOSEiuQqYnvR4tGMCy6rv6Qm.pdf>

²⁸ Государственная программа «Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности». URL: <http://government.ru/rugovclassifier/862/events/>

ответственных за развитие промышленности, единой информационной и промышленной сетевой системы, которая будет оперативно реагировать на возникающие у производств проблемы с поставками, координировать выстраивание новых производственных цепочек²⁹. Данная структура должна объединять государство и предпринимательское сообщество с целью обмена информацией для решения следующих задач:

- производственная кооперация (создание новых производственных площадок);
 - логистическая кооперация (поиск оптимальных путей доставки сырья и продукции);
 - кооперации с целью оптимизации закупки сырья и производства комплектующих и материалов (ранее импортируемых, а сейчас — недоступных из-за санкций). Данные вопросы в компетенции региональных центров инжиниринга;
- 5) локализация основных производственных сегментов машиностроительной отрасли;
- 6) стабилизация внутреннего рынка продукции:
- обеспечение стабилизации и последующего развития машиностроительной, химической и пищевой промышленности за счет замещения импортной продукции отечественной, не уступающей по своим функциональным характеристикам; при этом соотношение цена-качество должно быть на уровне мировых стандартов;
 - ориентация химического комплекса на ускоренное развитие нефтехимических производств, процессов глубокой переработки с тем, чтобы большая часть энергетических ресурсов (нефти, газа, угля) использовалась в качестве сырья для нефтехимического производства [33];
 - обеспечение продовольственной безопасности государством через поддержку машиностроения для сельскохозяйственной и обрабатывающей пищевой промышленности.

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

Анализ инструментария господдержки, реализуемой в госпрограммах, показывает отсутствие системного подхода для создания условий про-

мышленного развития обрабатывающей промышленности и повышения ее социально-экономической значимости как ведущего фактора развития национальной экономики.

Государственная поддержка должна быть ориентирована на решение задач по следующим направлениям:

1. Создание системы технологического перевооружения экономики РФ на основе межотраслевого взаимодействия высокотехнологичных, средне-технологичных и традиционных отраслей обрабатывающей промышленности:

- ориентация машиностроительного комплекса на производство продукции для станкостроения, тяжелого машиностроения, электронной промышленности, для технологического обеспечения развития информационной инфраструктуры, фармацевтической промышленности, медицинского оборудования, оборудования для нефтехимического комплекса, авиационной промышленности, машиностроения и сельского хозяйства [34];
- переход сельскохозяйственной отрасли на интенсивный путь развития, для чего необходимо ее обеспечение современными машинами для уборки урожая, обработки почвы; оборудованием для животноводческого комплекса, а также создание технологических условий для селекции и семеноводства;
- удовлетворение потребностей отечественной медицины в технике и необходимых материалах [34].

2. Трансфер технологий из отраслей, в которых существует определенный задел и конкурентные преимущества на международных рынках (оборонно-промышленный комплекс, атомная энергетика и энергетическое машиностроение, авиационное и космическое двигателестроение) в сектора догоняющего технологического развития, что является одной из важнейших задач политики развития промышленности России.

3. Создание эффективной системы управления межотраслевым взаимодействием, развитие сетевой модели комплексной системы государственного регулирования развития обрабатывающей промышленности на основе формирования межведомственного центра межотраслевого взаимодействия.

4. Разработка индикативного плана удовлетворения потребностей отечественной экономики

²⁹ Импортозамещение в машиностроении: какие сегменты будут лидировать. RB.ru — деловая сеть (интернет-ресурс). 29.03.2022. URL: https://advis.ru/php/view_news_ajax.php?id=D 70362E 6-1A2D-764A-B 405-9428C 400508D

в сложной технике по наиболее востребованным номенклатурным группам.

5. Формирование системы цепочек добавленной стоимости по производству сложной техники:

- отход от модели обеспечения одного предприятия или группы предприятий и переход на создание цепочек добавленной стоимости в многоотраслевом исполнении и для создания высокотехнологичных продуктов [34];
- создание собственной базы материальных средств (оборудования для цифровой экономики, для электронной промышленности и вычислительной техники).

В настоящее время на глобальном рынке промышленных товаров конкурируют не отдельные предприятия, а цепочки добавленной стоимости, в рамках которых технологическое и производственное сопряжения, диверсификация рынков спроса, оптимизация бизнес-процессов содействуют резкому повышению конкурентоспособности предприятий, что должно привести к повышению экономической эффективности их функционирования. Это единственный способ повышения конкурентоспособности отечественной продукции в данном сегменте сложной техники на международном уровне в условиях дестабилизации внутреннего рынка (чему способствует рецессия экономик ведущих стран, спад уровня международной торговли, снижение доходов от экспорта сырьевых продуктов).

Цепочки добавленной стоимости должны стать основным инструментом реализации промышленной политики государства. Их можно создавать на основе межотраслевой кооперации, например предприятий обрабатывающей промышленности с секторами цифровой экономики, энергетики и транспорта, для чего по специальному проекту необходимо сформировать надведомственный орган управления. Положительный опыт такой реорганизации промышленности есть у Китая, Южной Кореи, Филиппин, Тайваня, Японии и Малайзии. В России цепочки добавленной стоимости реализованы в системе корпорации «Росатом», что позволило ей стать ведущим предприятием по строительству атомных электростанций в мире. Цепочки добавленной стоимости создавались также в авто- и авиапромышленности в рамках программ локализации.

6. Ориентация на разработку системы соглашений между отечественными потребителями

и производителями, обеспечивающих интересы отечественных компаний при импортозамещении и в данном контексте представляющих собой механизм взаимодействия институтов развития с управляющей компанией цепочек добавленной стоимости. В соглашениях определяются уровень инвестиций, объем производимой продукции, система взаимодействий с потребителями, лизинговые платежи, организация сервисного обслуживания сложной техники и меры защиты инвестиций [27].

ЗАДАЧИ УСИЛЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ

В настоящий момент требуется проактивная подготовка к действующим и новым санкционным мерам со стороны недружественных стран для минимизации потерь в экономике. Ниже приведены предложения по организации соответствующих данной повестке мероприятий:

1. Создание механизма управления предприятиями иностранных инвесторов, прекративших свою хозяйственную деятельность в РФ по причине введения санкций в отношении России на проведение операций по внешнеэкономической деятельности и ее изоляции от мирового рынка товаров и услуг.

2. Проведение в России стресс-теста на устойчивость экономики к санкциям (аналогично китайской инициативе⁵⁰), как в отраслевом, так и в региональном разрезе (по субъектам Российской Федерации). В рамках данной проверки организовать целевые опросы экспертов, представляющих бизнес и отечественную науку, с учетом уже введенных и возможных санкций. Это будет способствовать определению уязвимостей экономики в отраслевом и региональном разрезе; основных факторов, препятствующих ликвидации уязвимостей как объектов фокусировки адресных мер антистрессовой экономической политики; направлений расширения, коррекции и дополнения уже введенных системных и адресных мер антистрессовой экономической политики.

3. В среднесрочной перспективе предлагается ориентироваться не только на аналоги (прототипы),

⁵⁰ Китай проводит стресс-тест экономики на случай санкций. Vesti.ru (интернет-ресурс). 05.05.2022. URL: <https://www.vesti.ru/finance/article/2724683>.

но и на оригинальные разработки отечественных ученых, возможно, в тандеме с партнерами из дружественных стран. Рекомендуется пролонгация финансирования разработок конструкторской документации для импортозамещения за пределы 2022 г. для оригинальных комплектующих, способных превзойти уровень зарубежных аналогов и ориентированных на конкурентное превосходство страны. Здесь надо учитывать более позднюю готовность к разработке конструкторской документации (за пределами 2022 г.) по тем результатам научных исследований, которые имеют прорывной характер³¹. Это позволит повысить эффективность программы импортозамещения комплектующих и устойчивость национальной экономики в среднесрочной перспективе.

4. Введение льготного режима для ввоза в РФ высокотехнологичных и инвестиционных товаров из дружественных стран и разработка механизма стимулирования.

5. Создание для усиления технологического суверенитета РФ научно-технологической платформы (хаба) по решению соответствующих проблем. За счет мониторинга научно-технического

и технологического потенциала будут выявлены как направления, по которым показатели выше мировых, так и требующие кооперации со странами, имеющими по ним технологическое превосходство (Китай и Юго-Восточная Азия).

6. Формирование экономико-политического курса на разработку отечественного промышленного программного обеспечения и серверов и/или модернизацию зарубежных посредством создания в России специфического функционала — платформ, удовлетворяющих потребностям отечественного производства и снижающих риски национальной безопасности.

7. Международная кооперация с дружественными и надежными экономическими партнерами — странами ЕАЭС и БРИКС. Развивающиеся рынки Китая, Индии, Бразилии и ЮАР на протяжении последних лет демонстрируют высокие экономические, торговые, производственные и технологические показатели. В связи с этим усиление торгово-экономических отношений с этими странами открывает новые для России возможности и представляет особую ценность.

В заключение надо отметить, что для перестройки структуры высокотехнологичных производств и углубления импортозамещения необходимо минимум 3–4 года. Нужна совместная работа региональных министерств, профильных ассоциаций, институтов развития, предпринимательских объединений в таких направлениях, как совместный мониторинг ситуации и даже регулирование отдельных процессов в ручном режиме, например распределения компонентов по производствам.

³¹ Согласно постановлению Правительства от 31.03.2022 № 522 внесены изменения в постановление Правительства от 18.02.2022 № 208. Если раньше для получения гранта от АНО «Агентство по технологическому развитию» разработчик должен был привлечь не менее 20% собственных средств под реализацию конкретного проекта, то теперь это условие снимается. Государство в лице агентства готово выделить до 100% финансирования на создание российских аналогов комплектующих. При этом в документе оговаривается, что такой порядок будет действовать только в 2022 г. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204040037?ysclid=l650ts2dvnv604803441>

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

ACKNOWLEDGMENTS

The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state task of the Financial University.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мантуров Д. В., Никитин Г. С., Осьмаков В. С. Планирование импортозамещения в Российской промышленности: практика российского государственного управления. *Вопросы экономики*. 2016;(9):40–49. DOI: 10.32609/0042–8736–2016–9–40–49
2. Мокин В. Н., Капустина И. В., Степанова Т. В. и др. Аналитическое исследование процессов импортозамещения в экономике России: теория и практика. СПб: Изд-во Политехн. ун-та; 2017. 174 с.

3. Бирюков П. А. Импортозамещение в России: направления и устойчивость. *Финансы: теория и практика*. 2016;20(5):45–57.
4. Леонтьев Б. Б. Импортозамещение: взгляд на проблему. *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*. 2014;(6):85–96.
5. Рязанов В. Т. Импортозамещение и новая индустриализация России, или как преодолеть стагнацию. *Экономист*. 2014;(11):3–19.
6. Сорокина А. И., Можарова Е. И., Бордова А. А. Импортозамещение в современных условиях. *Сборник научных трудов Ангарского государственного технического университета*. 2022;(19):360–367.
7. Фальцман В. К. Импортозамещение в отраслях экономики России. *Проблемы прогнозирования*. 2015;(5):52–62.
8. Черникова А. А., Вертакова Ю. В., Плотников В. А. Импортозамещение как инструмент экономической политики управления рисками импортозависимости: выбор подходов. *Экономика и управление*. 2016;(10):28–39.
9. Ватолкина Н. Ш., Горбунова Н. В. Импортозамещение: зарубежный опыт, инструменты и эффекты. *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки*. 2015;(6):29–39. DOI: 10.5862/Е.233.3
10. Грабчак Е. П., Медведева Е. А., Голованов К. П. Импортозамещение — драйвер развития или вынужденная мера. *Энергетическая политика*. 2016;(3):74–85.
11. Борисов В. Н., Почукаева О. В. Развивающее импортозамещение как следствие роста конкурентоспособности инвестиционной техники. *Развитие территорий*. 2021;(2):10–18. DOI: 10.32324/2412–8945–2021–2–10–18
12. Половинкин В. Н., Фомичев А. В. Основы и перспективы политики импортозамещения в отечественной экономике. ПРоАтом. 18.09.2014. URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?file=article&name=News&sid=5541>
13. Ганичев Н. А., Фролов И. Э. Долгосрочное развитие российского высокотехнологичного комплекса в условиях нестабильного роста мировой экономики (модель и прогноз). *Проблемы прогнозирования*. 2010;(6):3–22.
14. Кохно П. А. Высокотехнологичная промышленность в условиях импортозамещения. Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. М: ИНИОН РАН; 2016:323–327.
15. Вертакова Ю. В., Плотников В. А. Перспективы импортозамещения в высокотехнологичных отраслях промышленности. *Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации*. 2014;(27):7–19.
16. Клочков В. В., Критская С. С. Прогнозирование долгосрочных экономических последствий введения санкций против российской высокотехнологичной промышленности (на примере гражданского авиастроения). *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2014;10(41):14–25.
17. Силинский В. С. Гармонизация сбытовой и производственной деятельности высокотехнологичного промышленного предприятия в условиях неопределенности и нестабильности. *Экономический журнал*. 2015;(1):6–17.
18. Фальцман В. К. Предпосылки импортозамещения и развития экспорта продукции высоких технологий. *ЭКО: всероссийский экономический журнал*. 2016;(4):56–74.
19. Кохно П. А., Кохно А. П. Проблемы импортозамещения на предприятиях оборонно-промышленного комплекса. *Общество и экономика*. 2022;(4):82–103. DOI: 10.31857/S 020736760019574–0
20. Волкодавова Е. В., Жабин А. П. Методика оценки потребности в импортозамещении на промышленном предприятии. *Организатор производства*. 2016;(3):5–17.
21. Смирнова Д. Глава Минпромторга РФ перечислил приоритетные направления для импортозамещения. Газета.ru. 10.03.2022. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2022/03/10/17407963.shtml>
22. Абдикеев Н. М., Богачев Ю. С., Трифонов П. В., Донцова О. И. Приоритетные направления развития авиационной промышленности. *Полет. Общероссийский научно-технический журнал*. 2020;(9):24–31.
23. Донцова О. И., Абдикеев Н. М., Богачев Ю. С. Развитие управленческих механизмов обеспечения технологического прорыва в экономике России. *Управленческие науки*. 2019;9(4):15–31. DOI: 10.26794/2304–022X–2019–9–4–15–31

24. Дуболазов В.А., Силянский В.С. Импортозамещение на рынке компьютерной техники специального назначения: возможные пути реализации. *Экономический журнал*. 2017;(1):15–27.
25. Бендиков М.А., Ганичев Н.А. Электронная импортозависимость и пути ее преодоления (на примере космической промышленности). *Экономический анализ: теория и практика*. 2015;(3):2–17.
26. Шувалова М. Импортозамещение в сфере ИТ. *Гарант.Ру*. 04.05.2022. URL: <https://www.garant.ru/article/1542142/>
27. Калмыков Ю.П., Абдикеев Н.М., Богачев Ю.С., Трифонов П.В. Направления совершенствования промышленной политики России. *Вестник машиностроения*. 2021;(9):82–88. DOI: 10.36652/0042–4633–2021–9–82–88
28. Абдикеев Н.М. О некоторых проблемах деятельности институтов развития, нацеленных на поддержку высокотехнологичных секторов обрабатывающей промышленности. *Финансовая газета*. 28.09.2021. URL: <https://fingazeta.ru/authority/state-regulation/473310>
29. Балашов М.М. Импортозамещение в отрасли энергетического машиностроения. *Стратегические решения и риск-менеджмент*. 2020;11(2):182–195. DOI: 10.17747/2618–947X–2020–2–182–195
30. Почукаева О.В., Почукаев К.Г. Импортозамещение в машиностроении в условиях растущего спроса. *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*. 2019;17:192–209. DOI: 10.29003/m817.sp_ief_ras2019/192–209
31. Борисов В.Н., Почукаева О.В., Балагурова Е.А., Орлова Т.Г. Роль импортозамещения в развитии машиностроения. *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*. 2015;13:300–323.
32. Miller A., Miller M. Study of the problems of technological integration in the manufacturing industry in Russia. *Strategic Management*. 2019;24(3):33–42. DOI: 10.5937/StraMan1903033M
33. Трифонов П.В. Анализ конкурентоспособности продукции высокотехнологичного сектора обрабатывающей промышленности РФ на внутренних и внешних рынках. *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2021;230(4):196–203. DOI: 10.38197/2072–2060–2021–230–4–196–203
34. Абдикеев Н.М., Богачев Ю.С. Совершенствование государственной поддержки обрабатывающей промышленности с учетом влияния различных факторов. *Экономика. Налоги. Право*. 2020;13(6):77–85. DOI: 10.26794/1999–849X–2020–13–6–77–85

REFERENCES

1. Manturov D., Nikitin G., Osmakov V. The Russian government approach to import substitution planning in industry. *Voprosy ekonomiki*. 2016;(9):40–49. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042–8736–2016–9–40–49
2. Mokin V.N., Kapustina I.V., Stepanova T.V. et al. Analytical study of import substitution processes in the Russian economy: Theory and practice. St. Petersburg: Politechnical University Publ.; 2017. 174 p. (In Russ.).
3. Biryukov P.A. The import substitution in Russia: Trends and sustainability. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*. 2016;20(5):45–57. (In Russ.).
4. Leontyev B.B. Import substitution: View of a problem. *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika = ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*. 2014;(6):85–96. (In Russ.).
5. Ryazanov V.T. Import substitution and new industrialization of Russia, or how to overcome stagnation. *Ekonomist*. 2014;(11):3–19. (In Russ.).
6. Sorokina A.I., Mozharova E.I., Bordova A.A. Import substitution in modern conditions. *Sbornik nauchnykh trudov Angarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 2022;(19):360–367. (In Russ.).
7. Fal'tsman V.K. Import substitution in the economic sectors of Russia. *Studies on Russian Economic Development*. 2015;26(5):452–459. (In Russ.: *Problemy prognozirovaniya*. 2015;(5):52–62).
8. Chernikova A.A., Vertakova Yu.V., Plotnikov V.A. Import substitution as a tool of economic policy for import substitution risk management: Choosing an approach. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2016;(10):28–39. (In Russ.).
9. Vatolkina N., Gorbunova N.V. Import substitution: International experience, instruments. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta*.

- Ekonomicheskie nauki = St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics.* 2015;(6):29–39. (In Russ.). DOI: 10.5862/JE.233.3
10. Grabchak E. P., Medvedeva E. A., Golovanov K. P. Import replacement — driver for evolution or forced measure. *Energeticheskaya politika = The Energy Policy.* 2016;(3):74–85. (In Russ.).
 11. Borisov V. N., Pochukaeva O. V. Developing import substitution as a result of the growth of the competitiveness of investment equipment. *Razvitie territorii = Development of Territories.* 2021;(2):10–18. (In Russ.). DOI: 10.32324/2412–8945–2021–2–10–18
 12. Polovinkin V. N., Fomichev A. V. Fundamentals and prospects of import substitution policy in the domestic economy. *PRoAtom.* Sept. 18. 2014. URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?file=article&name=News&sid=5541> (In Russ.).
 13. Ganichev N. A., Frolov I. E. Long-term development of the Russian high-tech complex in terms of unstable growth of the world economy (model and forecast). *Studies on Russian Economic Development.* 2010;21(6):573–588. (In Russ.: *Problemy prognozirovaniya.* 2010;(6):3–22).
 14. Kokhno P. A. High-tech industry in the context of import substitution. In: *Russia: Trends and development prospects. Yearbook.* Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS; 2016:323–327. (In Russ.).
 15. Vertakova Yu. V., Plotnikov V. A. Prospects for import substitution in high-tech industries. *Analiticheskii vestnik Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii.* 2014;(27):7–19. (In Russ.).
 16. Klochkov V. V., Kritskaya S. S. Prediction of the long-term economic impact of the sanctions against the Russian high-tech industry (a case of civil aviation industry). *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security.* 2014;10(41):14–25. (In Russ.).
 17. Silinskii V. Harmonization of sales and operations of high-tech industrial enterprise in the conditions of uncertainty and instability. *Ekonomicheskii zhurnal = Economic Journal.* 2015;(1):6–17. (In Russ.).
 18. Faltsman V. K. Prerequisites for import substitution and export development of high-technology products. *EKO: vserossiiskii ekonomicheskii zhurnal = ECO Journal.* 2016;(4):56–74. (In Russ.).
 19. Kokhno P., Kokhno A. Problems of import substitution at enterprises of the military-industrial complex. *Obshchestvo i ekonomika = Society and Economy.* 2022;(4):82–103. (In Russ.). DOI: 10.31857/S 020736760019574–0
 20. Volkodavova E. V., Zhabin A. P. The methodology of assessing the need for import substitution at an industrial enterprise. *Organizator proizvodstva = Organizer of Production.* 2016;(3):5–17. (In Russ.).
 21. Smirnova D. The head of the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation listed priority areas for import substitution. *Gazeta.ru.* Mar. 10, 2022. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2022/03/10/17407963.shtml> (In Russ.).
 22. Abdikeyev N. M., Bogachev Yu. S., Trifonov P. V., Dontsova O. I. Priority areas for the aviation industry development. *Polet. Obshcherossiiskii nauchno-tehnicheskii zhurnal = All-Russian Scientific-Technical Journal "Polyot" ("Flight").* 2020;(9):24–31. (In Russ.).
 23. Dontsova O. I., Abdikeyev N. M., Bogachev Yu. S. The development of managerial mechanisms to ensure a technological breakthrough in the Russian economy. *Upravlencheskie nauki = Management Sciences in Russia.* 2019;9(4):15–31. (In Russ.). DOI: 10.26794/2304–022X–2019–9–4–15–31
 24. Dubolazov V. A., Silinskii V. S. Import substitution in the market of special-purpose computer equipment: Possible ways of implementation. *Ekonomicheskii zhurnal = Economic Journal.* 2017;(1):15–27. (In Russ.).
 25. Bendikov M. A., Ganichev N. A. Dependence on electronic components import and ways to overcome it (the space industry case). *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice.* 2015;(3):2–17. (In Russ.).
 26. Shuvalova M. Import substitution in the field of IT. *Garant.ru.* May 04, 2022. URL: <https://www.garant.ru/article/1542142/> (In Russ.).
 27. Kalmykov Yu. P., Abdikeyev N. M., Bogachev Yu. S., Trifonov P. V. Directions of improving industrial policy in Russia. *Vestnik mashinostroeniya = Russian Engineering Research.* 2021;(9):82–88. (In Russ.). DOI: 10.36652/0042–4633–2021–9–82–88

28. Abdikeev N.M. On some problems of the activities of development institutions aimed at supporting high-tech sectors of the manufacturing industry. *Finansovaya gazeta*. Sept. 28, 2021. URL: <https://fingazeta.ru/authority/state-regulation/473310> (In Russ.).
29. Balashov M. M. Import substitution in the power engineering industry. *Strategicheskie resheniya i risk-menedzhment = Strategic Decisions and Risk Management*. 2020;11(2):182–195. (In Russ.). DOI: 10.17747/2618–947X-2020–2–182–195
30. Pochukaeva O.V., Pochukaev K.G. Import substitution in the engineering industry under the conditions of growing demand. *Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN = Scientific Articles: Institute of Economic Forecasting. Russian Academy of Sciences*. 2019;17:192–209. (In Russ.). DOI: 10.29003/m817.sp_ief_ras2019/192–209
31. Borisov V.N., Pochukaeva O.V., Balagurova E.A., Orlova T.G. The role of import substitution in the RF engineering. *Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN = Scientific Articles: Institute of Economic Forecasting. Russian Academy of Sciences*. 2015;13:300–323. (In Russ.).
32. Miller A., Miller M. Study of the problems of technological integration in the manufacturing industry in Russia. *Strategic Management*. 2019;24(3):33–42. DOI: 10.5937/StraMan1903033M
33. Trifonov P.V. Analysis of the competitiveness of products of high-tech sector of the manufacturing industry of the Russian Federation in domestic and foreign markets. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2021;230(4):196–203. (In Russ.). DOI: 10.38197/2072–2060–2021–230–4–196–203
34. Abdikeev N.M., Bogachev Yu.S. Improving state support for the manufacturing industry taking into account the influence of various factors. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, Taxes & Law*. 2020;13(6):77–85. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2020–13–6–77–85

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Нияз Мустякимович Абдикиев — доктор технических наук, профессор, директор Института финансово-промышленной политики, Финансовый университет, Москва, Россия

Niyaz M. Abdikeev — Doctor of Technical Sciences, Professor, Director of the Institute of Financial and Industrial Policy, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-5999-0542>

NAbdikeev@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила в редакцию 20.07.2022; после рецензирования 25.07.2022; принята к публикации 29.07.2022.

The article was submitted on 20.07.2022; revised on 25.07.2022 and accepted for publication on 29.07.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-3-70-81

УДК 338;334.7(045)

JEL G32

Особенности контекста отчета по устойчивому развитию как отражение политики компании в отношении ESG-принципов

Т.А. Горошникова

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Отчеты по устойчивому развитию позволяют проверить надлежащее понимание компанией понятия «устойчивость» в контексте ее деятельности. В работе показаны проблематика и особенности языка отчетов по устойчивому развитию как части корпоративной отчетности компании. **Цель** работы состоит в обзоре лингвистических методов оценки отчетов по устойчивому развитию для получения резюме о корпоративной прозрачности компаний (отсутствии «зеленой промывки»), а ее **задача** – в интерпретации и толковании текстов через анализ на основе использования этих инструментов. Рассмотренные лингвистические приемы оценки отчетов по устойчивому развитию предоставляют возможность проверки интуитивных предположений о наличии маркетинговой информации или данных об инновационном позиционировании, а также существования различия между текстами отчетов организаций, раскрывающих информацию и издающих эти документы с иными целями. На основании проведенного анализа резюмирована необходимость создания правил по интерпретации результатов, связанных с лингвистическими особенностями и извлеченных из отчетов об устойчивости при использовании методов обработки естественного языка.

Ключевые слова: отчет по устойчивому развитию; обеспечение устойчивости; корпоративная отчетность; лингвистические инструменты

Для цитирования: Горошникова Т.А. Особенности контекста отчета по устойчивому развитию как отражение политики компании в отношении ESG-принципов. *Управленческие науки*. 2022;12(3):70-81. DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-3-70-81

ORIGINAL PAPER

Features of Context the Sustainability Report as a Reflection of Company Policy for ESG-principles

T.A. Goroshnikova

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Sustainability reports allow checking the company's proper understanding of the concept of "sustainability" in the context of its activities. The article shows the problems and features of the sustainability reports language as part of the company's corporate reporting. **The purpose of article** is to review the linguistic methods of evaluation of sustainability reports to obtain summaries on corporate transparency of companies (absence of "greenwashing"), and **its task** is to interpretation texts through analysis using these tools. Linguistic methods of evaluation of sustainability reports, reviewed by author, provide an opportunity to test intuitive assumptions about the availability of marketing information or data on innovation positioning, and that there is a difference between the texts of the reports of organizations that disclose information and those that issue those documents for other purposes. Based on the analysis, the need to create rules for the interpretation of results related to linguistic features and extracted from sustainability reports when using natural language processing methods was summarized.

Keywords: sustainability report; ensure sustainability; corporate reporting; linguistic tools

For citation: Goroshnikova T.A. Features of context the sustainable development report as a reflection of company policy for ESG-principles. *Management sciences*. 2022;12(3):70-81. DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-3-70-81

© Горошникова Т.А., 2022

ВВЕДЕНИЕ

Термины «корпоративная социальная ответственность», «устойчивость», «принципы ESG» при всем разнообразии их определений не имеют четко разработанных метрик, однозначно характеризующих компанию, достигающую определенного уровня в решении экологических, социальных и корпоративных вопросов, а те, что существуют, подвергаются критике за отсутствие достаточной глубины и наличие существенных ошибок в измерении. Желание, и прежде всего со стороны инвесторов, получать данные в прозрачном и понятном виде наряду с ростом социальной сознательности послужили толчком к началу трансформации форм отчетности бизнеса. Общественности недостаточно видеть только финансовые показатели, ей нужно знать, как деятельность компании влияет на окружающую среду и климат, соблюдаются ли в ней права человека, нет ли возможностей для коррупционных схем. Информация нужная, но крайне трудная для точной оценки и структурирования. Ответом на требования всех заинтересованных лиц и доказательством серьезных намерений экономического субъекта в позиционировании себя перед обществом становится публикация на официальном сайте отчета об устойчивости — основного инструмента для добровольного информирования о результатах своей деятельности, влиянии (положительном или отрицательном) на окружающую среду и социальную сферу, а также демонстрация соблюдения принципов ESG.

Содержащиеся в нем данные, структура которых определяется руководством, должны быть актуальными для всех внутренних и внешних стейкхолдеров (инвесторов, работников, поставщиков, клиентов и т.д.) и обеспечивать прозрачность вклада компании в устойчивое развитие, а его подготовка требует регулярного сбора большого количества информации о действиях организации для укрепления ее репутации и имиджа. Российские ученые проявляют интерес к изучению проблем данной нефинансовой отчетности, а именно по части повышения информационной прозрачности, подчеркивая ее значимость в создании положительного имиджа организации и отмечая в отдельных документах отсутствие логической связи между описанием границ значимых аспектов и несоблюдение существующих принципов соответствия [1–5].

В октябре 2016 г. Советом по международным стандартам устойчивого развития (GSSB), работа-

ющим под эгидой организации «Глобальная инициатива по отчетности» (GRI — Global Reporting Initiative) были опубликованы стандарты отчетности в области устойчивого развития, предназначенные для улучшения репутации компании (без усиления подотчетности перед инвесторами) с ориентацией на соответствие семнадцати целям ООН, публикацию численных данных о снижении углеродных выбросов и т.д., которые определяют существенные и обязательные для раскрытия в отчете операции, а также учитывают интересы не только акционеров, но и всех заинтересованных сторон¹. Стандарты GRI представляют собой набор взаимосвязанных документов, разделенных на четыре серии:

- Серия 100 — универсальные стандарты для всех организаций, выпускающих отчеты по устойчивому развитию;
- Серия 200 посвящена экономическим вопросам (например, по «GRI 202: Рыночное присутствие» компания рассказывает о вкладе компании в экономическое развитие региона);
- Серия 300 включает проблемы экологии (например, «GRI 301: Материалы»; «GRI 302: Энергия»; «GRI 303: Вода» и т.д.);
- серия 400 (самая обширная) касается социальной тематики: от подходов к найму сотрудников до маркировки товаров для потребителей.

Для раскрытия специфических вопросов своей деятельности компании могут использовать единичные стандарты из полного набора (и при этом не делать полноценный отчет). Вследствие глобальных изменений нормативные документы по составлению отчетности подлежат обновлению.

Стандарты GRI — авторитетные, но не единственные в мире: и они, и их аналоги перекрываются по содержанию, но делают акцент на различных аспектах устойчивости [6, 7]. В России также выделяют методологию ведения отчетности в области устойчивого развития, разработанную Российским союзом промышленников и предпринимателей [8, 9].

Обзор сайтов крупнейших российских предприятий показывает, что с каждым годом все большее количество считает необходимым составлять отчет об устойчивом развитии, что является большим шагом в сторону мировых образцов ведения бизнеса с точки зрения транспарентности, ответственности и заботе о репутации. Не все компании следуют

¹ The global standards for sustainability reporting. URL: <https://www.globalreporting.org/standards/>

Таблица 1 / Table 1

Количество компаний (по странам), опубликовавших отчеты по устойчивому развитию с минимальными требованиями, 2020 г. / Number of companies publishing sustainability reports meeting the minimum requirements, 2020

США	475	Канада	76
Перу	279	Финляндия	73
Великобритания	212	Китай	67
Южная Африка	165	Аргентина	62
Швеция	120	Франция	60
Австралия	112	Россия	59
Бразилия	89	Индия	34
Сингапур	78	Малайзия	33

Источник / Source: разработано автором на основании данных проекта Out World in Data организации Global Change Cata Lab. URL: <https://ourworldindata.org/grapher/companies-publishing-sustainability-reports-minimum-requirements?country=CHL~CHN~PAN~WSM~DEU> / compiled by the author based on the data of a project Out World in Data of Global Change Cata Lab. URL: <https://ourworldindata.org/grapher/companies-publishing-sustainability-reports-minimum-requirements?country=CHL~CHN~PAN~WSM~DEU>

стандартам GRI — некоторые отдают предпочтение свидетельствам о независимом заверении отчетов с верификацией адекватности утверждений, заявлений и данных на выборочной основе с использованием интервью, анализа выполнения целей, выборки данных СМИ и интернет-ресурсов, рассмотрением предварительной редакции на предмет неточностей и противоречий, бенчмаркинга и т.д. Тем не менее, согласно данным Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), по итогам 2020 г. количество организаций, публикующих отчеты по устойчивости, соответствующие минимальным требованиям (сведения о наборе ключевых элементов раскрытия информации, охватывающих управление компанией, практические методы, а также экономические, социальные и экологические последствия) в России достигло 59², однако по сравнению со многими странами Россия не в числе лидеров (табл. 1).

Нежелание раскрывать информацию становится камнем преткновения при получении позиций в ESG-рейтингах и препятствием для общения с инвесторами и международными кредитными организациями. Экономические субъекты (независимо от отрасли хозяйствования), предоставляющие данные, доказывают практическую реализацию инициатив

ESG. Поиск альтернативных источников информации также является хорошим способом оценки политики компании для всех стейкхолдеров. Не единичны случаи предоставления информации, не подтвержденной надежной внешней сертификацией и/или содержащей бесполезную отвлекающую пропаганду. Контекст отчетов по устойчивому развитию рассчитан и на эмоциональную реакцию людей, и на стремление к заботе об окружающей среде и экологии. Одна из самых заинтересованных категорий общества — инвесторы — ожидает структурированного раскрытия ответственности компании без «зеленой промывки» («greenwashing»)³, которая считается не только плохим пиаром, ведущим к потере доверия потребителей, но и показателем, свидетельствующим о выпусках отчетов об устойчивости на основании недостоверных данных, на которые в дальнейшем полагаются для принятия решений. Отчеты должны:

- предоставлять полную и подробную информацию, в том числе, и это важно для инвесторов, о связи показателей устойчивости с деятельностью компании, целями в области устойчивого развития, а также о шагах, предпринятых в этом направле-

³ Зеленая промывка (от англ. greenwashing) — термин, введенный экологом Дж. Вестервельтом в 1986 г., используемый при попытках компаний представить свой продукт произведенным с соблюдением экологической полной/частичной чистоты, когда на самом деле продукт таковым не является.

² OUR World in Data. URL: <https://ourworldindata.org/grapher/companies-publishing-sustainability-reports-minimum-requirements?country=CHL~CHN~PAN~WSM~DEU>

нии (что поможет избежать недоразумений, способных вызвать к обвинению в «greenwashing»);

- быть легко доступными для совместного использования, загрузки и печати, а также мобильными и «дружелюбными».

Далее авторы рассматривают лингвистические приемы оценки отчетов по устойчивому развитию и возможность (с их помощью) проверки интуитивных предположений о наличии маркетинговой информации или данных об инновационном позиционировании, а также существования различия между текстами отчетов организаций, раскрывающих информацию, и издающих эти документы с иными целями.

ОТЧЕТ ПО УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ

Исследование отчетов по устойчивому развитию как лингвистической конструкции начнем с «удобочитаемости» (*readability*) — таким понятием можно охарактеризовать их восприятие целевой аудиторией. Жанр корпоративной финансовой отчетности, предназначенный в основном для профессионалов, достаточно непрост для иных категорий пользователей (исключая ту часть документа, которая содержит обращение руководителя). Текстовая сложность подобных материалов не должна быть препятствием при чтении. Тем не менее в конце прошлого века при исследовании выборочных годовых отчетов зарубежных компаний [10] она описывалась как «выходящая за рамки свободно понимаемых навыков у примерно 90% взрослого населения и 40% инвесторов» на основе результатов, полученных по формулам «удобочитаемости». На контрасте с данным термином исследователи определили «понятность» текста как взаимодействие между ним и читателем на основе предшествующих знаний [11]. Неявные, но существующие функции отчетов по устойчивому развитию — инструменты маркетинга и организационного планирования — еще больше расширяют целевую аудиторию, поддерживая вышеупомянутую идею «удобочитаемости». При изучении стратегического использования организациями текстовой сложности получают различные результаты, и в их числе — доказательства существования положительной связи между фактическим раскрытием документа и читаемостью; сокрытием отдельных аспектов и намеренным усложнением

языка с целью смягчения потенциальных негативных реакций и создания путаницы. С другой стороны, обвинения в адрес авторов отчетов в стратегическом использовании текстовой трудности для «кодирования» негативных новостей не всегда состоятельны: например, исследования 30 подобных документов немецких компаний в 2014 г. показывают, что текст с положительной информацией не обязательно читать легче, чем, например, тот, в котором говорится с невыполненных обещаниях [12]. Однако авторы отчетов для отображения положительных тенденций отдают предпочтение табличной и графической форме, а дополнительное сопровождение (графики и фотографии) используют для украшения результатов [13].

В попытках исключить субъективизм при оценке применяются технологии «измерения» текстовой сложности и последующего упрощения/усложнения. Для первой разработаны формулы для разных языков (от англ. *readability indexes* — индексы удобочитаемости) с лежащими в их основе простыми метриками: число предложений, слов, букв и слогов (самое большое разнообразие индексов создано для английского языка. Тексты на русском имеют свои особенности, поэтому применение вышеупомянутых формул (индексов), разработанных для других языков, оправдано только при обоснованном изменении коэффициентов, принимаемых к анализу. Подбор последних, которые можно назвать «правильными», сопровождается научными исследованиями для идентифицированной аудитории. Тем не менее консенсус о том, как определять «удобочитаемость» отчетов, остается неуловимым.

Методы обработки естественного языка (Natural Language Processing) используют более высокий уровень анализа текста. С помощью NLP-инструментов количественно устанавливают, например, применение пассивных структур, синтаксическую глубину предложения или лексическую плотность, указывающую на число содержательных слов (например, «устойчивость» или «компания») относительно грамматических (например, «если», «но», «будет»). Более высокая лексическая плотность может привести к увеличенной текстуальной сложности [14] из-за повышенной концептуальной нагрузки.

Несмотря на то что в аннотации статьи заявлено использование лингвистических методов анализа, мы обращаем внимание и на паратекстовые особенности: шрифт, макет, картины и графики, влияющие на интерпретацию отчетов большинством читателей,

а также подверженные манипуляции и запутыванию [13], так как речь идет об общем восприятии документа. Используемые визуальные эффекты: фоны, представляющие природные ландшафты или диких животных, или возобновляемых источников энергии, являются примерами исполнительных элементов, вызывающих ощущение затруднения при управлении впечатлениями. Исследования [15] иллюстрируют, как привлекательные изображения и фотографии используются для «зеленой промывки» в случаях, когда влияние мер устойчивости неясно. Восприимчивость отчетов к манипулированию их представлением оправдывает дополнительное изучение их текстового содержания: например, замечено, что если они содержат информацию об устойчивости или финансах, то предпочтение отдается графам, отображающим положительные тенденции.

Анализ формулировок, проведенный М. Конрад, Д. Хольтбрюгге [16], позволил выявить компании, проводящие в отчетах символическую политику в области устойчивости через использование неформального языка с меньшим количеством конъюнктур, а также более короткие предложения, меньшее количество ссылок на данные, т.е. создающие документы, наделенные низкой лингвистической сложностью. Абсолютно по-другому поступают организации, в действительности разделяющие принципы ответственного раскрытия информации: применяют большее число самостоятельных ссылок, меньше эмоциональных выражений; стиль изложения материала в их отчетности можно назвать максимально инклюзивным.

Критика степени, с которой язык, используемый в отчетах по устойчивому развитию, включает преимущества компании в повествовательные рамки [17, 18], указывает на риски появления у читателей чувства отторжения при восприятии инициатив корпоративной социальной ответственности как чисто стратегических. Однако мнение более широкой аудитории выглядит не настолько критическим: опрос Тоунсенда [19] демонстрирует, что меньшинство пользователей по-прежнему рассматривает отчетность об устойчивости как «зеленую промывку» (отчет компании KPMG указывает на тот же сдвиг в отношении, 2013)⁴ и считает главной мотивацией для нее корпоративную подотчетность. Расширен-

ное использование повествовательных рамок языка в подобных документах критикует и объясняет гипотеза «обфускации» (от англ. obfuscate — делать неочевидным, запутанным, сбивать с толку), предполагающая, что компаниям будет сложнее декодировать неблагоприятные новости [20, 21].

О связи явления «greenwashing» с понятием «корпоративная легитимность», означавшим в данном контексте приемлемость авторами отчета правил и институциональных предписаний, соблюдающихся в организации, упоминается в работах, исследующих тексты отчетов на наличие дискурсивного процесса для достижения определенных целей. Небольшое количество работ, тем не менее, позволяет без четких дефиниций давать оценки различным типам корпоративной легитимности: когнитивной, прагматической и моральной — с учетом, что дискурсивный механизм имеет лингвистическую природу, однако с малоизученным языковедческим аспектом, обеспечивающим легитимность. Прагматическая легитимность является «результатом расчетов ключевых заинтересованных сторон организации, и она основана на восприятии заинтересованными сторонами личной выгоды, вытекающей из корпоративной деятельности и коммуникации» [22]. Именно в этом свете происходит «промывание зелени». Тем не менее, когда компании не достигают целей устойчивого развития, снижается и когнитивная легитимность, основанная на общих допущениях внутренней социальной среды, и моральная, зиждущаяся на моральных суждениях об организации и ее поведении (положительная зеленая оценка).

ИССЛЕДОВАНИЕ ОТЧЕТОВ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ

Вторая часть работы посвящена возможности применения лингвистических методов анализа, описанных ранее, для определения наличия «зеленой промывки» в отчетах об устойчивом развитии, ожидаемым результатам и оценке их полезности в прикладном контексте для различных аудиторий. В качестве базы исследования выбраны размещенные на официальных сайтах отчеты компаний, представленных в рэнкинге устойчивого развития, составленного журналом «Эксперт»⁵. Определяющей метрикой в этом ранжировании являлся показатель «итоговый рейтинг», выражен-

⁴ The KPMG Survey of Corporate Responsibility Reporting 2013. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/pdf/2013/12/corporate-responsibility-reporting-survey-2013.pdf>

⁵ Официальный сайт журнала «Эксперт». URL: <https://expert.ru/expert/2021/50/spetsdoklad/49/>

ный в процентах и учитывающий четыре аспекта в следующих видах деятельности: социальной политике, экологической политике, участии компании в развитии региона, поддержке экономики региона, и финансовую оценку.

Анализ содержания отчетов выявил основные темы: обращение президента компании/исполнительного директора; корпоративное управление; история компании; методология; миссия; корпоративные ценности и культура; система внутреннего контроля и руководство по чтению отчета. Раскрытие социальных и экологических аспектов, в которых, как ожидается, будут в значительной степени затронуты деятельность, продукты и услуги организации, способности успешно осуществлять стратегию и достигать цели в представленном разнообразии, не позволяет четко обозначить что в целом не является важным для конкретного читателя, но представляет сложность для исследования. Возможно, в будущем ученые, проводя изыскания, касающиеся, например, раскрытия следования международным стандартам или социальным ожиданиям, столкнутся с обязательным использованием необходимого программного обеспечения из-за отсутствия единого стандарта.

Оценка отчетов с точки зрения следования принципам GRI показала, что лидер рейтинга 2021 г. среди российских предприятий — «Трубная металлургическая компания», поднявшаяся вверх на семь позиций, не отражает в своем документе принципы следования GRI⁶, а указывает на соблюдение постулатов и рекомендаций кодекса корпоративного управления Банка России (письмо от 17.02.2016 № ИН-06–52/8)⁷. «Сибирская угольная энергетическая компания», потерявшая две позиции и сейчас находящаяся на седьмом месте рейтинга, публикует на сайте в январе 2022 г. отчет по устойчивому развитию за 2018–2019 гг.⁸, составленный в соответствии с принципами GRI. Группа «Лукойл» указывает не только на

использование «Руководства по отчетности в области устойчивого развития» при подготовке отчета, но и на его занесение в базу данных GRI⁹. Компания «Полиметалл», поднявшаяся в рейтинге на 7 позиций до 4-го места, сообщает о следовании принципам GRI, а также стандартам для металлургической и горнодобывающей отраслей, опубликованным Советом по стандартам отчетности устойчивого развития США (SASB)¹⁰, и рекомендациями Рабочей группы по вопросам раскрытия финансовой информации, связанной с изменением климата (TCFD)¹¹. Отчет ПАО «Детский мир», совершившего рывок с 32 позиции на 8, не делает ссылок на стандарты GRI¹². В целом, нельзя сделать вывод о полном внедрении принципов GRI в практику российских предприятий, что затрудняет еще и анализ исследования приоритизации тем отчетов.

Оценка проверки удобочитаемости по причинам, описанным в первой части статьи, субъективна без разработанных для русского языка формул. Тем не менее, по мнению автора, можно говорить о вполне допустимом уровне читаемости и понятности с оговоркой, что многие компании все-таки используют слова, выражающие излишнюю готовность следовать принципам устойчивости и обещания об их выполнении в адресах руководителя.

Стиль отчетов по устойчивому развитию, как и научный стиль, предназначен для доведения до читателя объективной, ясной и лаконичной информации с фактами и анализом, но без излишнего описания причинно-следственных связей, закономерностей и абстракций. Отвлеченно-обобщенная манера изложения подчеркивается, как правило, пассивными структурами, недостаток которых прослеживается в большинстве отчетов. Частое использование местоимения «мы» в контексте подтверждения выполненных обещаний демонстрирует явное желание показать себя с лучшей стороны и признающими важность выполнения требований устойчивости.

Подсчет пропорции положительных ключевых слов в тексте призван уловить излишний оптимизм

⁶ Группа ТМК. Годовой отчет 2020. URL: https://report2020.tmk-group.ru/download/full-reports/ar_ru_annual-report_pages_tmk-group_2020.pdf (дата обращения: 21.01.2022).

⁷ Центральный Банк Российской Федерации. Письмо от 17.02.2016 № ИН-06–52/8 о Раскрытии в годовом отчете публичного акционерного общества отчета о соблюдении принципов и рекомендаций кодекса корпоративного управления. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194240/96c60c11ee5b73882df84a7de3c4fb18f1a01961

⁸ Отчет об устойчивом развитии СУЭК за 2019–2019 годы. URL: https://www.suek.ru/sustainability/reporting/#year_18_19 (дата обращения: 21.01.2022).

⁹ Отчет об устойчивом развитии Группы «ЛУКОЙЛ». URL: <https://lukoil.ru/FileSystem/9/554305.pdf>

¹⁰ SASB Standards. URL: <https://www.sasb.org/>

¹¹ Polymetal. Отчет об устойчивом развитии за 2020 год. URL: https://www.polymetalinternational.com/upload/iblock/a3e/Polymetal_Sustainability_Report_2020_rus.pdf

¹² ПАО «Детский мир». Годовой отчет 2020. URL: https://ir.detmir.ru/wp-content/uploads/2021/07/Detsky-Mir_AR_2020_RUS_fin_30_06_site.pdf?ysclid=142uurnofv

и является значимой мерой для выводов о присутствии в отчете оптимистичных формулировок, включая упоминания о «наградах» и «достижениях». Оценка количества упоминаний слова «цель» основана на идее получения количественной информации, свидетельства устойчивого поведения и взаимосвязи между тем, что компании сообщают в своих отчетах по устойчивому развитию и их будущими достижениями в этой области. Иными словами — предсказание вероятности сокращения выбросов углерода в следующем году с учетом заявленных целей, инициатив и экологической политики, содержащихся в отчете об устойчивости за предыдущий год. Некоторые предприятия говорили о своем углеродном следе (выбросах или воздействии), в то время как другие только обсуждали планы по смягчению или адаптации к изменению. Присутствие в отчете вышеупомянутых тем, по мнению автора, не гарантирует сокращения выбросов в будущем.

Длина документа, с одной стороны, говорит о большей прозрачности, но после трудноопределяемой точки более длинные документы указывают на многословность: среди исследуемых нами одни состояли из главы в 30 страниц, другие представляли собой отдельную публикацию объемом более ста. Не обнаружено корреляции как между позицией в рейтинге и длиной документа, так и между позицией в рейтинге и наличием отчета на английском языке.

Оценка лексического разнообразия, количества используемых уникальных слов может быть показательным для маркетингового творчества и «зеленого мытья» и требует дополнительного анализа.

С целью обеспечения возможностей для более сложного количественного анализа текста было применено открытое программное обеспечение KH Coder¹⁵, работающее с текстами на различных языках, включая русский, и имеющее достаточное простое руководство, не требующее специального образования. Небольшое расширение исследования в сторону обработки текста на естественном языке (как отдельного направления лингвистики, а в последнее время и междисциплинарного поля, объединяющего еще и методы искусственного интеллекта) не выходит за рамки обсуждения отчетов по устойчивому развитию и явления «зеленой промывки», так как дает всем заинтересованным сторонам понять, как декодировать текст и с помощью каких методов и инструментов извлечь желаемую информацию.

¹⁵ URL: <https://kncoder.net/en/>

В целом восприимчивость читателя при осознании вероятности манипулирования со стороны автора текста перенастраивается на управление впечатлением от отчета и формирование оценочного суждения. И несмотря на то что конечная степень понимания у эксперта и потребителя, не знакомого с жанром отчета, будет отличаться, упрощение самого процесса помогает сделать вывод и принять решение.

Одним из самых распространенных инструментов технологий обработки естественного языка с использованием пакета *KH Coder* является «анализ одновременного (совместного) появления» слов (от англ. *co-occurrence analysis*): те их группы, которые часто встречаются (используются вместе), выделяют «горячие» темы и применяются для выявления закономерностей и тенденций.

На *рис. 1* показана сетевая диаграмма одного из отчетов по устойчивому развитию компании, входящей в рассматриваемый рэнкинг, основанная на *co-occurrence* анализе. Поскольку целью данной статьи является не «зеленая промывка» отдельных отчетов, а демонстрация возможностей лингвистических методов, достаточно будет упомянуть, что текст перед обработкой был переведен в CSV формат (для представления табличных данных) и обработан *KH Coder*.

Ключевые слова, отражающие идентичные темы, сгруппированы по кластерам (выделены разными цветами), которые состоят из «узлов» (обозначены окружностями). Наиболее распространенным ключевым словом является самый крупный из них (находится в окружности большего диаметра). Из анализа *рис. 1* следует, например, что самый большой центральный кластер — группировка вокруг слов «объем», «выброс», «окружающий» — не имеет пересечений с левым, состоящим из слов «деятельность», «требование», «законодательство». Обособленности кластеров может стать основой предположения, что описания (и регламент) требований по устойчивости и информация о выбросах и воздействии на природу находятся в разных, не связанных между собой местах отчета.

Другой инструмент — анализ соответствия (от англ. *correspondence analysis*), идентифицирует в тексте основанные на заранее заданной частоте наборы ассоциаций, презентуя результат на двумерном графике. Часто используемые и равномерно распределенные слова во всех рассматриваемых частях документа (определенных исследователем заранее и установленных в настройках) изображены

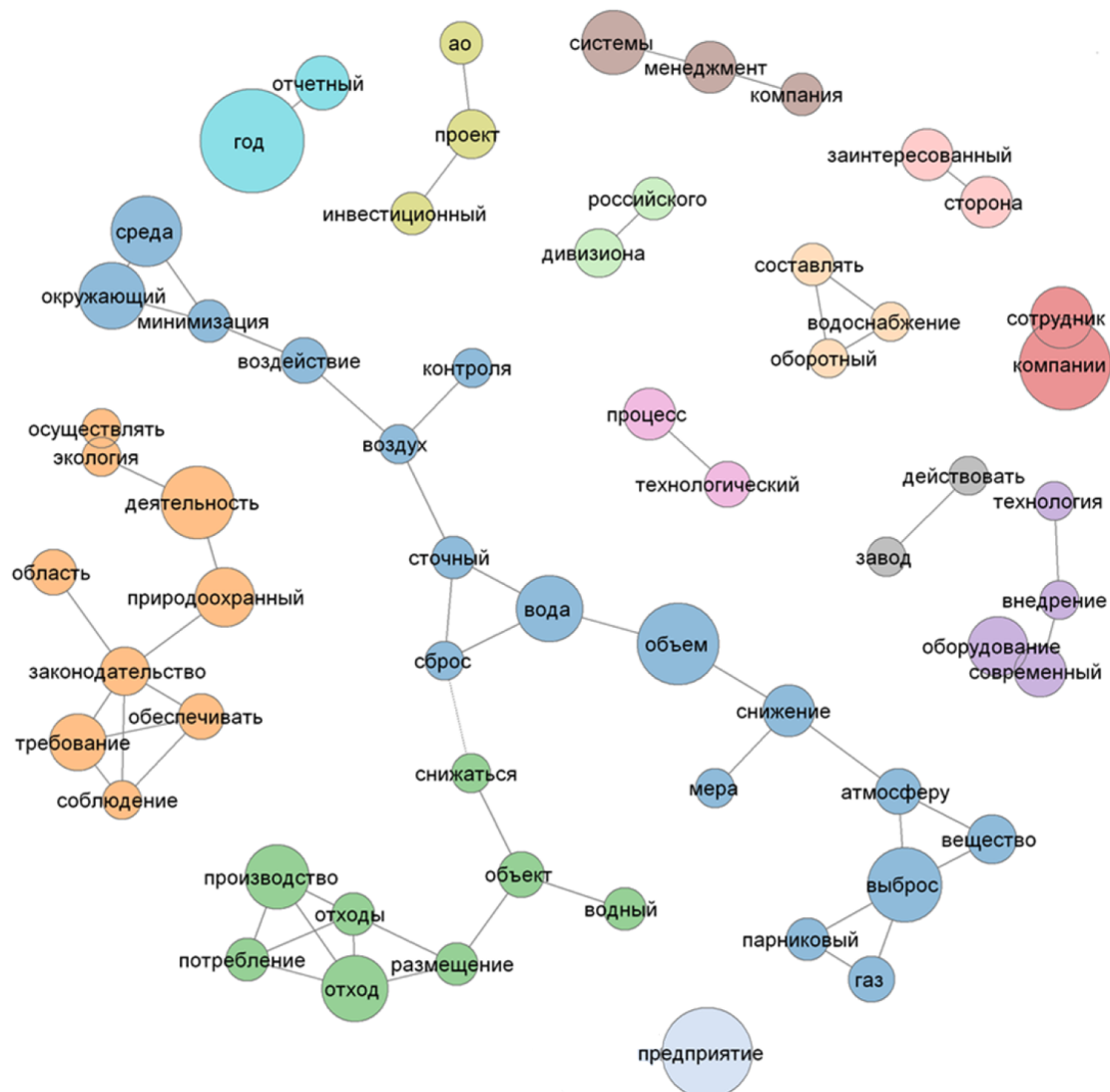

Рис. 1 / Fig. 1. Сетевая диаграмма, основанная на одновременном появлении ключевых слов текста / Co-occurrence network of frequently occurring keywords

Источник / Source: разработано автором / developed by the author.

на координатных осях в непосредственной близости от пересечения нулевых координат, а много раз повторяющиеся, но в отдельных частях, и не являющиеся характерными для всего текста слова (поддерживающие определенные идеи и/или терминологии) находятся дальше по осям (рис. 2). Например, слова «сторона» и «заинтересованный» в левом нижнем углу координатной плоскости на рис. 2 часто встречаются в одной главе и практически не используются авторами отчета в других, а слово «воздействия», по результатам имеющее почти нулевые обе координаты, встречается с равной частотой в нескольких главах и при этом не является самым часто встречаемым словом отчета. Анализ списка

частоты употребления слов в тексте (Word Frequency List) показал позицию слова в третьем десятке.

Среди других инструментов стоит упомянуть многомерное масштабирование с визуальным представлением структуры объектов текста и технологию кластеризации («самоорганизующиеся карты»). На основании проведенного анализа можно сделать заключение, что для использования методов обработки естественного языка необходимы правила по интерпретации результатов, связанных с лингвистическими особенностями и извлеченных из отчетов об устойчивости. Вопрос об их повсеместном практическом применении пока открыт: интерес к ним в настоящее время существует по большей части в научных кругах.

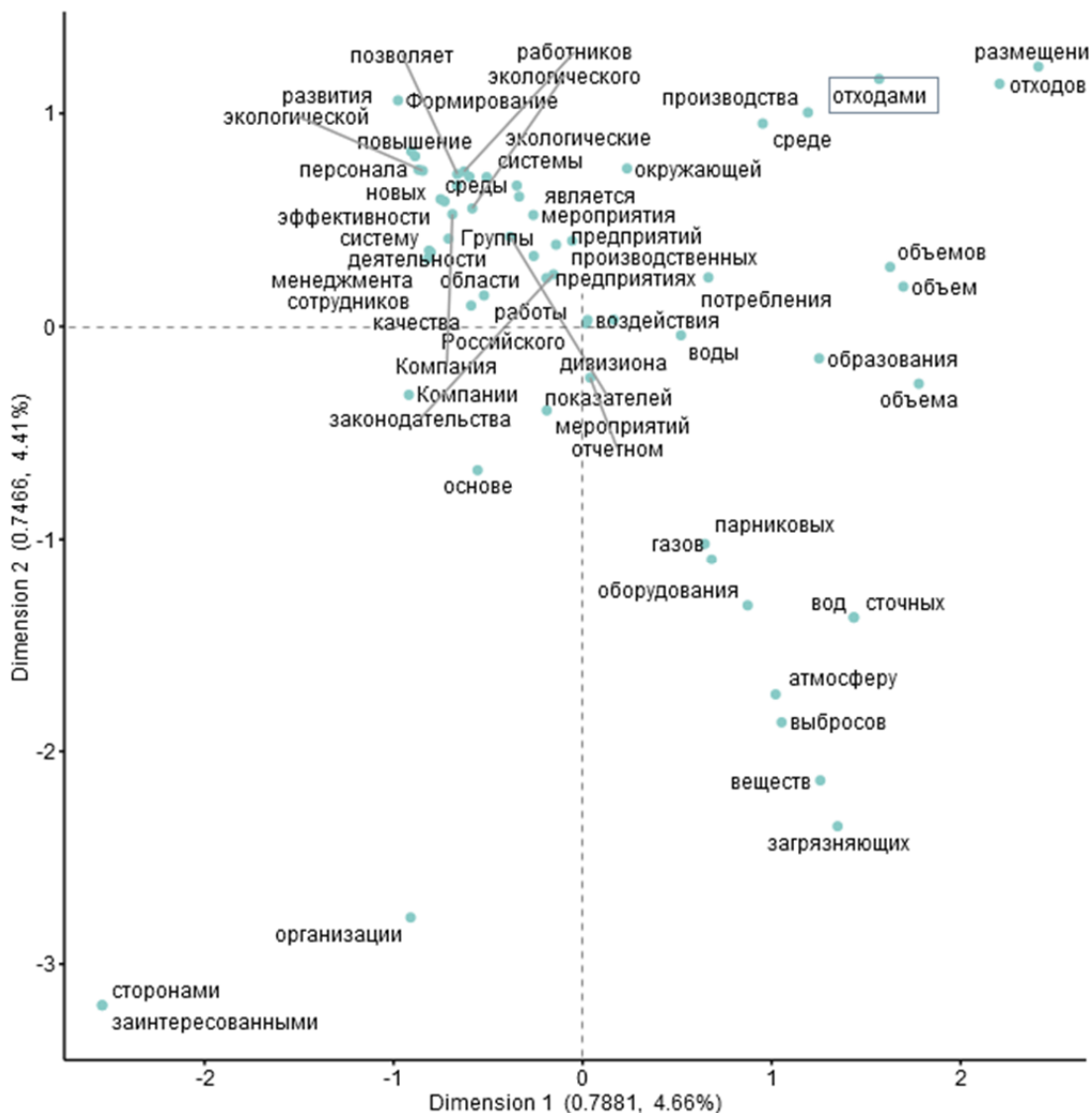

Рис. 2 / Fig. 2. Координатная плоскость с результатами анализа соответствия, примененного к тексту отчета по устойчивому развитию / Two-dimensional plane with results of correspondence analysis applied to the sustainability report

Источник / Source: разработано автором / developed by the author.

ВЫВОДЫ

Положительная оценка применения вышеописанных и им подобных методов анализа открывает возможности для будущих совместных исследований с участием специалистов в области устойчивого развития, управления и лингвистики целью формирования методологии в рамках четко поставленных задач.

Важность рассмотрения роли языка в процессе оценки отчетов заинтересованными сторонами на предмет «зеленой промывки» пока еще остается незначительной. Но по мере распространения

ответственности за выполнение ESG-принципов лингвистические меры могут дать неожиданные результаты, доказав, что компания имеет возможность повлиять на свой показатель в рамках следования политике устойчивого развития, «промыв» отчет. Проблематика языка, очевидно, будет играть важную роль в поиске ложных претензий, пропущенных важных данных (оценивающих искренность претензии), примененного расплывчатого или двусмысленного термина, который можно счесть ложью ввиду отсутствия ясности. Неоднозначность изложения, факты использования отдельных слов, словосочетаний,

усиливающих или, наоборот, ослабляющих контекст документа — вся эта информация способна многое рассказать о деятельности компаний и с помощью разработанной методологии отличить те из них, которые принимают условия необходимой публикации отчетов только для виду от других, действительно раскрывающих информацию. Предприятия будут

подпадать под обвинения в «зеленом промывании» в большей или меньшей степени в зависимости от того, какой язык они используют в своих отчетах.

В то же время отчеты могут помочь третьим сторонам оценить необходимость вмешательства или давления на компании в целях повышения их устойчивости.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Емельянова Ю.В., Ляховенко Т.И. Отчетность в области устойчивого развития. Практика составления российскими и зарубежными компаниями. *Корпоративная финансовая отчетность. Международные стандарты*. 2016;(2). URL: <http://finotchet.ru/articles/912/>
2. Белоусов К. Актуальные проблемы формирования стратегии устойчивого развития российских компаний. *Проблемы современной экономики*. 2013;(3):191–194. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=4663>
3. Углова И.А., Николенко А.С., Королева Е.Э. Нефинансовая отчетность как коммуникационный инструмент корпоративной социальной политики организации. *Естественно-гуманитарные исследования*. 2019;(26):316–320.
4. Тумин В., Махалин В., Костромин П. Повышение информационной прозрачности как фактор устойчивого развития российских компаний. *Вестник Университета (Государственный университет управления)*. 2016;(5):39–48.
5. Фатеева Т.Н., Лесина Т.В. Нефинансовая отчетность как инструмент формирования положительного имиджа организации. *Науковедение*. 2015;7(4):52. DOI: 10.15862/57EVN 415
6. Калабихина И., Крикунов А. Новая методика оценки качества нефинансовой отчетности (на примере энергетических компаний). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент*. 2018;17(3):297–328.
7. Борзаков Д.В., Корсакова М.В. Совершенствование методического обеспечения подготовки нефинансовой отчетности в области комплаенс-менеджмента. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. 2022;(1):28–40. DOI: 10.17308/econ.2022.1/3918
8. Ефимова О.В. Формирование отчетности об устойчивом развитии: этапы и процедуры подготовки. *Учет. Анализ. Аудит*. 2018;5(3):40–53. DOI: 10.26794/2408–9303–2018–5–3–40–53
9. Рябчукова О.Ю. Становление методологии отчетности в области устойчивого развития промышленных холдингов. *Фундаментальные исследования*. 2020;(7):102–107. DOI: 10.17513/fr.42812
10. Courtis J.K. Readability of annual reports: Western versus Asian evidence. *Accounting, Auditing & Accountability Journal*. 1995;8(2):4–17. DOI: 10.1108/09513579510086795
11. Smith M., Taffler R. Readability and understandability: Different measures of the textual complexity of accounting narrative. *Accounting, Auditing & Accountability Journal*. 1992;5(4). DOI: 10.1108/09513579210019549
12. Thoms C., Degenhart A., Wohlgemuth K. Is bad news difficult to read? A readability analysis of differently connoted passages in the annual reports of the 30 DAX companies. *Journal of Business and Technical Communication*. 2020;34(2):105065191989231. DOI: 10.1177/1050651919892312
13. Cho C.H., Michelon G., Patten D. Impression management in sustainability reports: An empirical investigation of the use of graphs. *Accounting and the Public Interest*. 2012;12(1):16–37. DOI: 10.2308/apin-10249
14. Smeuninx N., De Clerck B., Aerts W. Measuring the readability of sustainability reports: A corpus-based analysis through standard formulae and NLP. *International Journal of Business Communication*. 2020;57(1):52–85. DOI: 10.1177/2329488416675456
15. Hrasky S. Visual disclosure strategies adopted by more and less sustainability-driven companies. *Accounting Forum*. 2012;36(3):154–165. DOI: 10.1016/j.accfor.2012.02.001
16. Conrad M., Holtbrügge D. Antecedents of corporate misconduct: A linguistic content analysis of decoupling tendencies in sustainability reporting. *Business Ethics, the Environment & Responsibility*. 2021;30(4):538–550. DOI: 10.1111/beer.12361

17. Smeuninx N. (Measuring) Readability: A critical look at sustainability reports through standard formulae and NLP. URL: <https://biblio.ugent.be/publication/8161177/file/8507672.pdf>
18. Story J., Neves P. When corporate social responsibility (CSR) increases performance: Exploring the role of intrinsic and extrinsic CSR attribution. *Business Ethics: A European Review*. 2015;24(2):111–124. DOI: 10.1111/beer.12084
19. Townsend S., Bartels W., Renaut J.-P. Reporting change: Readers & reporters survey 2010. London: Futerra Sustainability Communications; 2010. 33 p. URL: http://www.csrinfo.org/wp-content/uploads/2016/07/reporting_change_2011.pdf
20. Courtis J. K. Corporate report obfuscation: Artefact or phenomenon? *The British Accounting Review*. 2004;36(3):291–312. DOI: 10.1016/j.bar.2004.03.005
21. Rutherford B. A. Obfuscation, textual complexity and the role of regulated narrative accounting disclosure in corporate governance. *Journal of Management and Governance*. 2003;7(2):187–210. DOI: 10.1023/A:1023647615279
22. Seele P., Gatti L. Greenwashing revisited: In search of a typology and accusation-based definition incorporating legitimacy strategies. *Business Strategy and the Environment*. 2017;26(2):239–252. DOI: 10.1002/bse.1912

REFERENCES

1. Emel'yanova Yu.V., Lyakhovenko T.I. Reporting in the field of sustainable development. Compilation practice by Russian and foreign companies. *Korporativnaya finansovaya otchetnost'. Mezhdunarodnye standarty*. 2016;(2). URL: <http://finotchet.ru/articles/912/> (In Russ.).
2. Belousov K. Topical issues in formation of the sustainable development strategy of Russian companies. *Problemy sovremennoi ekonomiki = Problems of Modern Economics*. 2013;(3):191–194. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=4663> (In Russ.).
3. Uglova I.A., Nikolenko A.S., Koroleva E.E., Non-financial reporting as a communication tool for the corporate social policy of an organization. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural Humanitarian Studies*. 2019;(26):316–320. (In Russ.).
4. Tumin V., Makhalin V., Kostromin P. Increase of information transparency as factor of the sustainable development of the Russian companies. *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya)*. 2016;(5):39–48. (In Russ.).
5. Fateeva T.N., Lesina T.V. Non-financial reporting as a tool for creating a positive image of the organization. *Naukovedenie*. 2015;7(4):52. (In Russ.). DOI: 10.15862/57EVN 415
6. Kalabikhina I., Krikunov A. A new method of assessing the quality of non-financial reporting (on the example of energy companies). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Menedzhment = Vestnik of Saint Petersburg University. Management Series*. 2018;17(3):297–328. (In Russ.).
7. Borzakov D.V., Korsakova M.V. Improvement of the methodological materials for the preparation of non-financial reports in the field of compliance management. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie = Proceedings of Voronezh State University. Series: Economy and Management*. 2022;(1):28–40. (In Russ.). DOI: 10.17308/econ.2022.1/3918
8. Efimova O.V. Forming reports on sustainable development: Stages and procedures. *Uchet. Analiz. Audit = Accounting. Analysis. Auditing*. 2018;5(3):40–53. (In Russ.). DOI: 10.26794/2408–9303–2018–5–3–40–53
9. Ryabchukova O. Yu. Formation of the methodology of reporting in the field of sustainable development of industrial holdings. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental Research*. 2020;(7):102–107. (In Russ.). DOI: 10.17513/fr.42812
10. Courtis J.K. Readability of annual reports: Western versus Asian evidence. *Accounting, Auditing & Accountability Journal*. 1995;8(2):4–17. DOI: 10.1108/09513579510086795
11. Smith M., Taffler R. Readability and understandability: Different measures of the textual complexity of accounting narrative. *Accounting, Auditing & Accountability Journal*. 1992;5(4). DOI: 10.1108/09513579210019549
12. Thoms C., Degenhart A., Wohlgemuth K. Is bad news difficult to read? A readability analysis of differently connoted passages in the annual reports of the 30 DAX companies. *Journal of Business and Technical Communication*. 2020;34(2):105065191989231. DOI: 10.1177/1050651919892312

13. Cho C.H., Michelon G., Patten D. Impression management in sustainability reports: An empirical investigation of the use of graphs. *Accounting and the Public Interest*. 2012;12(1):16–37. DOI: 10.2308/apin-10249
14. Smeuninx N., De Clerck B., Aerts W. Measuring the readability of sustainability reports: A corpus-based analysis through standard formulae and NLP. *International Journal of Business Communication*. 2020;57(1):52–85. DOI: 10.1177/2329488416675456
15. Hrasky S. Visual disclosure strategies adopted by more and less sustainability-driven companies. *Accounting Forum*. 2012;36(3):154–165. DOI: 10.1016/j.accfor.2012.02.001
16. Conrad M., Holtbrügge D. Antecedents of corporate misconduct: A linguistic content analysis of decoupling tendencies in sustainability reporting. *Business Ethics, the Environment & Responsibility*. 2021;30(4):538–550. DOI: 10.1111/beer.12361
17. Smeuninx N. (Measuring) Readability: A critical look at sustainability reports through standard formulae and NLP. URL: <https://biblio.ugent.be/publication/8161177/file/8507672.pdf>
18. Story J., Neves P. When corporate social responsibility (CSR) increases performance: Exploring the role of intrinsic and extrinsic CSR attribution. *Business Ethics: A European Review*. 2015;24(2):111–124. DOI: 10.1111/beer.12084
19. Townsend S., Bartels W., Renaut J.-P. Reporting change: Readers & reporters survey 2010. London: Futerra Sustainability Communications; 2010. 33 p. URL: http://www.csrinfo.org/wp-content/uploads/2016/07/reporting_change_2011.pdf
20. Curtis J.K. Corporate report obfuscation: Artefact or phenomenon? *The British Accounting Review*. 2004;36(3):291–312. DOI: 10.1016/j.bar.2004.03.005
21. Rutherford B.A. Obfuscation, textual complexity and the role of regulated narrative accounting disclosure in corporate governance. *Journal of Management and Governance*. 2003;7(2):187–210. DOI: 10.1023/A:1023647615279
22. Seele P., Gatti L. Greenwashing revisited: In search of a typology and accusation-based definition incorporating legitimacy strategies. *Business Strategy and the Environment*. 2017;26(2):239–252. DOI: 10.1002/bse.1912

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Татьяна Аркадьевна Горошникова — кандидат технических наук, первый заместитель декана факультета международных экономических отношений, доцент департамента мировой экономики и международного бизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия
Tatyana A. Goroshnikova — Cand. Sci. (Tech.), First Deputy Dean of the Faculty of International Economic Relations, Associate Professor of the Department of World Economy and International Business, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-4033-0210>
tgoroshnikova@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила в редакцию 28.03.2022; после рецензирования 17.05.2022; принята к публикации 21.06.2022.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was submitted on 28.03.2022; revised on 17.05.2022 and accepted for publication on 21.06.2022.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-3-82-98
УДК 338.436.3:631.151.61:338.534:658.703.011.1(045)
JEL F15, Q13, Q18, P22, D31

Стратегия развития вертикально интегрированных агропромышленных компаний как инструмент ценообразования продовольственных товаров

В.В. Краснова, А.А. Крамаренко, А.С. Фоменко
Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР

АННОТАЦИЯ

В связи с современными тенденциями изменения агропромышленной конъюнктуры становится все более актуальным решение проблемы обеспечения экономической безопасности государства, финансово-экономического подъема отраслеобразующих предприятий и благосостояния населения. С учетом высокого интереса к трансформации продовольственных рынков **объектом** данного исследования стала стратегия внутреннего управления крупными агропромышленными компаниями. **Предметом** исследования является механизм ценообразования на продовольствие при помощи регулирования цепочки создания стоимости в агрохолдингах полного цикла производства (имеющих вертикально интегрированную организацию операционно-производственного процесса). В статье приводится анализ изменения индекса цен на социально значимые продовольственные товары за период 2020–2021 гг. и его влияния на стоимость минимального набора продуктов питания, который считается важным индикатором уровня жизни населения и в нынешней ситуации составляет чрезмерно высокую долю в средней величине доходов граждан. Для решения выявленных проблем и обеспечения высокого уровня продовольственной безопасности предложен механизм управления стратегией развития вертикально интегрированных агропромышленных компаний как способ выхода на минимальную стоимость готовой продукции и рационального управления цепочкой ее создания. Благодаря замкнутому циклу производства агропромышленные компании нивелируют негативное воздействие внешних факторов на ценообразование, а также являются более независимыми от поставщиков сырья и в вопросах организации операционной деятельности. **Практическая значимость** исследования состоит в разработке и обосновании способов снижения социальной напряженности и обеспечения населения социально значимыми, качественными и доступными продуктами питания посредством снижения затрат на производство агропромышленной продукции при создании и развитии вертикально интегрированной организации производственного процесса. **Ключевые слова:** управление стратегией; ценообразование; индекс цен; благосостояние; цепочка создания стоимости; агрохолдинг; вертикальная интеграция; экономическая эффективность; себестоимость; наценка

Для цитирования: Краснова В.В., Крамаренко А.А., Фоменко А.С. Стратегия развития вертикально интегрированных агропромышленных компаний как инструмент ценообразования продовольственных товаров. *Управленческие науки.* 2022;12(3):82-98. DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-3-82-98

ORIGINAL PAPER

Development Strategy of Vertically Integrated Agro-Industrial Companies as a Pricing Tool for Food Products

V.V. Krasnova, A.A. Kramarenko, A.S. Fomenko
Donetsk National University, Donetsk, DPR

ABSTRACT

In connection with the current trends in the agro-industrial conjuncture, it is becoming increasingly urgent to solve the problem of ensuring the economic security of the state, the financial and economic recovery of industry-forming enterprises and the welfare of the population. Taking into account the high interest in the transformation of food markets, the **object** of this study was the internal management strategies of large agro-industrial companies. The **subject** of the study is the mechanism of food pricing by regulating the value chain in agricultural holdings of the full production

© Краснова В.В., Крамаренко А.А., Фоменко А.С., 2022

cycle (having a vertically integrated organization of the operational and production process). The article provides an analysis of changes in the price index for socially significant food products for the period 2020–2021 and its impact on the cost of a minimum set of food products, which is considered an important indicator of the standard of living of the population and in the current situation accounts for an excessively high proportion of the average income of citizens. To solve the identified problems and ensure a high level of food security, a mechanism for managing the development strategy of vertically integrated agro-industrial companies is proposed as a way to achieve the minimum cost of finished products and rational management of its creation chain. Due to the closed production cycle, agro-industrial companies offset the negative impact of external factors on pricing, and are also more independent of suppliers of raw materials and in matters of the organization of operational activities. **The practical significance** of the research is to develop and substantiate ways to reduce social tension and provide the population with socially significant, high-quality and affordable food by reducing the cost of producing agro-industrial products while creating and developing a vertically integrated organization of the production process.

Keywords: strategy management; pricing; price index; welfare; value chain; agricultural holding; vertical integration; economic efficiency; cost; margin

For citation: Krasnova V.V., Kramarenko A.A., Fomenko A.S. Development strategy of vertically integrated agro-industrial companies as a pricing tool for food products. *Management sciences*. 2022;12(3):82-98. DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-3-82-98

ВВЕДЕНИЕ

При рассмотрении тенденций трансформации мирового социально-экономического устройства все больше внимания уделяется продовольственной безопасности государства и проблемам доступности основных продуктов питания для всех слоев населения. Глобальные цели в области обеспечения граждан продовольствием состоят в улучшении питания посредством увеличения потребления пищевых продуктов, содержащих достаточное количество витаминов, макро- и микроэлементов (кальция, йода, железа, фтора, селена и др.), полноценных белков [1]. Однако рост цен на жизненно важные продукты, кризис состояния производства продовольственного сырья и пищевых продуктов наряду с резким снижением покупательной способности большей части населения препятствуют росту его благосостояния и социально-экономической защищенности.

Ведущая роль при осуществлении государственной политики, целью которой является выход из сложившейся ситуации и повышение качества жизни граждан, отводится анализу стоимостной величины минимального набора продуктов питания, так как данный показатель напрямую зависит от таких факторов, как уровень инфляции в стране, состояние экономики и совокупного спроса, изменение мировых цен и курсов валют, особенности налоговой политики, скорость товарооборота, величина издержек на производство, ограничения верхнего предела стоимости товаров (обычно только жизненно важных), что в совокупности отражается на изменении индекса потребительских цен.

Для экономики таких государств, как Донецкая Народная Республика (ДНР), в условиях торгово-экономической блокады и ограниченности ресурсов необходимо развитие собственного производства основных жизненно важных продуктов питания, которое позволит обеспечить продовольственную безопасность должного уровня, снизив цены до возможного минимума.

В целом, в ДНР, благодаря высокой обеспеченности некоторыми продуктами питания собственного производства, цены в торговых предприятиях не превышают уровень цен Российской Федерации. Поскольку малообеспеченные категории граждан тратят на продукты более половины своего дохода, а для аграриев источником получения денежных средств является сельскохозяйственное производство, то изменение цен на пищевую продукцию в значительной степени повлияет на благосостояние как потребителей, так и производителей.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализируя уровень цен на продукты питания, наибольшее внимание уделяется регулированию цены на мясо на внутреннем рынке как одного из важнейших компонентов рациона человека. В ДНР наибольшую долю рынка изделий из мяса занимает продукция птицефабрик. Несмотря на то что значительная доля мяса птицы в структуре потребления является отечественным продуктом, производители достаточно восприимчивы к изменению импортных цен на готовые изделия и находятся в значительной зависимости от стоимости импортных компонентов.

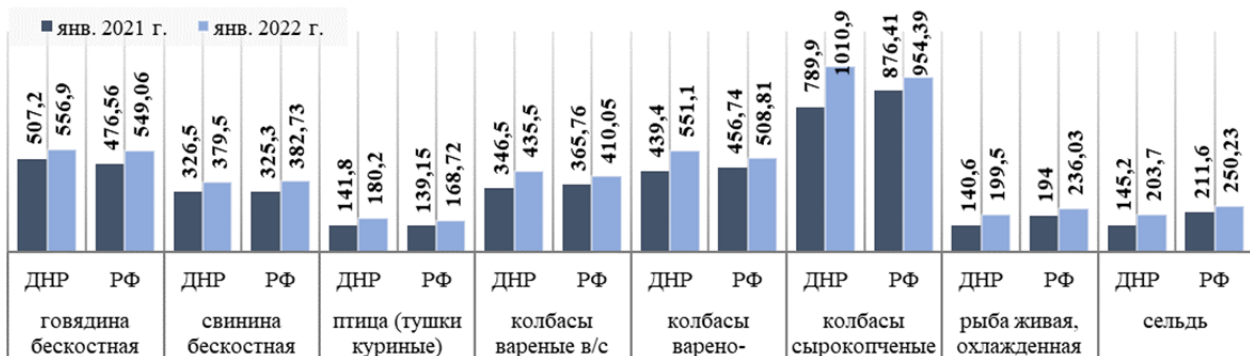

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика стоимости мяса, мясной продукции и рыбы в ДНР и Ростовской области РФ, руб./кг / Dynamics of the cost of meat, meat products and fish in the DPR and Rostov region of the Russian Federation, rubles/kg

Источник / Source: составлено авторами на основе данных Министерства экономического развития Донецкой Народной Республики. URL: https://mer.govdnr.ru/index.php?option=com_phocadownload&view=category&id=23&Itemid=655 (дата обращения: 12.05.2022), ЕМИСС Государственная статистика. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31448/> (дата обращения: 19.05.2022) / compiled by the authors on Ministry of Economic Development of the Donetsk People's Republic https://mer.govdnr.ru/index.php?option=com_phocadownload&view=category&id=23&Itemid=655 (accessed on 12.05.2022), EMISS State Statistics. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31448/> (accessed on 19.05.2022).

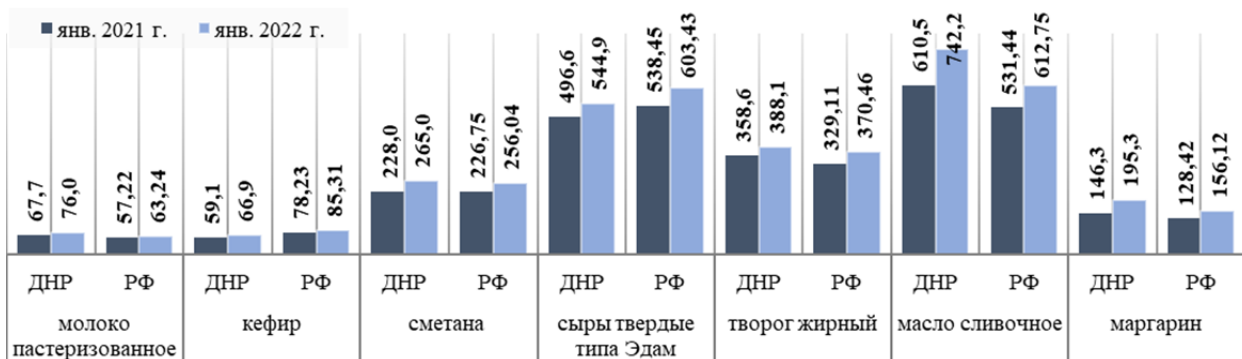

Рис. 2 / Fig. 2. Динамика стоимости молочной продукции в ДНР и Ростовской области РФ, руб./кг / Dynamics of the cost of dairy products in the DPR and Rostov region of the Russian Federation, rubles/kg

Источник / Source: составлено авторами на основе данных Министерства экономического развития Донецкой Народной Республики. URL: https://mer.govdnr.ru/index.php?option=com_phocadownload&view=category&id=23&Itemid=655 (дата обращения: 12.05.2022), ЕМИСС Государственная статистика. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31448/> (дата обращения: 19.05.2022) / compiled by the authors on Ministry of Economic Development of the Donetsk People's Republic https://mer.govdnr.ru/index.php?option=com_phocadownload&view=category&id=23&Itemid=655 (accessed on 12.05.2022), EMISS State Statistics URL: <https://fedstat.ru/indicator/31448/> (accessed on 19.05.2022).

Основными факторами, которые повлияли на увеличение потребительских цен в данном продовольственном сегменте в ДНР, стали: рост стоимости составляющих комбикормов, сырья и материалов, необходимых для производства птицы. Кроме того, на общее увеличение потребительских цен на мясо птицы в ДНР также оказало влияние удорожание данной продукции в Российской Федерации, так как половина потребности Республики в мясе птицы покрывается за счет импорта.

На рост стоимости мяса говядины и свинины также повлияло увеличение стоимости данной продукции в Российской Федерации, так как значительная часть мяса говядины и свинины является импортной (рис. 1). В 2021 г. в связи с ростом цен на мясо выросла стоимость колбасных изделий всех видов примерно на 11%. Кроме мяса и продуктов его переработки, в ДНР влиянию импорта подвержено и ценообразование на рыбную продукцию.

Увеличение цен на молочную продукцию к началу 2022 г. в среднем составило порядка 16,4%. Мак-

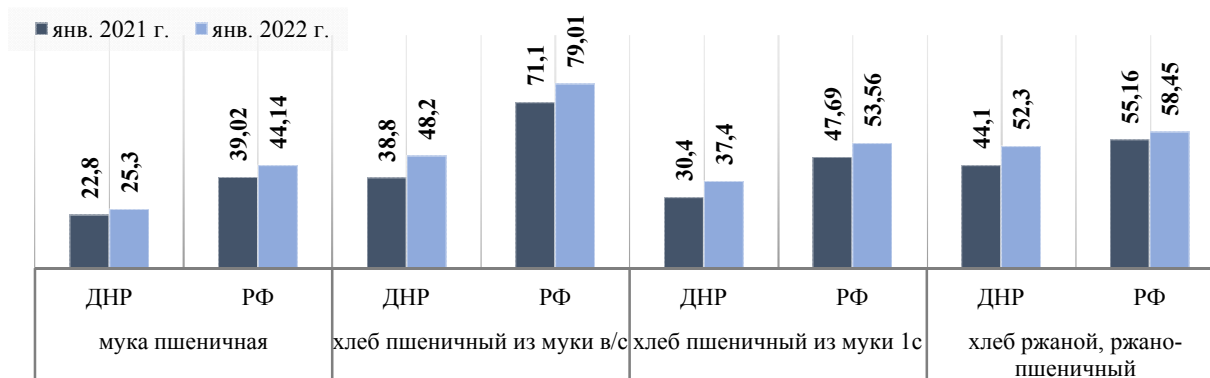

Рис. 3 / Fig. 3. Динамика стоимости муки и хлеба в ДНР и Ростовской области РФ, руб./кг / Dynamics of the cost of flour and bread in the DPR and Rostov region of the Russian Federation, rubles/kg

Источник / Source: составлено авторами на основе данных Министерства экономического развития Донецкой Народной Республики. URL: https://mer.govdnr.ru/index.php?option=com_phocadownload&view=category&id=23&Itemid=655 (дата обращения: 12.05.2022), ЕМИСС Государственная статистика. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31448/> (дата обращения: 19.05.2022) / compiled by the authors on Ministry of Economic Development of the Donetsk People's Republic https://mer.govdnr.ru/index.php?option=com_phocadownload&view=category&id=23&Itemid=655 (accessed on 12.05.2022), EMISS State Statistics. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31448/> (accessed on 19.05.2022)

симально выросла стоимость маргарина — 33,5%, масла сливочного — 21,6%, сметаны (жирностью более 15%) — 16,2% (рис. 2).

Предприятиями ДНР обеспечивается порядка 26% необходимого объема от фактического годового потребления сырого молока. Из Российской Федерации молоко поставляется наливом, а необходимая для производства его часть — в виде порошка. Повышение стоимости данного товара в Российской Федерации повлекло рост цен на молочную продукцию и в ДНР.

Несмотря на высокий урожай пшеницы в 2021 г., цена на пшеничную муку за период 2021–2022 гг. увеличилась на 10,9%, что спровоцировало существенное подорожание хлеба и хлебобулочных изделий (рис. 3).

К подорожанию хлеба и хлебобулочных изделий привели также повышение тарифов на коммунальные услуги, цен на энергоресурсы, горюче-смазочные материалы, дополнительное сырье (подсолнечное масло, маргарин, смеси, сахар и др.), большая часть которого импортируется из Российской Федерации. Таким образом, находясь в значительной зависимости от ситуации на рынке продовольствия и сырья, хлебобулочные предприятия вынуждены удерживать положительные показатели рентабельности, компенсируя возросшие затраты на оплату труда, топливо и сырье.

Стоимость товаров мукомольно-крупяной промышленности в среднем выросла составил

на 15,8%, что касается гречневой крупы — то на максимальные 40,7% (рис. 4). Поскольку потребность в ней полностью покрывается за счет импорта, то уровень цен находится в прямой зависимости от его величины в РФ (и Ростовской области в частности).

На 2022 г. ДНР полностью обеспечена пищевым яйцом за счет собственных производителей. За 2021–2022 гг. стоимость десятка яиц снизилась на 1,2%, несмотря на рост закупочных цен на пшеницу на 18% и повышение стоимости компонентов комбикормов, сырья и материалов, необходимых для выращивания птицы (рис. 5).

Ситуация в масложировой отрасли агропромышленного комплекса (далее — АПК) Республики характеризуется отсутствием линий по рафинации масла подсолнечного. Следовательно, потребность в масле подсолнечном рафинированном полностью покрывается за счет импорта и уровень цен находится в прямой зависимости от уровня цен в Ростовской области Российской Федерации. Отметим, что от стоимости рафинированного подсолнечного масла напрямую зависит цена на майонез, потребность в котором частично покрывается за счет импорта.

За счет импортных поставок в ДНР в полном объеме обеспечивается потребность населения в сахаре: таким образом, повышение цены на сахар в Российской Федерации повлияло на повышение его стоимости в Республике.

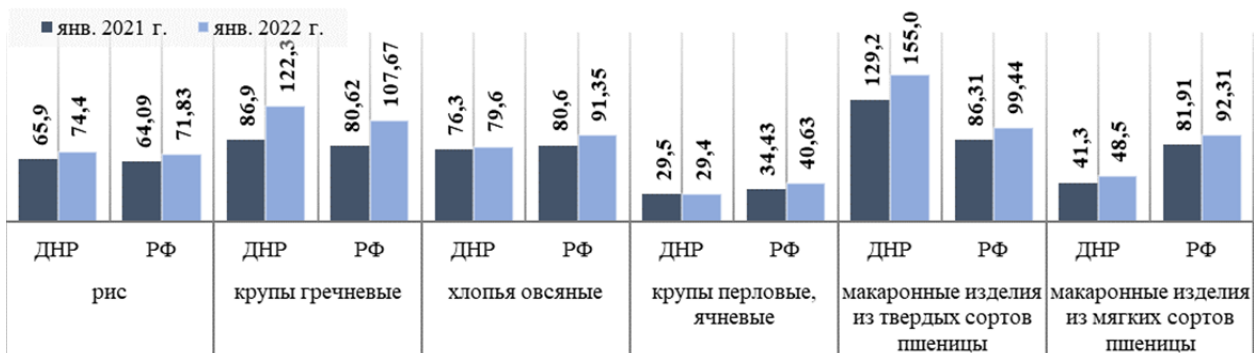

Рис. 4 / Fig. 4. Динамика стоимости продукции мукомольно-крупяной промышленности в ДНР и Ростовской области РФ, руб./кг / Dynamics of the cost of products of the flour and cereal industry in the DPR and the Rostov region of the Russian Federation, rubles/kg

Источник / Source: составлено авторами на основе данных Министерства экономического развития Донецкой Народной Республики. URL: https://mer.govdnr.ru/index.php?option=com_phocadownload&view=category&id=23&Itemid=655 (дата обращения: 12.05.2022). ЕМИСС Государственная статистика. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31448/> (дата обращения: 19.05.2022) / compiled by the authors on Ministry of Economic Development of the Donetsk People's Republic https://mer.govdnr.ru/index.php?option=com_phocadownload&view=category&id=23&Itemid=655 (accessed on 12.05.2022), EMISS State Statistics URL: <https://fedstat.ru/indicator/31448/> (accessed on 19.05.2022).

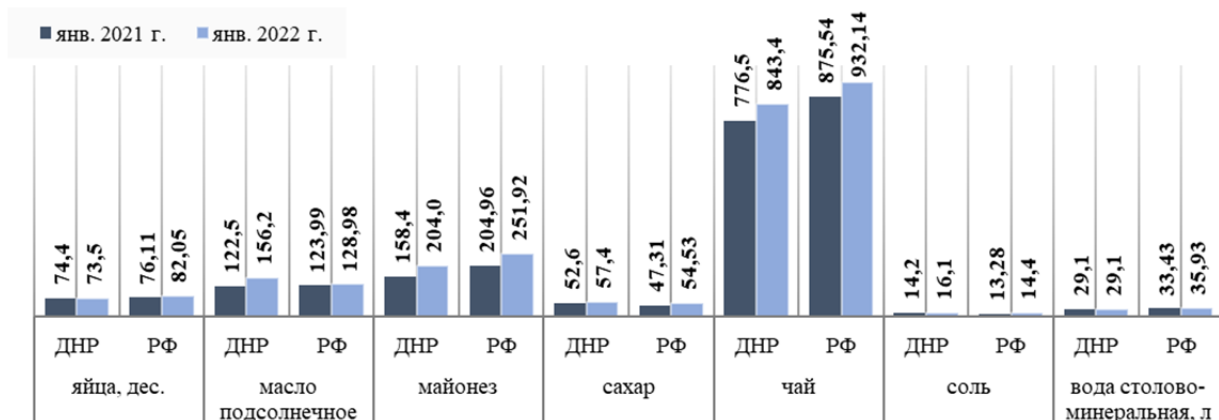

Рис. 5 / Fig. 5. Динамика стоимости отдельных видов продукции пищевой промышленности в ДНР и Ростовской области РФ, руб./кг / Dynamics of the cost of certain types of food industry products in the DPR and Rostov region of the Russian Federation, rubles/kg

Источник / Source: составлено авторами на основе данных Министерства экономического развития Донецкой Народной Республики. URL: https://mer.govdnr.ru/index.php?option=com_phocadownload&view=category&id=23&Itemid=655 (дата обращения: 12.05.2022), ЕМИСС Государственная статистика. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31448/> (дата обращения: 19.05.2022) / compiled by the authors on Ministry of Economic Development of the Donetsk People's Republic https://mer.govdnr.ru/index.php?option=com_phocadownload&view=category&id=23&Itemid=655 (accessed on 12.05.2022), EMISS State Statistics. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31448/> (accessed on 19.05.2022).

Нельзя не отметить существенное подорожание овощной продукции — в этом продовольственном сегменте цены к началу 2022 г. в среднем выросли на 50,0%, при этом за период 2021–2022 гг. стоимость картофеля увеличилась на 59,3%, капусты белокочанной — на 199,9%, свеклы — на 52,3%, лука и моркови — незначительно. Что касается фруктов, то в данном временном интервале удалось снизить цену на яблоки на 8,1% (рис. 6).

В целом потребление картофеля, овощных культур и фруктов обеспечивается за счет импортных поставок. Самообеспеченность ДНР овощами не превышает 5% (без учета объемов производства в хозяйствах населения).

Основными внутренними причинами увеличения оптово-отпускных цен на овощи и фрукты являются:

- рост стоимости энергоресурсов;

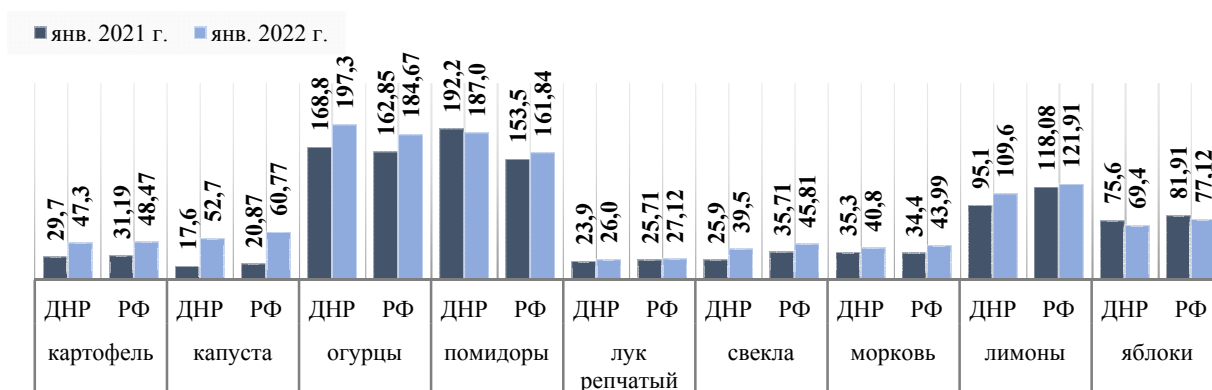

Рис. 6 / Fig. 6. Динамика стоимости овощной продукции и фруктов в ДНР и Ростовской области РФ, руб./кг / Dynamics of the cost of vegetable products and fruits in the DPR and Rostov region of the Russian Federation, rubles / kg

Источник / Source: составлено авторами на основе данных Министерства экономического развития Донецкой Народной Республики. URL: https://mer.govdnr.ru/index.php?option=com_phocadownload&view=category&id=23&Itemid=655 (дата обращения: 12.05.2022), ЕМИСС Государственная статистика. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31448/> (дата обращения: 19.05.2022) / compiled by the authors on Ministry of Economic Development of the Donetsk People's Republic. URL: https://mer.govdnr.ru/index.php?option=com_phocadownload&view=category&id=23&Itemid=655 (accessed on 12.05.2022), EMISS State Statistics URL: <https://fedstat.ru/indicator/31448/> (accessed on 19.05.2022).

- рост стоимости горюче-смазочных материалов;
- увеличение тарифов на коммунальные услуги;
- повышение оплаты труда работников.

Среди причин повышения розничных цен на овощи и фрукты можно выделить следующие:

- рост их стоимости;
- подорожание услуг транспорта;
- спекуляция недобросовестных продавцов в оптовой и розничной торговле.

В свою очередь, от индекса потребительских цен зависит значение таких социально-экономических индикаторов, как прожиточный минимум и минимальный размер оплаты труда (далее — МРОТ). В соответствии с постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики от 03.06.2015 № 10–40 «Об утверждении состава потребительской корзины на территории Донецкой Народной Республики»¹ стоимость минимального набора продуктов питания составляет 50% от прожиточного минимума, который, как и МРОТ, подлежат ежегодной индексации согласно текущему уровню инфляции.

¹ Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 03.06.2015 № 10–40 «Об утверждении состава потребительской корзины на территории Донецкой Народной Республики». URL: http://doc.dnronline.su/wp-content/uploads/2015/03/PostanovN_10_40_03062015.pdf

В состав потребительской корзины ДНР входит более 70 наименований продуктов питания, изменение цен на которые имеет стратегически важное значение в социально-экономической политике Республики.

Сегодняшний стандарт потребления на самом деле шире, чем заложенный в корзине. Согласно законодательству состав минимального набора продуктов питания должен пересматриваться каждые 3 года, однако начиная с 2015 г. изменения в него не вносились. Существующая методика формирования продовольственной корзины не учитывает многие потребности, ставшие базовыми. На сегодня в минимальном наборе отсутствуют такие товары, как: полуфабрикаты, консервы, безалкогольные напитки, алкогольные напитки, кофе, шоколад и др. Кроме того, для пенсионеров из него исключены фрукты и соки, кисломолочные продукты, сыры, колбасные изделия, сахар, чай, мед, специи и кондитерские изделия. Увеличение содержимого продовольственной корзины за счет дополнительных видов продуктов питания приведет к существенному увеличению ее стоимости и, следовательно, прожиточного минимума.

В структуре стоимости минимального набора продуктов питания наибольшую долю занимают импортные товары, а именно: овощи, фрукты и ягоды, говядина, свинина, творог, молоко и молочные продукты, которые оказывают наиболее

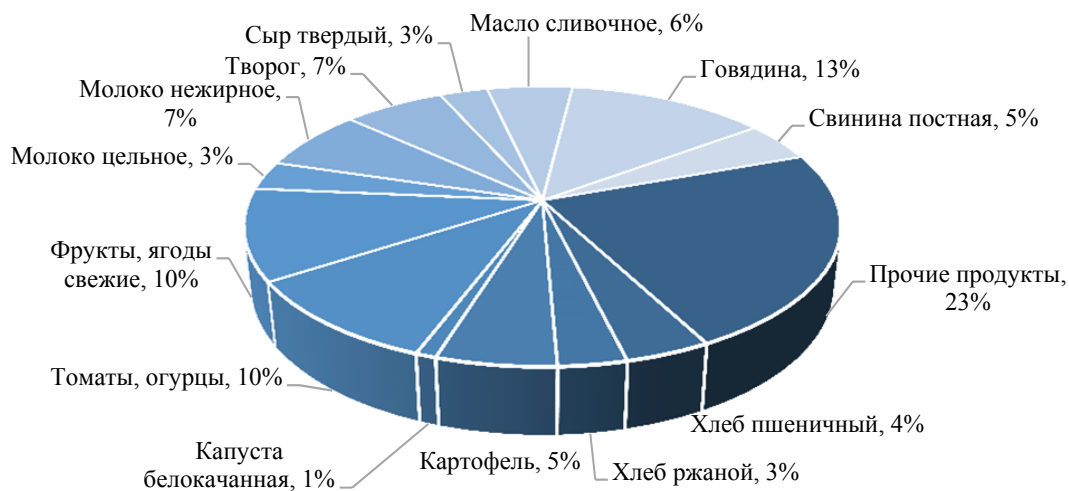

Рис. 7 / Fig. 7. Структура стоимости минимального набора продуктов питания в ДНР /
The structure of the cost of the minimum set of food products in the DPR

Источник / Source: разработано авторами / developed by the authors.

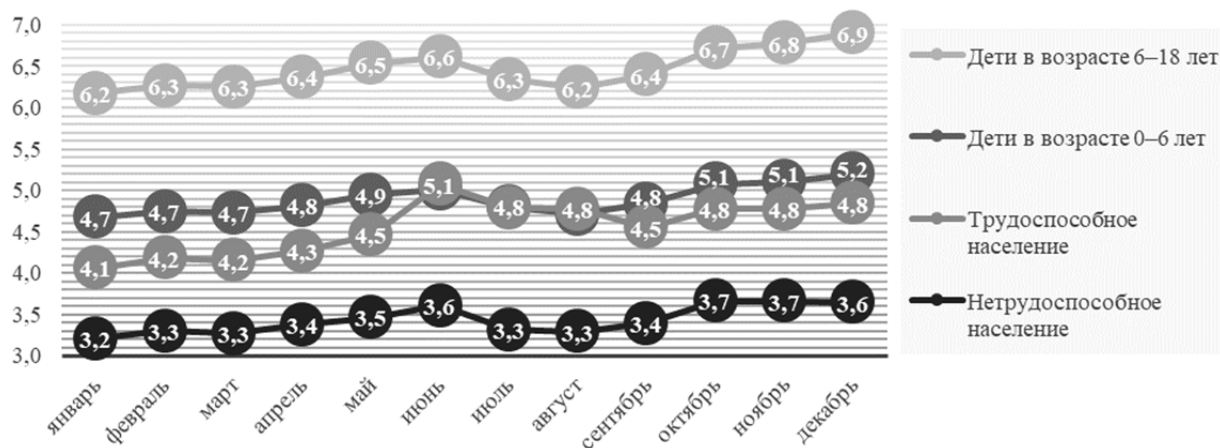

Рис. 8 / Fig. 8. Динамика стоимости минимального набора продуктов питания в ДНР в 2021 г., тыс. руб. /
Dynamics of the cost of the minimum set of food products in the DPR in 2021, thousand rubles

Источник / Source: разработано авторами / developed by the authors.

существенное влияние на формирование величины прожиточного минимума (рис. 7).

Согласно утвержденным нормам потребления основных социально значимых продуктов питания² при действовавших к концу 2021 г. ценах произошло существенное увеличение стоимости минимального набора основных продуктов пита-

ния для следующих социально-демографических групп населения:

- дети в возрасте 0–6 лет на 11,2%;
- дети в возрасте 6–8 лет на 11,8%;
- трудоспособное население – на 19,1%;
- нетрудоспособное население – на 13,5% (рис. 8).

Стоимость минимального набора продуктов питания на душу населения в ДНР в среднем на конец 2021 г. составила 5145 тыс. руб., при том, как в Ростовской области Российской Федерации – 4963 тыс. руб. (рис. 9). Разница составляет 181 руб.

² Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 03.06.2015 № 10–40 «Об утверждении состава потребительской корзины на территории Донецкой Народной Республики». URL: http://doc.dnronline.su/wp-content/uploads/2015/03/PostanovN_10_40_03062015.pdf

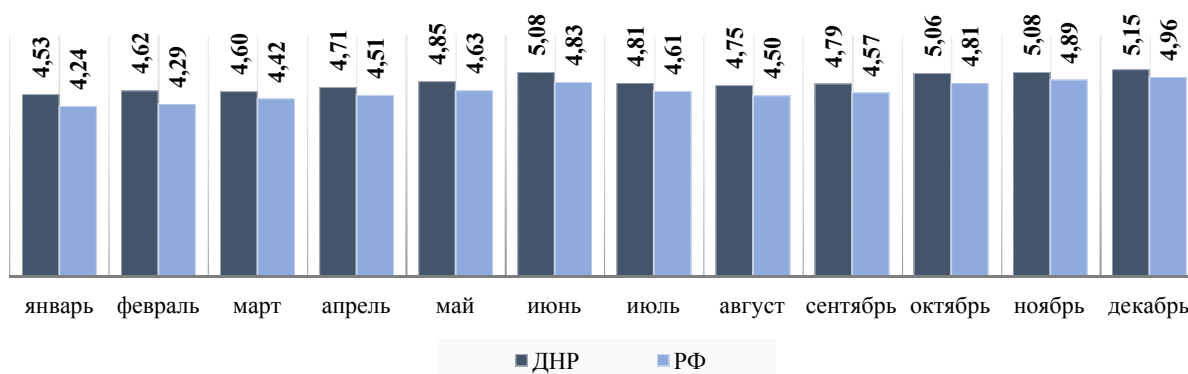

Рис. 9 / Fig. 9. Динамика стоимости минимального набора продуктов питания на душу населения в ДНР и Ростовской области РФ в 2021 г., тыс. руб. / Dynamics of the cost of a minimum set of food products per capita in the DPR and the Rostov region of the Russian Federation in 2021, thousand rubles

Источник / Source: составлено авторами на основе данных Федеральной служб государственной статистики. URL: <https://rostov.gks.ru/> (дата обращения: 19.05.2022) / compiled by the authors based on data of Federal State Statistics Service. URL: <https://rostov.gks.ru/> (accessed on 19.05.2022).

(3,7%). При этом темп роста стоимости минимального набора продуктов питания в Ростовской области РФ за год достиг 17,18%.

Для увеличения уровня экономической безопасности определяющее значение имеет удельный вес затрат на продукты питания в структуре доходов населения. Жители стран Африки — таких, как Камерун и Кения, тратят почти половину имеющихся ресурсов на питание, в то время как среднестатистическое домашнее хозяйство Великобритании — около 8%, Швейцарии и Люксембурга — 9%, США — 6,4%³. Учитывая, что минимальный набор продуктов питания представляет собой необходимое количество жизненно важных для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности продовольственных товаров, он должен быть соотносим со средней заработной платой и МРОТ.

Согласно постановлению Народного Совета ДНР от 14.02.2020 № 100-ПНС «О минимальном размере оплаты труда и о внесении изменений в закон Донецкой Народной Республики «Об оплате труда»», (действующая редакция по состоянию на 28.12.2021 г.)⁴ с 01 января 2022 г. МРОТ в ДНР состав-

ляет 10 245 тыс. руб. В РФ, согласно Федеральному закону от 06.12.2021 № 406-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда»»⁵, МРОТ на 01 января 2022 г. составил 16 668 тыс. руб. (в размере не ниже 1,2 прожиточного минимума) для внебюджетных организаций и 13 890 тыс. руб. — для бюджетников.

Как видно из рис. 10, в ДНР стоимость минимального набора продуктов питания в ценах на конец 2021 г. составила 20,0% от средней заработной платы и более половины (50,2%) от МРОТ (по состоянию на январь 2022 г.). Данный показатель свидетельствует о критическом уровне продовольственной безопасности. Большая часть населения с низким доходом вынуждены тратить на продукты питания более половины той денежной суммы, которой они располагают. Прожиточный минимум жителей ДНР, куда помимо продуктов питания также входят непродовольственные товары, выше МРОТ на 4%, что говорит о крайне низком уровне благосостояния населения.

Стоит заметить, что в Ростовской области Российской Федерации, наряду с более высокой

³ Nutrition and food systems: a report by the High Level Panel of Experts on Food Security and Nutrition of the Committee on World Food Security, Rome. Rome: HLPPE; 2017. 151 p.

⁴ Постановление Народного Совета ДНР от 14.02.2020 № 100-ПНС «О минимальном размере оплаты труда и о внесении изменений в закон Донецкой Народной Республики «Об оплате труда»» (действующая редакция по

состоянию на 28.12.2021). URL: <https://dnrsovet.su/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-minimalnom-razmerezoplaty-truda-i-o-vnesenii-izmenenij-v-zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-oplate-truda/>

⁵ Федеральный закон от 06.12.2021 № 406-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда»». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402538/

Рис. 10 / Fig. 10. Соотношение средней начисленной заработной платы штатным работникам и МРОТ к стоимости минимального набора продуктов питания на душу населения в ДНР на начало 2022 г. / The ratio of the average accrued wages of full-time employees and the minimum wage to the cost of the minimum set of food products per capita in the DPR at the beginning of 2022

Источник / Source: составлено авторами на основе: Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rostov.gks.ru/> (дата обращения: 19.05.2022) / compiled by the authors on Federal State Statistics Service. URL: <https://rostov.gks.ru/> (accessed on 19.05.2022).

среднемесячной заработной платой по сравнению с ДНР (больше на 51,5%), стоимость минимального набора продуктов питания на том же уровне, что и в ДНР и составляет на начало 2022 г. 12,7% от заработной платы и 35,7% от МРОТ.

При методе подсчета прожиточного минимума на основе потребительской корзины остается возможность для манипулирования — уменьшение ее стоимости за счет более дешевых продуктов или снижения норм питания для основных социально-демографических групп населения. Обеспечение продовольственной безопасности предполагает необходимость увеличения товарной наполняемости продовольственной корзины и ежегодное улучшение ее состава в пользу более полезных и качественных продуктов; но вследствие таких мер в отдельных случаях ее фактическая стоимость может оказаться выше МРОТ, так как реальная модель потребления значительно отличается от заложенного в ней уровня физической выживаемости. Кроме того, необходимо учитывать, что реальное потребление обусловлено климатическими поясами: людям, в зависимости от места проживания, требуются разное количество и состав продовольственных и непродовольственных товаров.

Ввиду прослеживающейся негативной тенденции роста доли стоимости минимального набора продуктов питания в доходах населения необходим комплекс мер, направленных на увеличение доступности населению ДНР продовольственных товаров. Снижение цен на социально значимые продукты — одна из задач, решение которых бу-

дет способствовать уменьшению социальной напряженности и росту благосостояния граждан. Учитывая, что ценообразование на продовольствие импортоориентированных государств является главным рычагом внешнеполитического воздействия на экономику страны и социальную стабильность, обеспечение доступа к продовольствию и ресурсам становится одним из основных направлений в управлении стратегией развития вертикально интегрированных агропромышленных компаний.

Данные проблемы должны быть решены комплексно: как на уровне государственной политики в сфере продовольственной безопасности, так и в корпоративной стратегии ведущих производителей агропромышленной продукции по улучшению качества жизни населения. Большую часть продукции обеспечивают крупные вертикально интегрированные компании, которые являются производителями и сырья, и готовых товаров, входящих в состав потребительской корзины. При этом на рынке остается значительная доля фермерских хозяйств и перерабатывающих предприятий, производящих продукты посредством обработки сырья, приобретенного у сторонних предприятий.

Поскольку структура производственных ресурсов и сырья не сбалансирована, многие агрохолдинги и промышленные компании имеют ограниченный производственный потенциал вследствие роста издержек на посреднические, логистические и таможенные операции. Недостаточный уровень переходящих запасов сельскохозяйственного сырья

и продовольствия по причине их дефицита способен провоцировать резкое увеличение стоимости готовой продукции⁶ [2].

Данную проблему можно решить при помощи стратегии развития вертикально интегрированных агропромышленных компаний (ВИАК) [3–9], основанной на использовании новых рыночных механизмов и наращивании конкурентного потенциала и направленной на снижение затрат в цепочке создания стоимости, что позволит минимизировать стоимость готовой продукции и даст возможность обеспечения устойчивости в области продовольственной безопасности, включая улучшение качества жизни населения.

Для ВИАК характерна совокупность различных видов деятельности, направленных на заготовку и обработку сырья, производство, доставку и реализацию готовой продукции, маркетинг, объединенных в цепочку создания стоимости (которая в конечном итоге отражается на формировании цены) [10]. С позиции организации производственного процесса цепочки создания стоимости включают в себя набор продуктивных (ценных) действий, которые осуществляют капитал и трудовые ресурсы (или фирмы и работники) на всем этапе от «зарождения» товара или услуги до их конечного потребления и далее (рис. 11).

Процесс производства пищевых продуктов можно разложить на множество сегментов, каждый из которых соответствует отдельной задаче и которые могут выполняться в различных странах, где компании добавляют стоимость к конечному продукту, что также имеет негативное влияние на ценообразование. Собственное производство промежуточных товаров, являющихся частью цепочки создания стоимости и используемых в конечной продукции, в рамках полного производственного цикла ВИАК позволит сократить их себестоимость за счет отсутствия предельной торговой надбавки (наценки) после каждого этапа обработки и подготовки сырья сторонними компаниями, а также благодаря самостоятельному управлению качеством и добавленной стоимостью [11–13].

В ДНР нет полноценно функционирующих ВИАК. На начало 2022 г. можно говорить лишь о не-

скольких предприятиях АПК, характеризующихся замкнутым циклом производственного процесса по некоторым сегментам.

Как показал анализ, за 2021–2022 гг. среди продуктов, производимых на территории ДНР, наибольший рост цен был зафиксирован на мясо птицы (27,08%), колбасы сырокопченые (27,97%), масло сливочное (21,56%), маргарин (33,49%), майонез (28,82%), хлеб пшеничный (24,07%) и батон (26,32%). Среди производителей мяса птицы крупными предприятиями являются: ООО «Амвросиевская птицефабрика», ЧАО «Новоазовская птицефабрика», ООО «Экопродторг» (ГП «Шахтерская птицефабрика») и ООО «Роз-Агро», специализирующиеся на выращивании домашней птицы, ремонтного молодняка и производстве инкубационного яйца. Помимо основных видов деятельности, ООО «Роз-Агро» занимается выращиванием зерновых и масленичных культур, тем самым обеспечивая себя необходимым сырьем, при том что большинство птицефабрик вынуждены закупать импортные комбикорма и ремонтный молодняк.

Из отечественных предприятий отрасли мясопереработки и изготовления колбасных изделий [ООО ТОРГОВЫЙ ДОМ «ГОРНЯК», ООО «Артемиды», ООО «Колбико», ООО «Вектор» (ТМ «ЮЗОВСКИЙ ДЕЛИКАТЕСЪ»), ФЛП Павлов Олег Владимирович (ТМ «Зенит»), ФЛП Берест С. Г. (ТМ «Снежнянская колбасная фабрика»)], большинство занимается лишь переработкой готового импортного сырья. Вертикально интегрированная система производства сырья с последующим выпуском готовой продукции, начиная от выращивания КРС и свиней, а также материального обеспечения данного направления, до реализации готовых мясных и колбасных изделий в этой отрасли не сформирована. Исключением является ООО ТОРГОВЫЙ ДОМ «ГОРНЯК», на которое поступает часть сырья из местного ООО «АФ «ГОРНЯК».

На рынке молока обработанного и молочных изделий ДНР доля товаров отечественного производства составляет порядка 70%. Основными предприятиями, работающим в этой сфере, являются: ООО ТОРГОВЫЙ ДОМ «ГОРНЯК» и ООО «Твой производитель».

При этом производство молока и молочных продуктов осуществляется из сухого продукта, поставляемого Российской Федерацией, и других импортных компонентов. Низкая численность

⁶ Положение дел в области продовольствия и сельского хозяйства. Использование продовольственных систем для всеобъемлющих преобразований в сельских районах. Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций. Рим; 2017. 170 с.

	СТРАНЫ — УЧАСТНИЦЫ ЦСС		
	Страна А	Российская Федерация	Донецкая Народная Республика
1. Производство комбикормовых добавок	P_1^*	+ таможенные платежи	
2. Производство с/х оборудования и инструментов	P_2	+ таможенные платежи	
3. Выращивание сельскохозяйственных культур	39 % ЦСС		P_3 производство внутри
4. Производство комбикормов		P_4	+ таможенные платежи
5. Разведение крупного рогатого скота молочных пород		P_5	производство внутри
6. Производство сырого (цельного)		P_6	+ таможенные платежи
7. Доставка сырого молока на перерабатывающие предприятия	10 % ЦСС		P_7 + посредническая наценка
8. Закупка иного сырья и материалов, затраты на энергоресурсы	8 % ЦСС		P_8 + посредническая
9. Производство молочной продукции	18 % ЦСС		P_9
10. Логистика	1 % ЦСС		P_{10} + посредническая наценка
11. Оптовая торговля	9 % ЦСС		P_{11} + наценка
12. Розничная торговля	15 % ЦСС		P_{12} + наценка
13. Реализация готовой продукции конечному потребителю	100 % ЦСС		$\sum P$

Рис. 11 / Fig. 11. Цепочка создания стоимости на примере молокоперерабатывающего предприятия ДНР / The value chain on the example of a dairy processing enterprise of the DPR

Источник / Source: разработано авторами / developed by the authors.

Примечание / Note: P – стоимость / P – value.

поголовья КРС молочных пород не позволяет предприятиям использовать собственную сырьевую базу, что негативно отражается на росте стоимости таких товаров, как молоко, масло сливочное, маргарин и пр.

Аналогичная ситуация на рынке по производству соусов, майонезов и кетчупов, где основные производители ООО «Славолия групп» и ООО «ТД «Продукты Донбасса» самостоятельно не производят сырье, подлежащее последующей переработке.

Самой крупной компанией на рынке хлеба и хлебобулочных изделий ДНР является ООО «Мир хлеба», который входит в группу компаний «Атлант-Донбасс» и выпускает свою продукцию под

торговой маркой «Урожай». Предприятие объединяет 7 хлебозаводов общей мощностью около 9 тыс. тонн/месяц, для производства хлеба и хлебобулочных изделий использует только муку собственного производства (ТМ «Урожай»), имеет широкий ассортимент и занимает значимое место в продовольственной безопасности ДНР. Остальные производители данной продукции работают на приобретенном сырье, имеющем высокую наценку.

Таким образом, вследствие большой доли используемого импортного сырья цепочки создания стоимости тесно связаны с цепочками поставок, которые сфокусированы на начале производственного процесса и направлены на интеграцию

Таблица / Table

Ценообразование на товары, по которым зафиксирован значительный рост цен в ДНР на январь 2022 г., руб. / Pricing of goods for which a significant increase in prices was recorded in the DPR in January 2022, rubles

Код ТН ВЭД / Customs commodity code	Наименование / Category	Фактическая цена / Actual price	Цена реализации с/х предприятиями / Sales price of agricultural enterprises	Таможенная стоимость товара / Customs value of goods	Ставка таможенной пошлины / Customs rate	Стоимость с учетом импортной пошлины и предельной торговой надбавки / Value with import duty and trade margin limit			
						Предельная торговая надбавка (наценка) к импортной стоимости / Trade margin to import value		Предельная торговая надбавка (наценка) к цене производителя / Trade margin to producer price	
						величина надбавки / value of margin	итоговая стоимость / final cost	величина надбавки / value of margin	итоговая стоимость / final cost
020711	Мясо птицы (тушки куриные)	180,2	140,6	125,2	20%	25%	181	15%	162
1601 009100	Колбасы сырокопченые	1010,9	-	626,4	5%	-	658	-	-
0401 20	Молоко пастеризованное (с жирностью более 2,5%)	76,0	31,9	76,6	1%	25%	96	15%	37
0405 10	Масло сливочное	742,2	-	486,4	2%	25%	618	15%	-
0405 20 3000	Маргарин	195,3	-	441,8	2%	25%	561	15%	-
2103 90 9001	Майонез	204,0	-	120,6	5%	-	127	-	-
0704 90 1001	Капуста	52,7	-	13,5	1%	25%	17	15%	-
0701 90	Картофель	47,3	16,3	15,0	1%	25%	19	15%	19
0706 90 9001	Свекла	39,5	-	15,0	1%	25%	19	15%	-

Источник / Source: разработано авторами / developed by the authors.

процессов поставщиков и производителей, в то время как цепочки создания стоимости сфокусированы на конце производственного процесса, т.е. на создании ценности с точки зрения потребителя [14].

На формирование цены продовольственных товаров, изготовленных на основе ввезенных в ДНР импортных компонентов, оказывают влияние следующие факторы: импортная стоимость и предельная торговая надбавка к оптово-отпускной цене производителя. Первая складывается из:

1. Таможенной стоимости товара.
2. Таможенных платежей:
 - таможенной пошлины;
 - таможенных сборов;
 - единого сбора.
3. Расходов по доставке товаров от пункта пропуска на границе до места доставки.
4. Услуги таможенного терминала (склада временного хранения).
5. Услуги таможенного брокера.

6. Услуги, связанной с получением документов, подтверждающих безопасность и качество пищевых продуктов (Декларация соответствия).

Помимо таможенных платежей, конечная цена включает торговые надбавки, величина которых определяется на основании Порядка регулирования и контроля цен (тарифов) на территории Донецкой Народной Республики, утвержденного постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики от 03.06.2015 № 10–41 «Об утверждении Порядка регулирования и контроля цен (тарифов) на территории Донецкой Народной Республики» (с изменениями на 02.07.2021)⁷. Данный документ

⁷ Постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики от 03.06.2015 10–41 «Об утверждении Порядка регулирования и контроля цен (тарифов) на территории Донецкой Народной Республики». URL: <https://pravdnr.ru/npa/postanovlenie-pravitelstva-doneczkoj-narodnoj-respubliki-ot-02-iyulya-2021-goda-%e2%84%96-45-5-o-vnesenii-izmeneniya-v-poryadok-regulirovaniya-i-kontrolya-czen-tarifov-na-territorii-doneczkoj/>

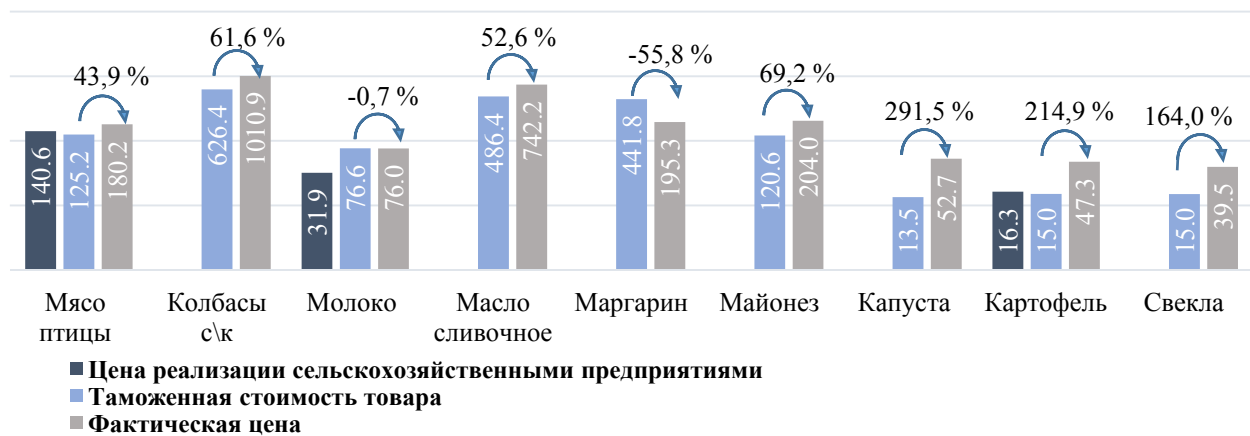

Рис. 12 / Fig. 12. Сравнительная характеристика превышения фактической стоимости продуктов питания над таможенной в ДНР на начало 2022 г., руб. / Comparative characteristics of the excess of the actual cost of food over the customs value in the DPR at the beginning of 2022, rubles

Источник / Source: разработано авторами / developed by the authors.

регламентирует максимальный (предельный) уровень оптовой и торговой надбавок к импортной стоимости и цене производителей ДНР на социально-важные продукты питания. Иные товары, не входящие в Порядок, согласно законодательству, не имеют предельного уровня наценок.

Таким образом, высокий уровень фактических цен обусловлен их существенными отклонениями как от таможенной стоимости, так и от отпускной цены аграрных производителей, и, как следствие, является причиной значительной доли затрат на продовольствие в доходах населения ДНР (см. таблицу).

Из рис. 12 видно, что на начало 2022 г. превышение фактической стоимости продуктов питания над таможенной на овощи достигает 300%, а именно на капусту белокочанную и картофель — 214,9%. При этом, исходя из данных таблицы, стоимость капусты с учетом импортной пошлины и предельной торговой надбавки составила 17 руб./кг (т.е. в 3 раза меньше цены в торговых сетях ДНР); а картофеля, соответственно — 19 руб./кг (что в 2,5 раза, или на 149,9%, меньше цены в торговых сетях ДНР).

Стоит отметить и существенное превышение фактической цены над ценой реализации товаров АПК сельскохоз. производителями для последующей розничной продажи: на мясо птицы (на 28,1%), молоко (на 138,4%) и картофель (на 190,2%). Наиболее сложной и острой проблемой в системе цен и ценообразовании является несоответствие розничных цен на продовольствие и затрат на производство, а также стоимости реализации продукции сельскохоз. производителями

предприятиями. В свою очередь, к удорожанию ведет и присутствие высокой доли импортных товаров пищевой и перерабатывающей промышленности за счет затрат на посреднические операции и логистику.

Все это порождает трудности в развитии общественного производства и проявляется в дефиците продовольственных товаров и удорожании продуктового набора. Трудности с насыщением рынка необходимой продукцией вызывает дефицит, а дефицит — необоснованное повышение розничной цены.

Одним из важнейших средств обеспечения устойчивого развития является ценовая политика государства. Основные ее задачи — расширение рыночных механизмов ценообразования, контроль сферы прямого государственного ценового регулирования, защита экономических интересов Республики, создание условий для свободной добросовестной конкуренции производителей на внутреннем рынке. Государственное регулирование ценообразования за счет прямых (административных), а также ряда косвенных (экономических) методов предполагает как введение фиксированных цен, так и удержание предельного уровня стоимости товара и изменение конъюнктуры рынка. Базовым решением данной проблемы является создание агрохолдингов с закрытым производственным циклом, активно внедряющих процессы стимулирования собственного производства.

На созданных ВИАК производство продукции будет способствовать снижению конечной стоимос-

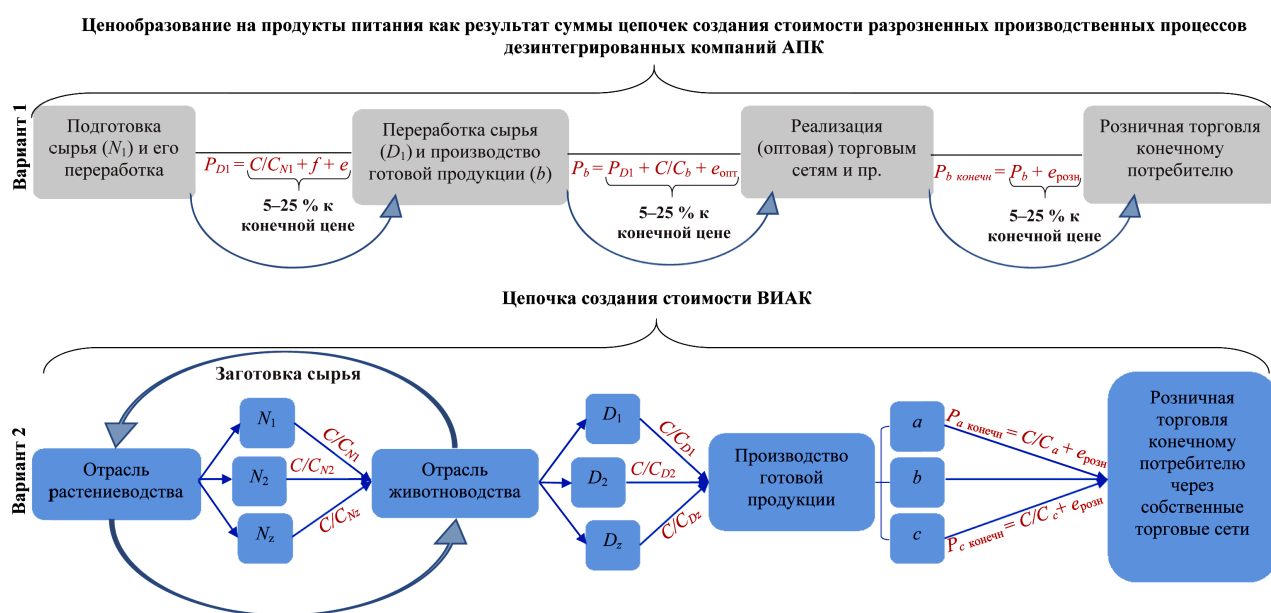

Рис. 13 / Fig. 13. Схематическое изображение вариантов цепочки создания стоимости при максимальной и минимальной цене готовой продукции / Schematic representation of value chain options at the maximum and minimum price of finished products

Источник / Source: разработано авторами / developed by the authors.

Примечание / Note: P – цена товара; C/C – себестоимость; f – таможенные платежи; e – оптово-розничная наценка; N – продукция отрасли растениеводства (сырье); D – продукция отрасли животноводства (сырье); a, b, c – готовые пищевые продукты / P – the price of the product; C/C – cost price; f – customs payments; e – wholesale and retail margin; N – crop production (raw materials); D – livestock products (raw materials); a, b, c – prepared food products.

ти товаров на 50%. Главным преимуществом ВИАК является то, что продукция на перерабатывающие предприятия поступает непосредственно с собственных подразделений, специализирующихся на отраслях растениеводства и животноводства (рис. 13).

Широкая специализация внутри ВИАК позволит самостоятельно обеспечивать функционирование бизнес-процессов в каждой отрасли, начиная от семеноводства и заканчивая маркетингом. Так, например, производство качественных семян обеспечивает высокий урожай зерновых, масличных и плодово-ягодных культур. При закупке семян у сторонних поставщиков существуют риски получить некачественный материал, из-за чего потери в некоторых случаях могут составлять до 70%. Таким образом, собственная служба контроля качества минимизирует риски и содействует снижению себестоимости готовой продукции.

Кроме того, в ВИАК есть возможность управления излишками продукции отрасли растениеводства, часть которой поступает на фермы в качестве сырья, а остальное реализуется на рынке АПК

в качестве готовой продукции. Эффективность управления стратегией развития ВИАК также заключается в построении операционного процесса с учетом спроса и возможной переориентации в зависимости от конъюнктуры рынка. Планирование и независимость агрохолдингов с полным (закрытым) типом производственного процесса позволит нивелировать риски негативного воздействия факторов внешней и внутренней среды, от которых зависит конечная стоимость продуктов.

В ДНР есть все предпосылки к созданию и развитию ВИАК: благоприятные природно-климатические условия для ведения сельского хозяйства, торгово-экономическая блокада и высокая концентрация предприятий АПК, способствующих образованию межотраслевых связей. В качестве примера назовем ГК «Аграрный Донбасс» — единственное предприятие такого рода, специализирующееся на выращивании зерновых культур (включая их хранение, переработку и транспортировку), КРС и садоводстве. Вертикальная интеграция имеет более высокий уровень конкурентоспособности, запас прочности в условиях неопределенности

и упразднения таможенных границ с Российской Федерацией, поэтому развитие производственного процесса в этой компании, помимо социального эффекта, будет способствовать увеличению инвестиционной активности в регионе и снижению зависимости от импорта.

ВЫВОДЫ

Производство пищевых продуктов должно являться одним из звеньев ВИАК и осуществляться наряду с другими созависимыми видами деятельности. Такая организация производства исключает лишние затраты в цепочке создания стоимости (такие, как наценки производителей сырья и материалов, а также таможенные платежи), что снижает себестоимость товаров и, соот-

ветственно, уровень потребительских цен. Кроме того, деятельность ВИАК способствует увеличению уровня импортозамещения; они как отражающие единицы экономики способствуют росту занятости сельского населения и, благодаря росту производительности труда, высокой эффективности функционирования АПК.

Насыщение рынка продовольственными товарами собственного производства и снижение цен — важнейшие факторы оздоровления социальной и экономической жизни ДНР. На микроуровне последний выступает индикатором уровня жизни населения, в то время как на макроуровне — гарантией экономической безопасности, которую в полной мере способны обеспечить экономически независимые ВИАК.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вахрушева В.Э., Мельникова Е.В. Уровень жизни населения и его показатели. Научные труды студентов Ижевской ГСХА. 2021:708–712.
2. Гусаков В.Г. Продовольственная безопасность Республики Беларусь в условиях функционирования Евразийского экономического союза. Мониторинг-2015 (в 2 ч.). Ч. 1. Минск: Ин-т систем. исслед. в АПК НАН Беларуси; 2016. 205 с.
3. Опекун Е.В. Инструменты организационно-экономического механизма инновационного развития предприятия. *Экономика и управление (Минск)*. 2014;(4):34–37.
4. Урунов А.А. Современные противоречия экономической интеграции в региональном объединении ЕАЭС. *Экономика и предпринимательство*. 2017;(8–3):132–137.
5. Краснова В.В., Фоменко А.С. Особенности организационно-операционной деятельности вертикально интегрированных агропромышленных корпораций. *Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии*. 2021;(3):10–14.
6. Кошелева Е.Г., Леонтьева Л.Н. Оценка текущего состояния и перспективы развития агропромышленного комплекса Донецкой Народной Республики. Географические и экономические исследования в контексте устойчивого развития государства и региона. Мат. III Междунар. науч.-практ. конф. (Донецк, 11–12 ноября 2021 г.). Донецк: Изд-во ДонНУ; 2021:122–124.
7. Кошелева Е.Г., Габилин И.Г. Инновационные бизнес-модели как фактор устойчивого развития агропромышленного комплекса региона. *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. 2021;(4). DOI: 10.24412/1999–2645–2021–468–24
8. Грызлова Е.В. Реструктуризация вертикально-интегрированных компаний как фактор повышения их эффективности. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М.: МГУ; 2012. 32 с.
9. Amit R., Zott C. Creating value through business model innovation. *MIT Sloan Management Review*. 2012;53(3):41–49.
10. Портер М. Конкурентное преимущество: как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость. Пер. с англ. М.: Альпина Паблицер; 2020. 942 с.
11. Андреева Т.В., Ермакова Ж.А. Формирование цепочек создания стоимости продукта в пищевой промышленности. *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2011;(1):108–113.
12. Casadesus-Masanell R., Ricart J.E. From strategy to business models and onto tactics. *Long Range Planning*. 2010;43(2–3):195–215. DOI: 10.1016/j.lrp.2010.01.004
13. Проц Т.А., Данильченко А.В. Формирование вертикально-интегрированных структур, как фактор устойчивого развития мясной отрасли. Актуальные проблемы социально-экономического развития современного общества. Сб. ст. I Междунар. заочной науч.-практ. конф. (Киров, 20 апре-

ля 2020 г.). Киров: Киров. гос. мед. ун-т; 2020:738–743. URL: <https://kirovgma.ru/sites/default/files/conferencefiles/2020-08-27/kirovskoy-gma/i-mezhdunarodnaya-zaochnaya-nauchno-prakticheskaya-konferenciya-aktualnye-problemy-socialno/sbornic2020aktualnyeproblemy.pdf>

14. Кристофер М. Логистика и управление цепочками поставок: как сократить затраты и улучшить обслуживание потребителей. Пер. с англ. СПб.: Питер; 2004. 315 с.

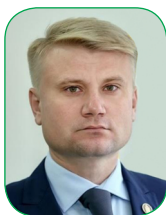
REFERENCES

1. Vakhrusheva V. E., Mel'tinova E. V. The standard of living of the population and its indicators. In: Scientific works of students of the Izhevsk State Agricultural Academy. 2021:708–712. (In Russ.).
2. Gusakov V. G. Food security of the Republic of Belarus in the context of the functioning of the Eurasian Economic Union. Monitoring-2015 (in 2 pts.). Pt. 1. Minsk: Institute of Systems Research in the Agro-Industrial Complex of the NAS of Belarus; 2016; 205 p. (In Russ.).
3. Apiakun A. Tools of organizational-economic mechanism of innovative development of enterprises. *Ekonomika i upravlenie (Minsk)*. 2014;(4):34–37. (In Russ.).
4. Urunov A. A. Economic integration and its contradiction in regional merging of the EEU. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and Entrepreneurship*. 2017;(8-3):132–137. (In Russ.).
5. Krasnova V. V., Fomenko A. S. Features of the organizational and operational activities of vertically integrated agro-industrial corporations. *Vestnik Belorusskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii = Bulletin of the Belarusian State Agricultural Academy*. 2021;(3):10–14. (In Russ.).
6. Kosheleva E. G., Leont'eva L. N. Assessment of the current state and prospects for the development of the agro-industrial complex of the Donetsk People's Republic. In: Geographical and economic research in the context of sustainable development of the state and the region. Proc. 3rd Int. sci.-pract. conf. (Donetsk, November 11–12, 2021). Donetsk: Donetsk National University Publ.; 2021:122–124. (In Russ.).
7. Kosheleva E. G., Gabilin I. G. Innovative business models as a factor of sustainable development of the agroindustrial complex of the region. *Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyi nauchnyi zhurnal = Regional Economics and Management: Electronic Scientific Journal*. 2021; 4(68). (In Russ.). DOI: 10.24412/1999-2645-2021-468-24
8. Gryzlova E. V. Restructuring of vertically integrated companies as a factor in increasing their efficiency. Cand. econ. sci. diss. Synopsis. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 2012. 32 p. (In Russ.).
9. Amit R., Zott C. Creating value through business model innovation. *MIT Sloan Management Review*. 2012;53(3):41–49.
10. Porter M. E. Competitive advantage: Creating and sustaining superior performance. New York: The Free Press; 1998. 592 p. (Russ. ed.: Porter M. Konkurentnoe preimushchestvo: Kak dostich' vysokogo rezul'tata i obespechit' ego ustoichivost'. Moscow: Alpina Publisher; 2020. 942 p.).
11. Andreeva T. V., Ermakova Zh. A. Formation of product value chains in the food industry. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Orenburg State University Vestnik*. 2011;(1):108–113. (In Russ.).
12. Casadesus-Masanell R., Ricart J. E. From strategy to business models and onto tactics. *Long Range Planning*. 2010;43(2-3):195–215. DOI: 10.1016/j.lrp.2010.01.004
13. Prots T. A., Danilchenko A. V. Formation of vertically integrated structures as a factor in the sustainable development of the meat industry. In: Actual problems of socio-economic development of modern society. Coll. pap. 1st Int. correspond. sci.-pract. conf. (Kirov, April 20, 2020). Kirov: Kirov State Medical University; 2020:738–743. URL: <https://kirovgma.ru/sites/default/files/conferencefiles/2020-08-27/kirovskoy-gma/i-mezhdunarodnaya-zaochnaya-nauchno-prakticheskaya-konferenciya-aktualnye-problemy-socialno/sbornic2020aktualnyeproblemy.pdf> (In Russ.).
14. Christopher M. Logistics and supply chain management: Strategies for reducing cost and improving service. Harlow: Financial Times/Prentice-Hall; 1998. 328 p. (Russ. ed.: Christopher M. Logistika i upravlenie tsepochkami postavok: kak sokratit' zraty i uluchshit' obsluzhivanie potrebitelei. St. Petersburg: Piter; 2004. 315 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Виктория Васильевна Краснова — доктор экономических наук, профессор кафедры экономики предприятия, Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР
Victoria V. Krasnova — Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of Enterprise Economics, Donetsk National University, Donetsk, DPR
<https://orcid.org/0000-0003-3680-0184>
v.krasnova@donnu.ru

Артем Александрович Крамаренко — кандидат экономических наук, доцент кафедры национальной и региональной экономики, Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР
Artem A. Kramarenko — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of National and Regional Economics, Donetsk National University, Donetsk, DPR
<https://orcid.org/0000-0001-7063-5341>
kramar13@mail.ru

Анастасия Сергеевна Фоменко — аспирант кафедры экономики предприятия, Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР
Anastasia S. Fomenko — Postgraduate Student of the Department of Enterprise Economics, Donetsk National University, Donetsk, DPR
<https://orcid.org/0000-0002-4849-6100>
fomenko_a@outlook.com

Заявленный вклад авторов:

Краснова В. В. — постановка проблемы, критический анализ литературы.

Крамаренко А. А. — разработка концепции статьи, анализ практической реализации результатов исследования.

Фоменко А. С. — сбор статистических данных, описание результатов и формирование выводов исследования.

The declared contribution of the authors:

Krasnova V. V. — problem statement, critical analysis of literature.

Kramarenko A. A. — development of the concept of the article, analysis of the practical implementation of the research results.

Fomenko A. S. — collection of statistical data, description of the results and formation of research conclusions.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила в редакцию 09.06.2022; после рецензирования 16.06.2022; принята к публикации 30.06.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 09.06.2022; revised on 16.06.2022 and accepted for publication on 30.06.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-3-99-105

УДК 341(045)

JEL K33, D7

Меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов в органах публичной власти в Российской Федерации и зарубежных странах

С.Г. Еремин

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов в органах публичной власти в Российской Федерации и зарубежных странах. **Задачей** исследования является анализ перечня способов урегулирования конфликта интересов в органах публичной власти в российском и зарубежном законодательстве с акцентом на необходимости его конкретизации и уточнения границ применяемой юридической техники, и поиск альтернативного варианта данного перечня. Предложена инструментальная база для уточнения градации способов выхода из реального конфликта интересов. Аргументирован тезис о целесообразности разграничения и последовательного оформления в российском законодательстве мер по их предотвращению и урегулированию с определением конкретных форм, этапов и механизмов решения проблемы, с опорой на зарубежную практику, сформулированы рекомендации по предотвращению конфликта интересов в органах публичной власти.

Ключевые слова: конфликт интересов; урегулирование конфликта интересов; органы публичной власти; государственный (муниципальный) служащий; обязанности; полномочия

Для цитирования: Еремин С.Г. Меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов в органах публичной власти в Российской Федерации и зарубежных странах. *Управленческие науки*. 2022;12(3):99-105. 10.26794/2304-022X-2022-12-3-99-105

ORIGINAL PAPER

Measures for the Prevent and Resolve Conflicts of Interest in Public Authorities in the Russian Federation and Foreign Countries

S.G. Eremin

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article is aimed at studying of measures to prevent and resolve conflicts of interest in public authorities in the Russian Federation and foreign countries. The **task** of the study is to analyze the list of methods to resolve conflicts of interest in public authorities in Russian and foreign legislation, with an emphasis on the need for its concretization and clarification of the boundaries of the applicable legal technique, and finding an alternative to the list. The article offers an instrumental basis for clarification of gradation of ways of exit from the real conflict of interests. The thesis is argued that indicating measures to prevent and resolve conflicts of interest in public authorities in Russian legislation is advisable to legally delineate and formalize them consistently, defining specific forms, stages and mechanisms for solving the problem, based on foreign practice, recommendations are made to prevent conflicts of interest in public authorities.

Keywords: conflict of interest; settlement of conflicts of interest; public authorities; public (municipal) employee; duties; powers

For citation: Eremin S.G. Measures to prevent and resolve conflicts of interest in public authorities in the Russian Federation and foreign countries. *Management sciences*. 2022;12(3):99-105. DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-3-99-105

© Еремин С.Г., 2022

ВВЕДЕНИЕ – ТРАКТОВКА ПОНЯТИЯ «КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ» В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» конфликт интересов определяется «как ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий)»¹. В практике зарубежного правотворчества аналогичной позиции придерживается, например, болгарский законодатель. Так, в Законе Республики Болгария от 10.12.2010 SG № 97 о предотвращении и выявлении конфликта интересов установлено, что «конфликт интересов возникает в ситуации, когда лицо, занимающее государственную должность, имеет личные интересы, способные повлиять на непредвзятое и объективное выполнение им должностных обязанностей или полномочий»².

Приведенная трактовка принята в российском законодательстве как единственно легальная. Так, например, в п. 1 ст. 19 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»³, п. 1 ст. 14.1 Федерального закона от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации»⁴, ст. 249.1 Трудового кодекса Российской Федерации⁵ и иных актах частно-

го права указано, что для целей данных документов используется понятие «конфликт интересов», установленное ч. 1 ст. 10 Федерального закона № 273-ФЗ. Безусловно, в национальном правовом поле, равно как и в существующей научно-исследовательской практике, обнаруживаются и другие варианты трактовки рассматриваемой категории.

СУЩЕСТВУЮЩИЕ СПОСОБЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ

В то же время законодателем не дается развернутая характеристика ее концептуальных составляющих, в частности, «предотвращение конфликта интересов» и «урегулирование конфликта интересов», что с позиции С.Н. Швердяева обусловлено разнообразием способов такого урегулирования (предотвращения), так же, как и потребностью разграничения их с другими мерами, которые могут быть отнесены к иным типам и реакции на предполагаемый или реальный конфликт интересов [1, с. 246]. Так, в законодательстве определены следующие способы урегулирования конфликта интересов:

1) изменение должностного или служебного положения, являющегося стороной конфликта интересов государственного служащего вплоть до отстранения его от исполнения должностных (служебных) обязанностей;

2) отказ такого служащего от выгоды, явившейся причиной возникновения конфликта интересов (п. 3.1 ст. 19 № 79-ФЗ)⁶;

3) отвод (самоотвод) государственного служащего в установленных законодательством случаях и порядке (п. 5 ст. 11 № 273-ФЗ)⁷;

4) передача принадлежащему лицу ценных бумаг [долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций] в доверительное управление в соответствии с гражданским законодательством п. 7 ст. 11 № 273-ФЗ].

Следует согласиться с позицией Е.В. Пархоменко о том, что содержательная сторона некоторых из перечисленных способов урегулирования конфликта интересов весьма неоднозначна [2]. Так, изменению должностного или служебного положения, являющегося стороной конфликта интересов государст-

¹ Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 06.03.2022) «О противодействии коррупции». № 52. Ч. 1. Ст. 6228. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/?ysclid=159dot61rt144678407

² Conflict of Interest Prevention and Ascertainment Act (SG No. 97/2010, effective 10.12.2010). Ministry of Economy and Industry of the Republic of Bulgaria. URL: <https://www.mi.government.bg/en/library/conflict-of-interest-prevention-and-ascertainment-act-447-c25-m258-2.html> (дата обращения: 25.03.2022).

³ Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/?ysclid=15b18k1nkq345626980 (дата обращения: 25.03.2022).

⁴ Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66530/?ysclid=15b1f0y5he93362701 (дата обращения 25.03.2022).

⁵ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_

[doc_LAW_34683/?ysclid=15b1ma12cd162425443](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/?ysclid=15b1ma12cd162425443) (дата обращения: 25.03.2022).

⁶ См. выше.

⁷ См. выше.

венного служащего вплоть до отстранения его от исполнения должностных (служебных) обязанностей, препятствуют определенным моментам практической реализации данного способа, в частности тот факт, что само понятие «изменение должностного (служебного) положения государственного служащего» законодательно не определено. Исходя же из позиций авторов научных источников, под изменением последнего нужно понимать перевод служащего на иную должность государственной службы или увольнение⁸. Одновременно с этим в законодательстве о гражданской службе участие в конфликте интересов не рассматривается как основание для расторжения служебного контракта.

Аналогичная ситуация имеет место и в случае применения второго способа урегулирования рассматриваемого конфликта. Категория выгоды в антикоррупционном законодательстве также не раскрывается. Отмечая это, Н.С. Ермаченкова считает, что рассматривать выгоду целесообразно как «получение служащим льгот или преимуществ, непосредственно связанных с использованием его должностного статуса, а также с любыми другими, вытекающими из неслужебной деятельности» [3]. Аналогичной позиции придерживаются и другие авторы, например Г.А. Алимов, Б.И. Исроилов, О.Н. Костюк [4, 5] и другие. Кроме того, отсутствует ясность и в реализации процедуры и формы отказа служащего от выгоды.

Мы разделяем точку зрения Т.Р. Мещеряковой, А.В. Пономарева и И.А. Трофимовой о том, что в закрепленных в законодательстве способов урегулирования конфликта интересов в органах публичной власти не хватает конкретики [6–8]; более того, наличествует размытость их юридической техники, что может привести к необоснованному усмотрению в ходе их применения [9, с. 282]. Для сравнения стоит привести представленный в Руководстве ОЭСР перечень способов по разрешению конфликтов интересов на государственной службе⁹, который кажется более обоснованным в силу детальности (см. рисунок).

⁸ В Хорватии выпущено руководство по предотвращению конфликта интересов. Антикоррупционный портал НИУ ВШЭ. 19.11. 2020. URL: https://anticor.hse.ru/main/news_page/v_horvatii_vyuscheno_rukovodstvo_po_predotvrascheniyu_konflikta_interesov (дата обращения: 25.03.2022).

⁹ Руководство ОЭСР по разрешению конфликтов интересов на государственной службе. URL: <https://www.oecd.org/gov/ethics/49106105.pdf> (дата обращения: 25.03.2022).

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ВАРИАНТЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ

На наш взгляд, в качестве альтернативных, учитывая отечественный и зарубежный опыт в данном вопросе, можно рассматривать следующие варианты:

- во-первых, осуществление временного делегирования полномочий государственного служащего, являющегося стороной конфликта интересов, другому служащему;
- во-вторых, отстранение государственного служащего на постоянной или временной основе от выполнения функций, которые стали источником или предпосылкой возникновения конфликта интересов;
- в-третьих, ограничение на период действия конфликта интересов допуска государственного служащего к сведениям, если конфликт связан с их использованием;
- в-четвертых, коррекция (совершенствование) контрольных мер, принятых в государственном органе в отношении исполнения государственными служащими должностных (служебных) обязанностей в ситуации конфликта интересов;
- в-пятых, установление коллегиального порядка принятия решений по вопросам, с которыми связан конфликт интересов.

На самом же деле в рассматриваемых условиях есть всего две возможности: или урегулировать (устранить, разрешить) конфликт интересов, или не урегулировать его (не устранить). В связи с этим, к примеру, случаи его минимизации до малозначимого или совсем незначимого (с данной точки зрения) будет относиться исключительно к конкретной ситуации. Если по поводу урегулирования конфликта интересов должностного лица было принято специальное решение, то в данном случае неустранение конфликта будет формально рассматриваться как нарушение, хотя последний фактически мог потерять значение. Безусловно, если исходить, например, из положений п. 3.1 ст. 59.3 Федерального закона № 79-ФЗ о том, что взыскание в виде замечания может быть применено к гражданскому служащему при малозначительности совершенного им коррупционного правонарушения¹⁰, то в качестве адекватной реакции ответственный орган вправе принять к данному должностному лицу не самые строгие дисциплинарные меры.

¹⁰ См. выше.

– Отказ от участия в таком процессе принятия решений, который может оказаться под влиянием конфликта интересов

– Ограничение доступа государственного должностного лица, вовлеченного в конфликт интересов, к конкретной информации

– Перевод государственного должностного лица на должность, предполагающую выполнение функций, не связанных с конфликтом интересов

– Изменение круга обязанностей и функций государственного должностного лица

– Разрешение конфликта интересов на основе договоренности о «полном доверии»

– Уход государственного должностного лица с должности, предполагающей выполнение конфликтной функции как частного лица

– Уход государственного должностного лица со своей должности

Рис. / Fig. Способы урегулирования конфликта интересов, представленные в Руководстве ОЭСР / Ways of resolving conflicts of interest presented in the OECD Guide

Источник / Source: разработано автором на основе Руководства ОЭСР по разрешению конфликтов интересов на государственной службе. URL: <https://www.oecd.org/gov/ethics/49106105.pdf> (дата обращения: 25.03.2022) / compiled by the author on the basis of the OECD Guide for managing conflict-of-interest in the public sector. URL: <https://www.oecd.org/gov/ethics/49106105.pdf> (accessed on 25.03.2022).

И все же считаем, что в доктрине, помимо детализации, оптимальным будет также уточнение градации способов выхода из реального конфликта интересов, причем за основу можно взять классификацию вариантов реагирования служащего на возникшую конфликтную ситуацию: урегулирование конфликта интересов в соответствии с рекомендованным законом способами или иными средствами, прямо им не предусмотренными, но рекомендованными комиссией по урегулированию таких конфликтов, комплаенс-офицером органа власти, внешним юрисконсультom (аудитором), выработанными самостоятельно и проч.:

- минимизация конфликта интересов до незначимого;
- ошибочное ненамеренное неустранение конфликта интересов в ситуации, когда все необходи-

мые в подобных случаях действия были предприняты, но факт противоречий служебных и личных интересов сохраняется;

- предложение действий в условиях конфликта интересов, которое не влечет применения санкций;
- продолжение действий в условия конфликта интересов, которое не влечет применение санкций, совмещенное с применением дополнительных мер, обеспечивающих гарантию от предпочтений публичных интересов личным;
- неурегулирование конфликта интересов, влекущее санкции: дисциплинарные и в виде отстранения от должности — в связи с утратой доверия.

Российское антикоррупционное законодательство при описании способов устранения конфликта интересов в паре с термином «устранение конфликта

интересов» использует понятие «предотвращение конфликта интересов» (ст. 11 № 273-ФЗ). Разница между данными категориями вполне очевидна, однако перечисляемые законодателем меры оказываются едиными для обоих сценариев. В определенной степени это обосновано: совместное указание мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов в органах публичной власти можно объяснить дифференциацией его как такового, т.е. применимые к предполагаемому конфликту, они будут выступать в качестве способов его предотвращения, а к реальному — урегулирования. Одновременно с этим, на наш взгляд, целесообразно законодательно разграничить данные меры и оформить их последовательно, определяя конкретные формы, этапы и механизмы решения проблемы. Такой логики придерживаются зарубежные законодатели, которые, несмотря на доминирующий мягко-правовой характер регламентации мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов [10], не исключают и аргументированное использование запретов и ограничений.

Так, например, в Законе Хорватии от 16.02.2011¹¹ о предотвращении конфликта интересов сказано, что после избрания или назначений на государственную должность служащий обязан организовать соответствующим образом свои личные дела во избежание предсказуемого конфликта интересов, а при фактическом возникновении такового обязан разрешить его так, чтобы защитить общественные интересы.

В случае сомнений относительно возможного конфликта интересов служащий должен сделать все необходимое, чтобы отделить личные интересы от государственных. Более того, указанный закон уточняет условия предотвращения тех типов конфликтов, которые возникают в результате осознанных волевых действий должностных лиц, определяя прямые запреты на совершение действий, приводящих к ним [11].

В Руководстве по предотвращению конфликта интересов, выпущенных Хорватской комиссией по их урегулированию конце 2020 г.¹², разъясняются, в частности, положения ст. 7 вышеупомянутого закона о следующих запретах: на получение или за-

прос льгот в связи с осуществлением государственных должностей; приобретение прав за счет нарушения принципа равенства перед законом; злоупотребление особыми правами должностного лица, которые возникают в связи с занятием конкретной государственной должности; получение дополнительного вознаграждения за исполнение обязанностей, предусмотренных конкретной государственной должностью; принятие или получение ценностей или услуг за определенный результат голосования по тому или иному вопросу; влияние на решение, принятое органом публичной власти или лицом из соображений личной выгоды или выгоды связанного лица; обещание работы или иного права в обмен на подарок или обещание подарка; оказание влияния на получение рабочих мест или заключение контрактов при помощи механизма государственных закупок; использование конфиденциальной информации о деятельности государственных органов для личной выгоды и для выгоды связанного лица; использование служебного положения любым другим способом, влияя на решения органов законодательной, исполнительной или судебной власти с целью достижения личной выгоды или выгоды связанного лица, получения привилегий или прав.

Также интерес представляют положения Закона от 16.03.2006 № 159/2006 «О конфликте интересов в Чешской республике». Так, в ч. 2 ст. 3 указано, что органу публичной власти нельзя: использовать никакую информацию, полученную в силу своего служебного положения, для приобретения материальной или иной выгоды для себя или любого другого лица; обращаться за помощью к своим подчиненным по вопросам, связанным с личными интересами (в частности, ведения бизнеса); использовать свое имя или изобретение в привязке к своей должности в коммерческих и рекламных целях за вознаграждение [12]. В Законе Эстонии от 06.06.2012 сказано, что в течение одного года после прекращения полномочий должностное лицо не может принимать назначение (избрание) или заключать трудовые договоры с юридическими лицами, с которыми в период исполнения своих должностных обязанностей имело деловые отношения¹³.

С нашей точки зрения введение в правовое поле конкретных запретов для органов публичной власти

¹¹ URL: https://www.sukobinteresa.hr/sites/default/files/dokumenti_clanaka/osnovne_obveze_i_ogranicenja_duznosnika_sukladno_odredbama_zakona_o_sprjecavanju_sukoba_interesa.pdf (дата обращения: 25.03.2022).

¹² Croatia Issues Guidance on Conflict-of-Interest Prevention. Антикоррупционный портал НИУ ВШЭ. URL: https://anticor.hse.ru/en/main/news_page/croatia_issues_guidance_on_conflict_of_interest_prevention (дата обращения: 25.03.2022).

¹³ Anti-corruption Action Plan 2021–2025. Justiitsministerium. URL: <https://www.korruptsioon.ee/sites/www.korruptsioon.ee/files/elfinder/dokumendid/anticorruptionactionplan20212025.pdf> (дата обращения: 25.03.2022).

будет не вполне целесообразно, так как перечень мер априори останется открытым. Учитывая зарубежную правоприменительную практику, полагаем, что для целей разработки концепции предотвращения конфликта интересов в российском законодательстве необходимо:

- во-первых, конкретизировать и исключить дублирование в полномочиях органов власти и государственных (муниципальных) служащих;
- во-вторых, оптимизировать порядок использования государственных (муниципальных) ресурсов, размещения заказов на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных (муниципальных) нужд;
- в-третьих, разработать организационно-правовой механизм передачи государственным (муниципальным) служащим и лицам, замещающим государственные (муниципальные) должности, в доверительное управление ценных бумаг, акций (долей участия в уставных капиталах организаций);

- в-четвертых, повысить мотивационную компоненту деятельности государственных (муниципальных) служащих посредством поощрений за добросовестное и эффективное исполнение ими своих должностных обязанностей.

ВЫВОДЫ

В целом, становится очевидным тот факт, что институт предотвращения и урегулирования конфликта интересов в органах публичной власти в нашей стране нуждается в изменениях и дополнениях. Однако в любом случае полагаем, что даже при условии формулирования стройного и актуального перечня соответствующих мер, формы, методы и способы предотвращения, равно как и урегулирования подобных конфликта, должны определяться в соответствии с обстоятельствами каждого конкретного случая, с учетом характера и степени обострения, вида государственной (муниципальной) службы, функций и полномочий государственного (муниципального) служащего.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненным за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета на 2022 г. по теме: «Анализ и оценка российской и зарубежной практики применения института конфликта интересов».

ACKNOWLEDGMENTS

The article was prepared on the basis of the results of research carried out at the expense of budget funds on the state assignment of the Financial University for 2022 on the topic "Analysis and evaluation of Russian and foreign practice of applying the conflict of interests institute".

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шевердяев С.Н. Управление конфликтом интересов лиц, замещающих государственные и муниципальные должности: конституционно-правовой анализ. М.: Юстицинформ; 2021. 392 с.
2. Пархоменко Е.В. Понятие конфликта интересов. Порядок и способы урегулирования в государственных структурах Российской Федерации и опыт зарубежных стран. *Вестник исполнительного производства*. 2021;(1-2):43-57. DOI: 10.30729/2414-0015-2021-7-1-43-57
3. Ермаченкова Н.С. Проблемы урегулирования конфликта интересов на государственной службе. *Молодой ученый*. 2018;(44):135-137.
4. Алимов Г.А., Исроилов Б.И. Теневая экономика, коррупция, взяточничества: уголовно-правовая оценка. Ташкент: Адолат; 2020. 185 с.
5. Костюк О.Н. Порядок разрешения конфликта интересов на государственной службе. *Мир современной науки*. 2012;(3):83-91.
6. Мещерякова Т.Р. Некоторые проблемы урегулирования конфликта интересов на государственной службе. *Государственная власть и местное самоуправление*. 2015;(9):59-63.
7. Пономарев А.В. Проблемы урегулирования конфликта интересов на государственной службе. *Проблемы в российском законодательстве*. 2017;(3):289-290.
8. Трофимова И.А. Причины и особенности урегулирования конфликта интересов в системе государственной службы. *Закон и право*. 2021;(10):194-198. DOI: 10.24412/2073-3313-2021-10-194-198

9. Швердяев С.Н. Закрепление антикоррупционной проблематики в современном российском конституционном праве. Дис. ... д-ра юрид. наук. М.: МГУ; 2020. 417 с.
10. Мухамедьярова Л.В. Коррупция как общественное явление в условиях глобализации (социально-философский анализ). Уфа: УЮИ МВД России; 2017. 118 с.
11. Кененова И.П. Регулирование конфликта интересов: типология зарубежного опыта. *Конституционное и муниципальное право*. 2021;(2):62–69. DOI: 10.18572/1812–3767–2021–2–62–69
12. Petráková L. Analysis of the enforceability of conflict-of-interest laws in the Czech Republic. New York: UN; 2014. 30 p.

REFERENCES

1. Sheverdyayev S.N. Management of the conflict of interests of persons holding state and municipal positions: Constitutional and legal analysis. Moscow: Yustitsinform; 2021. 392 p. (In Russ.).
2. Parkhomenko E.V. The concept of conflict of interest. The procedure and methods of settlement in the state structures of the Russian Federation and experience of foreign countries. *Vestnik ispolnitel'nogo proizvodstva = Herald of Enforcement Procedure*. 2021;(1–2):43–57. (In Russ.). DOI: 10.30729/2414–0015–2021–7–1–43–57
3. Ermachenkova N.S. Problems of conflict of interest settlement in the public service. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2018;(44):135–137. (In Russ.).
4. Alimov G.A., Isroilov B.I. Shadow economy, corruption, bribery: Criminal law assessment. Tashkent: Adolat; 2020. 185 p. (In Russ.).
5. Kostyuk O.N. The procedure for resolving a conflict of interest in the public service. *Mir sovremennoi nauki*. 2012;(3):83–91. (In Russ.).
6. Meshcheryakova T.R. Certain problems of managing conflict of interest in the public service. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-Government*. 2015;(9):59–63. (In Russ.).
7. Ponomarev A.V. Problems of conflict of interest settlement in the public service. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*. 2017;(3):289–290. (In Russ.).
8. Trofimova I.A. Reasons and features of conflicts of interest settlement in the civil service system. *Zakon i pravo = Law and Legislation*. 2021;(10):194–198. (In Russ.). DOI: 10.24412/2073–3313–2021–10–194–198
9. Sheverdyayev S.N. Consolidation of anti-corruption issues in modern Russian constitutional law. Doct. legal sci. diss. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 2020. 417 p. (In Russ.).
10. Mukhamedyarova L.V. Corruption as a social phenomenon in the context of globalization (social and philosophical analysis). Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2017. 118 p. (In Russ.).
11. Kenenova I.P. Regulation of a conflict of interest: Typology of foreign experience. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*. 2021;(2):62–69. (In Russ.). DOI: 10.18572/1812–3767–2021–2–62–69
12. Petráková L. Analysis of the enforceability of conflict-of-interest laws in the Czech Republic. New York: UN; 2014. 30 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Сергей Геннадьевич Еремин — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Финансовый университет, Москва, Россия
Sergey G. Eremin — Cand. Sc. (Law), Associate Professor of the Department of State and Municipal Management, Financial University, Moscow, Russia

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила в редакцию 31.05.2022; после рецензирования 07.06.2022; принята к публикации 08.07.2022.
The article was submitted on 31.05.2022; revised on 07.06.2022 and accepted for publication on 08.07.2022.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-3-106-113

УДК 33.027(045)

JEL M14

Институциональные возможности развития опционных программ вознаграждения высшего менеджмента в Российской Федерации

И.И. Ординарцев

Московская городская прокуратура, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В условиях санкционного давления на экономику Российской Федерации и оппортунистического поведения отдельных иностранных членов советов директоров необходимо развивать национальную модель корпоративного управления в части вознаграждения высшего менеджмента, уровень которого в российских корпорациях в настоящее время ориентирован на практику зарубежных компаний, что влечет значительные переплаты и вызывает претензии общества. Организации не персонализируют произведенные выплаты, не раскрывают ни структуру вознаграждения в целом, ни критерии, по которым суммы определены, в качестве которых фигурируют общие показатели деятельности компании, как правило, технико-экономического плана. В мировой практике вознаграждений топ-менеджеров происходит смещение от прямых денежных выплат к опционным программам. В российской практике такие программы недостаточно развиты: встречается краткая информация об их применении, но без объяснения деталей. **Целью** исследования является выявление институциональных возможностей развития опционов для вознаграждения менеджеров российских компаний, а его **задачами** — анализ опыта применения и возможностей развития опционных программ вознаграждения высшего руководства российских компаний, анализ законодательной базы для наделения его акциями. В исследовании применялись **методы** обобщения, анализа и синтеза в части исследования методических и законодательных подходов к определению вариантов применения опционных программ. Показано, что вознаграждение акциями высшего менеджмента в российской практике возможно через соглашения акционеров. **Ключевые слова:** корпорации; высший менеджмент; вознаграждение; мотивация; акции; опционы; бонусы

Для цитирования: Ординарцев И.И. Институциональные возможности развития опционных программ вознаграждения высшего менеджмента в Российской Федерации. *Управленческие науки*. 2022;12(3):106-113. DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-3-106-113

ORIGINAL PAPER

Institutional Opportunities for the Development of Option Programs for Top Management Remuneration in the Russian Federation

I. I. Ordinarstsev

Zamoskvoretskaya Interdistrict Prosecutor's Office, Moscow, Russia

ABSTRACT

In the context of the sanctions pressure on the economy of the Russian Federation and the opportunistic behavior of certain foreign members of the boards of directors, it is necessary to develop a national model of corporate governance in terms of remuneration of top management, the level of which in Russian corporations is currently focused on the practice of foreign companies, which entails significant overpayments and causes public complaints. Companies do not personalize the payments made, do not disclose the remuneration structure as a whole, nor do the criteria by which the amounts are determined, which are the overall performance of the company, generally, techno-economic. In the world practice, of remuneration of top managers there is a shift from direct cash payments to optional programs. In Russian practice, such programs are not sufficiently developed: there is a brief information about their use, but without explaining the details. The **purpose** of the article is to identify institutional opportunities for the development

© Ординарцев И.И., 2022

of options for the remuneration of managers of Russian companies, and its **tasks** – analysis of experience of application and possibilities of development of optional programs of remuneration of the top management of Russian companies, analysis of the legislative base for allocation of its shares. In the article applied **methods** of generalization, analysis and synthesis in the part of the study of methodical and legislative approaches to the identification of variants for the application of option programs. There has been shown that remuneration of stocks of top management in the Russian practice is possible through shareholder agreements.

Keywords: corporations; top management; remuneration; motivation; stocks; options; bonuses

For citation: Ordinartsev I.I. Institutional opportunities for the development of option programs for top management remuneration in the Russian Federation. *Management sciences*. 2022;12(3):106-113. DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-3-106-113

ВВЕДЕНИЕ

Беспрецедентные антироссийские санкции способствуют совершенствованию механизмов корпоративного управления в России — многие иностранные члены советов директоров отечественных компаний фактически прекратили исполнять свои функции, что может существенно нарушить деятельность этих организаций. Серьезных изменений требует цифровизация экономики и связанных с ней процессов. В сложившейся ситуации целесообразно поднять вопрос о вознаграждениях членов совета директоров. Размеры и прозрачность их компенсаций вызывают многочисленные вопросы как миноритарных акционеров, так и общества в целом. В российских компаниях компенсация труда высшего менеджмента ориентирована на международный опыт и состоит из постоянной (базовой) и переменной частей, но в годовых отчетах корпораций отмечается, что их руководство имеет право на бонусы, которые лежат за пределами этих сумм. Практика вознаграждения членов совета директоров в отечественных компаниях отражается в отчетах компании Korn Ferry [1]: величина базовой компенсации в 2020 г. в среднем колебалась от 2,2 до 36,4 млн руб., достигая 123,7 млн руб. (у председателя совета директоров UC Rusal). Отмечается прямая зависимость размера базовых вознаграждений от доходности отрасли, в которой работает компания. Причем в рассматриваемых автором источниках они описываются, будучи выраженными в денежной форме, а механизмы наделяния высшего менеджмента опционами на акции компании развиты слабо.

В данном исследовании автор рассматривает институциональные возможности развития опционов для вознаграждения менеджеров российских компаний.

ДИСКУССИЯ

Существуют серьезные разногласия в вопросах допустимой транспарентности компенсации труда высшего менеджмента. Часть исследователей полагают, что раскрывать такую отчетность необходимо только в компаниях с государственным участием, а в частных уровень вознаграждения руководства определяется акционерами и является коммерческой тайной. Сторонники такого подхода утверждают, что те собственники, которые не согласны с размерами оплаты труда менеджеров высшего звена, могут не голосовать по этим вопросам на общем собрании акционеров. В качестве обоснования чрезвычайно высоких выплат членам совета директоров приводят следующие доводы:

- уровень их оплаты труда определяется, исходя из принятой международной практики, в том числе в США и Европе. Такие высокие суммы вознаграждения универсальны для приглашенных из-за рубежа топ-менеджеров;
- в большинстве своем они являются работниками исключительно высокой управленческой квалификации, способными решать сложнейшие задачи;
- политика вознаграждения определяется самим публичным акционерным обществом и не подлежит государственному регулированию.

Данные вопросы постоянно анализируются как в России, так и за рубежом. Исследованиям методических основ вознаграждения топ-менеджеров как публичных акционерных обществ, так и компаний с государственным участием¹

¹ Письмо Росимущества от 15.02.2011 № ГН-13/3802 «О рекомендациях по определению размеров вознаграждений работникам госкомпаний». URL: <http://www.consultant.ru/>

посвящены работы Б. Батаевой, М. Кузнецова, О. Федорова, А. Михеева [2, 3]. Особенности мотивации высшего руководства посвящена работа Д. Евгенова [4], механизмы его стимулирования описала Ю. Алешина [5]. В трудах М. Кузнецова и др., Ю. Алешиной, И. Бочаровой и А. Рыманова показано, что величина вознаграждения топ-менеджеров российских компаний слабо ориентирована на долгосрочную перспективу и отображает преимущественно экономические показатели, достигнутые организациями в предшествующем периоде [3–6]. При этом достаточно давно отмечается, в частности, Ю. Петровой, что в российской практике высокие расходы на руководство не оправданы [7]. Также существует мнение, что важнейшими недостатками применяемых в России механизмов вознаграждения топ-менеджеров являются ориентация на практику рынков труда западных стран, краткосрочность мотивации, а также слабая, неясная связь размеров компенсаций с достигнутыми результатами. Учитывая рекомендации Кодекса корпоративного управления о равной для всех членов совета директоров (за исключением председателя) сумме выплат², тенденция следования международным стандартам приводит в результате к перерасходу средств за счет завышения этих сумм, а краткосрочность мотивации способствует оппортунистическим действиям менеджеров с целью увеличения размеров вознаграждений.

Вопрос о критериях определения последних остается слабо изученным: они являются коммерческой тайной и не разглашаются, как и сама величина дохода каждого топ-менеджера³. Общепринятым является его определение, исходя из полученной прибыли/ рентабельности или отдельных показателей производительности (такие критерии являются общекорпоративными и определяют 70–80% его размера). К особенностям методик вознаграждения необходимо отнести то, что оплата труда исполнительных

членов совета директоров не производится⁴, а исполнительные получают доплату за работу в комитетах совета директоров.

Цифровизация экономики приводит к увеличению нематериальных активов и развитию экосистем, выходящих за пределы организации, что снижает роль прибыли (рентабельности) в расчетах компенсаций труда. Одной из специфических особенностей нематериальных активов является их увеличение по мере использования, в отличие от физических, которые амортизируются. Учесть отдачу от увеличения масштабов нематериальных инвестиций в настоящее время сложно. Физические компании становятся все более цифровыми в своей деятельности, и отчеты о прибылях и убытках являются менее значимыми для решений инвесторов [8]. Прибыль теряет свое значение как показатель эффективности и, соответственно, как критерий расчета вознаграждения высшего менеджмента; то же самое относится и к доходам организации. Ведущие компании мира сокращают денежные премии, основанные на прибылях, и переходят к выплатам, величина которых основана на акциях. Такие механизмы снижают риски сокращения ценных инвестиций оппортунистическими менеджерами в целях получения более высокой прибыли и увеличения размеров компенсаций [9].

Вознаграждение высшего руководства, определяемое подобным образом, может осуществляться по нескольким вариантам, применять которые целесообразно к переменной части дохода топ-менеджеров, оставляя базовую неизменной. Самый простой метод — определение его размера, исходя из увеличения стоимости акций за отчетный период. Вознаграждение при этом выплачивается, что фактически превращает опционную программу в премиальную систему. Такой подход не формирует мотивацию менеджеров высшего звена на долгосрочную перспективу и создает риски их оппортунистического поведения для увеличения размера разовой выплаты.

Долгосрочную мотивацию создают опционные программы вознаграждения, предусматривающие стимулирование руководителей акциями компании (так называемый «административный опцион»

document/cons_doc_LAW_193313/96c60c11ee5b73882df84a7de3c4fb18f1a01961/

² Кодекс корпоративного управления. URL: <https://nand.ru/professional-information/corporate-governance-code/?ysclid=158bw3rn7h593236442> (дата обращения: 01.07.2022).

³ В годовых отчетах за 2020–2022 годы отдельные компании, например РУСАЛ, раскрывают персональное вознаграждение членов совета директоров. URL: <https://rusal.ru/> (дата обращения: 01.06.2022).

⁴ В центре внимания — человек. Отчет об устойчивом развитии за 2021 год (РУСАЛ). URL: <https://rusal.ru/> (дата обращения: 01.06.2022).

[в дальнейшем — опцион]). В общем виде опцион — это договор о покупке/продаже актива по определенной цене в конкретный срок. Административный же опцион является средством дополнительного поощрения со стороны руководства: каждый сотрудник имеет право выкупить определенное число акций компании по определенной цене (как правило, более низкой, чем рыночная) за определенный промежуток времени [10, с. 267]). Исполнение административного опциона ведет к эмиссии акций и изменению структуры собственности в организации, что потенциально формирует конфликт интересов. Стоимость акций устанавливается либо на дату объявления опциона, либо по цене размещения; менеджеры приобретают их на собственные средства и, согласно договору, не имеют права продавать в течение определенного времени (2–3 года). Денежное вознаграждение может быть получено разово или частями за определенный опционным договором период времени. Доход формируется либо как дивиденды для владельца акций, либо при продаже последних, полученных по опциону, по цене рынка на момент продажи. Очевидно, что при ухудшении эффективности работы организации стоимость акций может снизиться, и менеджеры, соответственно, не получат дохода. Важным условием опциона является запрет на его продажу или передачу другому лицу: они имеют как преимущества, так и недостатки, но в целом повышают долгосрочную мотивацию высшего менеджмента к работе по увеличению эффективности деятельности организации и, как результат, росту стоимости ее акций. В зарубежных компаниях опционные программы широко распространены, чему способствует надлежащая законодательная база: компании могут выпускать часть зарезервированного объема акций или выкупать на рынке собственные для формирования специальных фондов под опционы.

В российской практике в методическом плане разновидности опционов исследованы достаточно глубоко, раскрыты их преимущества и недостатки, рассмотрены условия их применения^{5,6},

мотивирующий эффект [11, 12]. Разработаны рекомендации по критериям надления акциями⁷ сотрудников компаний [13], известны предложения по формированию компенсационных планов для высшего менеджмента [14]. Однако в большинстве разработок отмечается, что возможности применения административного опциона в России ограничены законодательными рамками. Тем не менее и это показали М. Кузнецов, О. Федоров и А. Михеев [3], опционные программы долгосрочного вознаграждения менеджеров используются в российских компаниях с государственным участием. В качестве недостатка авторами отмечено, что применяются в основном бонусы на основе «фантомных» акций (ПАО «Аэрофлот», ПАО «Совкомфлот»). В таких случаях они выплачиваются в денежной форме в размере, зависящем от динамики капитализации и курса акций. В отдельных случаях (ПАО «Россети») предусматривается двухэтапный опцион в два этапа: на первом — на пакет акций ПАО «Россети», на втором — на пакет акций дочерних и зависимых обществ. В целом в работе [3] опционы признаются перспективным механизмом вознаграждения как для российских компаний с госучастием, так и для частных фирм.

Основная проблема применения административного опциона в России состоит в отсутствии явного механизма надления менеджеров акциями по льготной цене, в отличие от западной практики, где предусмотрены выпуски акций под административные опционы.

Для последних институциональную среду можно рассматривать на трех уровнях. Первый уровень — федеральный — включает Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее — Закон об АО), положения которого нормируют механизмы работы с акциями компании⁸. Рассмотрим возможные механизмы надления акциями топ-менеджеров:

А. Покупка акций на рынке. В этом случае менеджеры приобретают акции по рыночной цене

⁵ Опционы для сотрудников компании — принцип мотивации. Информационно-аналитический портал ForexCity. URL: <http://www.forexcity.ru/traders/articles/84660.html>

⁶ Как выглядят опционы для сотрудников в российских компаниях. HR-Portal. 09.06.2011. URL: <http://hr-portal.ru/article/kak-vyglyadyat-opciony-dlya-sotrudnikov-v-rossijskih-kompaniyah> (дата обращения: 18.05.2022).

⁷ Опцион созрел: как раздавать доли бизнеса сотрудникам компании. TheVillage. URL: <https://www.the-village.ru/village/business/management/149583-optiony-v-startape> (дата обращения: 16.04.2022).

⁸ Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об акционерных обществах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.07.2021). URL: <https://base.garant.ru/10105712/?ysclid=150w4u95he435777442>

Таблица / Table

**Варианты наделения акциями высшего менеджмента и эффекты мотивации /
Options and the effect of motivating the allocation of shares to top management**

№ п/п	Способ наделения менеджера акциями компании / Method of provide the manager stocks of the company	Необходимые условия / Necessary conditions	Мотивирующий эффект / Motivating effect	Вероятность конфликта интересов акционеров / Risk of interest conflict of shareholders
1	Свободная покупка на рынке	Свободная продажа акций на рынке	Слабый	Невысокая
2	Продажа акций менеджерам акционерами	Желание собственников продать акции	Средний	Невысокая
3	Распределение между менеджерами дополнительного выпуска акций	Закрепление возможности дополнительного выпуска акций в документах общества. Согласие действующих акционеров. Наличие пакета акций у топ-менеджеров	Высокий	Высокая
4	Продажа менеджерам акций, выкупленных обществом на рынке	Наличие акций в продаже на рынке. Согласие действующих акционеров. Наличие пакета акций у топ-менеджеров	Средний	Высокая
5	Любое распределение акций топ-менеджерам по пониженной стоимости в соответствии с соглашением акционеров	Наличие письменного соглашения акционеров. Наличие условий п. 1–4	Высокое	Невысокая

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

и вне зависимости от опциона. Мотивирующий эффект не достигается.

Б. Продажа акций мажоритарными (реже — миноритарными) акционерами. Очевидно, что она возможна при цене не ниже стоимости акций при размещении. Доля собственника-продавца в акционерном капитале уменьшается. Механизм возможен либо при большом пакете акций, находящемся в одних руках, либо при подготовке компании к продаже.

В. Выпуск и распространение дополнительных акций допускается Законом об АО (п. 1 ст. 39): размещение дополнительных акций возможно посредством открытой или закрытой подписки, либо путем конвертации — при закрытой подписке они могут быть предложены ограниченному, заранее определенному кругу лиц. Одновременно ст. 40 Закона об АО предусматривает, что эти

акции распределяются среди всех акционеров и по рыночной цене, но не ниже номинальной стоимости (в целях защиты прав акционеров). При таком способе размещения, как подписка, изменяются величина уставного капитала и количество акций общества, поэтому для его осуществления необходимо наличие в уставе достаточного количества объявленных акций соответствующей категории (типа) [15]. Следовательно, при реализации данного механизма необходимо выполнение ряда условий.

- Топ-менеджеры уже должны иметь достаточное количество акций компании.
- Выпуск дополнительных должен быть предусмотрен в учредительных документах общества.
- Необходимо согласие большинства акционеров на наделение акциями высшего менедж-

жмента, что в обществах со значительным количеством участников вряд ли возможно.

Серьезным препятствием для применения такого механизма является его направленность на увеличение уставного капитала общества, а не на вознаграждение высшего менеджмента, и его использование в целях компенсации труда руководства компании может повлечь за собой конфликт интересов внутри АО и претензии регулирующих органов.

Г. Выкуп акций обществом, что возможно при соблюдении ограничительных условий. В течение одного года с момента приобретения акций общество обязано принять решение об уменьшении уставного капитала или реализовать их по цене не ниже их рыночной стоимости. Если акции не будут реализованы в течение этого периода, то «общество обязано в разумный срок принять решение об уменьшении своего уставного капитала путем погашения таких акций»⁹. Применение данного механизма возможно, но обязательное условие продажи акций по цене не ниже рыночной снижает мотивирующий эффект и требует согласия акционеров.

Все рассмотренные варианты долгосрочного вознаграждения акциями высшего менеджмента компании либо не формируют надлежащей экономической мотивации, либо могут привести к конфликту интересов акционеров. Закон «Об акционерных обществах»¹⁰ предусматривает возможность избегания конфликтов интересов путем заключения акционерных соглашений в письменной форме для определения голосования определенным образом или приобретения/отчуждения

⁹ Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об акционерных обществах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.07.2021). URL: <https://base.garant.ru/10105712/?ysclid=l50w4u95he435777442>

¹⁰ Там же.

акции по заранее определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств, а также осуществления согласованно иных действий, связанных с управлением обществом.

Рассмотренные в *таблице* варианты наделяния акциями высшего менеджмента следует считать промежуточным решением. Для развития опционных программ вознаграждения необходимо совершенствовать правовую базу Российской Федерации.

ВЫВОДЫ

В нынешних экономических условиях необходимо развивать отечественные механизмы вознаграждения высшего менеджмента корпораций и отказаться от практики ориентирования на опыт зарубежных компаний в вопросах размера выплат, но при этом сохранить постоянную часть последних тем членам советов директоров, для кого они предусмотрены в соответствии с документами организации. Для повышения мотивации руководства к длительной и эффективной работе в компании рекомендуется постепенный переход от прямого денежного вознаграждения к опционным программам, рассчитанным на 3–5 лет. В качестве промежуточных можно применять любые варианты, предусмотренные Федеральным законом «Об Акционерных обществах», но с обязательным заключением соглашения акционеров во избежание конфликта интересов. Понимание возможностей и механизмов применения существующих опционных программ для вознаграждения высшего менеджмента позволят собственниками повысить долгосрочную мотивацию и ответственность исполнительного руководства в вопросах увеличения стоимости корпораций; а для их развития требуется совершенствование национальной законодательной базы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ляликова А. UC Rusal стал лидером по размеру вознаграждений главе совета директоров. Forbes. 31.01.2022. URL: https://www.forbes.ru/biznes/454005-us-rusal-stal-liderom-po-razmeru-voznagrashdenij-glave-soveta-direktorov?from=feed&utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com
2. Батаева Б. С. Развитие вознаграждения топ-менеджмента в российских компаниях с государственным участием. *Дискуссия*. 2019;(1):21–27. DOI: 10.24411/2077–7639–2018–10021
3. Кузнецов М., Федоров О. Р. Михеев А. А. Долгосрочная мотивация членов органов управления в компаниях с государственным участием. *Акционерное общество*. 29.08.2015. URL: <https://ao-journal.com>

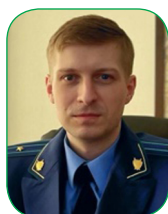
- ru/dolgosrocnaj-motivacij-clenov-organov-upravlenij-v-kompanijk-s-gosudarstvennym-ucastiem (дата обращения: 18.06.2022).
4. Евгенова Д.А. Особенности мотивации топ-менеджеров. *Научные записки ОрелГИЭТ*. 2015;(2):206–211.
 5. Алешина Ю.Н. Долгосрочные инструменты стимулирования деятельности высшего менеджмента компании. *Инновации и инвестиции*. 2020;(10):75–79.
 6. Бочарова И.Ю., Рыманов А.Ю. Вознаграждение топ-менеджмента и совета директоров в российских компаниях. *Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences*. 2017;(10):107–115. DOI: 10.18551/rjoas.2017–10.17
 7. Петрова Ю. Расходы на топ-менеджеров не оправдывают себя в России. *Ведомости*. 14.12.2017. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2017/12/14/745216-rashodi-top-menedzherov>
 8. Govindarajan V., Rajgopal Sh., Srivastava A. Why financial statements don't work for digital companies. *Harvard Business Review*. Feb. 26, 2018. URL: <https://hbr.org/2018/02/why-financial-statements-dont-work-for-digital-companies> (дата обращения: 15.05.2022).
 9. Гребенникова В.А., Поляков Е.И. Достоинства и недостатки опционной программы стимулирования топ-менеджеров компании. *Экономика устойчивого развития*. 2020;(1):190–193.
 10. Ли Ч.Ф., Финнерти Дж.И. Финансы корпораций: теория, методы и практика. Пер. с англ. М.: Инфра-М; 2000. 686 с.
 11. Пашкина Ю. Опционы для сотрудников. *Клерк*. 07.06.2012. URL: <https://www.klerk.ru/boss/articles/278518/> (дата обращения: 16.05.2022).
 12. Логинов А.А. Современное корпоративное управление — мотивация сотрудников на основе акций. *Акционерное общество: вопросы корпоративного управления*. 2007;(9).
 13. Мустафаев С. Опционы для сотрудников: «фантомы» и «классика». *Финансовый директор*. 2014;(4):60–65.
 14. Дудышева А. Акции для сотрудников компании. Структурирование опционов. ЗАО «Бонниер Бизнес Пресс». URL: <http://blog.dp.post/6082/>
 15. Becker I. Bonus plans: Scratch whatever you had. *Korn Ferry*. URL: <https://www.kornferry.com/insights/articles/bonus-plans—scratch-whatever-you-had>

REFERENCES

1. Lyalikova A. UC Rusal became the leader in terms of remuneration to the head of the board of directors. *Forbes*. Jan. 31, 2022. URL: https://www.forbes.ru/biznes/454005-us-rusal-stal-liderom-po-razmeru-voznagrazdenij-glave-soveta-direktorov?from=feed&utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (In Russ.).
2. Bataeva B. S. Development of remuneration of top management in Russian companies with state participation. *Diskussiya = Discussion*. 2019;(1):21–27. (In Russ.). DOI: 10.24411/2077–7639–2018–10021
3. Kuznetsov M., Fedorov O.R. Mikheev A.A. Long-term motivation of members of management bodies in companies with state participation. *Aksionernoe obshchestvo*. Aug. 29, 2015. URL: <https://ao-journal.ru/dolgosrocnaj-motivacij-clenov-organov-upravlenij-v-kompanijk-s-gosudarstvennym-ucastiem> (accessed on 18.06.2022). (In Russ.).
4. Evgenova D. A. Features of motivation of top managers. *Nauchnye zapiski OrelGIET = Scientific Journal of Orel SIET*. 2015;(2):206–211. (In Russ.).
5. Aleshina Yu. N. Long-term instruments for stimulating of top management activities. *Innovatsii i investitsii = Innovation & Investment*. 2020;(10):75–79. (In Russ.).
6. Bocharova I. Yu., Rymanov A. Yu. Remuneration of top management and board of directors in Russian companies. *Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences*. 2017;(10):107–115. (In Russ.). DOI: 10.18551/rjoas.2017–10.17
7. Petrova Yu. Spending on top managers does not justify itself in Russia. *Vedomosti*. Dec. 14, 2017. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2017/12/14/745216-rashodi-top-menedzherov> (In Russ.).
8. Govindarajan V., Rajgopal Sh., Srivastava A. Why financial statements don't work for digital companies. *Harvard Business Review*. Feb. 26, 2018. URL: <https://hbr.org/2018/02/why-financial-statements-dont-work-for-digital-companies> (accessed on 15.05.2022).

9. Grebennikova V. A., Polyakov E. I. Advantages and disadvantages of the optional incentive program for top managers of the company. *Ekonomika ustoichivogo razvitiya = Economics of Sustainable Development*. 2020;(1):190–193. (In Russ.).
10. Lee Ch.F., Finnerty J.E. Corporate finance: Theory, method, and applications. San Diego, CA: Harcourt Brace Jovanovich; 1990. 765 p. (Russ. ed.: Lee Ch.F., Finnerty J.E. *Finansy korporatsii: teoriya, metody i praktika*. Moscow: Infra-M; 2000. 686 p.).
11. Pashkina Yu. Options for employees. *Klerk*. June 07, 2012. URL: <https://www.klerk.ru/boss/articles/278518/> (accessed on 16.05.2022). (In Russ.).
12. Loginov A. A. Modern corporate governance — employee motivation based on shares. *Aktsionerное obshchestvo: voprosy korporativnogo upravleniya*. 2007;(9). (In Russ.).
13. Mustafaev S. Options for employees: “Phantoms” and “classics”. *Finansovyi direktor*. 2014;(4):60–65. (In Russ.).
14. Dudysheva A. Promotions for company employees. Structuring options. CJSC “Bonnier Business Press”. URL: <http://blog.dp.post/6082/> (In Russ.).
15. Becker I. Bonus plans: Scratch whatever you had. Korn Ferry. URL: <https://www.kornferry.com/insights/articles/bonus-plans—scratch-whatever-you-had>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Игорь Игоревич Ординарцев — кандидат юридических наук, Московская городская прокуратура, Москва, Россия

Igor I. Ordinartsev — Cand. Sci. (Leg.), Zamoskvoretskaya Interdistrict Prosecutor’s Office, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-4139-593X>

garry_ord@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила в редакцию 27.04.2022; после рецензирования 01.06.2022; принята к публикации 04.07.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 27.04.2022; revised on 01.06.2022 and accepted for publication on 04.07.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-3-114-128

УДК 338.2(045)

JEL F52

Формирование управленческой модели оценки экономической защищенности интересов личности

П.А. Ильин

РАНХиГС, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В условиях реформирования и трансформации мировой экономики, а также обострения международной обстановки возникает объективная необходимость в формировании модели оценки экономической безопасности личности с учетом множества факторов – экономических, социальных и прочих.

В качестве **объекта** исследования автором рассматриваются отношения, влияющие на обеспечение экономической защищенности жизненно важных интересов индивидуума. **Предметом** являются показатели его состояния и деятельности, от которых зависит возможность его выживания и поступательного развития, а **задачи** состоят в изучении исходных данных для их формирования. **Цель** работы заключается в разработке модели экономической безопасности личности. В результате автором сформирована модель оценки экономической безопасности личности, учитывающая оценку доходов, расходов, долговых обязательств, наличия имущества, семьи, образования, а также влияния окружающей среды, т.е. не только ее финансово-экономическое положение, но и социально-культурные черты.

Актуальность исследования, проведенного с применением логических и математических **методов**, обусловлена возможностью применения его результатов для своевременной идентификации очагов социальной напряженности и принятия необходимых мер, а также получения информации о наличии либо отсутствии угроз экономической безопасности конкретной личности с целью принятия определенных управленческих решений.

Ключевые слова: личность; экономическая безопасность; модель множественной линейной регрессии; показатели экономической безопасности; оценка экономической безопасности личности

Для цитирования: Ильин П.А. Формирование управленческой модели оценки экономической защищенности интересов личности. *Управленческие науки*. 2022;12(3):114-128. 10.26794/2304-022X-2022-12-3-114-128

ORIGINAL PAPER

Formation of Management Model for Assessment the Economic Security of Individual Interests

P.A. Ilyin

RANEPA, Moscow, Russia

ABSTRACT

In the conditions of reformatting and transformation of the world economy, as well as the aggravation of the international situation, there is an objective need to form a model for assessing the economic security of an individual, taking into account both economic factors and other aspects of social life.

As the **object** of article, the author considers relationships that influence the economic security of vital interests of the individual. The **subject** is indicators of its condition and performance on which its survival and sustainability depend, and **tasks** are to study the raw data for their formation. The **aim** of the article is to develop a model of economic security of the individual.

As a result, the author has formed a model of assessment of economic security of the person, which takes into account assessment of income, expenses, debt, property, family, education, as well as environmental impact, that is, not only its financial and economic situation, but also socio-cultural traits. The relevance of the study, conducted using logical and mathematical **methods** is due to the possibility of applying its results for the rapid identification of places of social

© Ильин П.А., 2022

tension and the adoption of the necessary measures, and to obtain information on the presence or absence of threats to a particular person's economic security in order to make certain management decisions.

Keywords: personality; economic security; multiple linear regression model; indicators of economic security; assessment of economic security of the individual

For citation: Ilyin P.A. Formation of management model for assessment the economic security of individual interests. *Management Sciences*. 2022;12(3):114-128. DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-3-114-128

ВВЕДЕНИЕ

В XX в. в связи с распадом СССР началось изменение экономической системы с административно-командной на рыночную: жесткое государственное управление сменилось саморегулированием, направленным на более качественное и полное удовлетворение потребностей общества. Одновременно происходило встраивание экономики России в глобальный мировой рынок.

Вместе с тем изменение экономической модели стало причиной определенных отрицательных явлений.

Структурные особенности глобального рынка, а также цикличность развития экономики приводят к возникновению негативных тенденций и периодам спада, которые несут в себе риски для российского народного хозяйства. В 2008–2009, 2014–2018, 2020–2021 гг. происходили мировые экономические кризисы, имеющие значительные последствия для нашей страны и сопровождавшиеся падением уровня жизни населения и увеличением его закредитованности.

В настоящее время национальная экономика Российской Федерации переживает период реформирования и стремительной трансформации: в условиях изменения обстановки за последние два года под влиянием санитарно-эпидемиологических ограничений в 2020–2021 гг. и международных конфликтов в 2021–2022 гг. в ней усиливаются кризисные явления.

В результате происходит нарастание угроз жизненно важным интересам общества и государства, а также отдельных личностей. С учетом новых реалий становится актуальной проблема оценки экономической безопасности конкретных объектов.

Исходя из их классически принятых уровней «личность–общество–государство», необходимо рассмотреть существующие варианты объектов с учетом особенностей, а также определить их основные показатели, сигнализирующие о критическом изменении.

При этом, как в условиях относительно стабильной обстановки, так и во времена экономической турбулентности, возможности отдельной личности по противодействию экономическим угрозам доста-

точно ограничены, поскольку последние по отношению к жизненно важным интересам личности носят глобальный характер, в этой связи противостоять им без помощи государства — единственного субъекта, обладающего всей полнотой ресурсов и возможностью противодействия — конкретная личность зачастую не может. Поэтому Российской Федерацией предпринимаются усилия в этом направлении в интересах общества и конкретных индивидуумов: вследствие значительного снижения доходов граждан, увеличения расходов и долговой нагрузки реализуется комплекс мероприятий по осуществлению социальных выплат населению, а также предоставляются возможности льготного кредитования.

При ухудшении экономической ситуации существует объективная необходимость оценки экономической защищенности отдельной личности.

Актуальность этой задачи обусловлена возможностью своевременной диагностики и выявления существующих угроз, а также последующей реакции и противодействию им.

В условиях ускорения общественных процессов, а также цифровизации различных областей социально-экономической жизни остро стоит вопрос о формировании инструментария, позволяющего оценить защищенность интересов объекта в конкретный момент времени, следить за его состоянием на протяжении некоторого временного периода, а также спрогнозировать возможное развитие ситуации. В этой связи представляется целесообразным создать соответствующую этой задаче модель с применением методов корреляционно-регрессионного анализа. Причем предварительно определить (исходя из доходов, расходов, долгов, а также показателей, напрямую не относящихся к экономическим, но оказывающим влияние на их формирование) показатели, влияющие на уровень защищенности экономических интересов личности, под чем в данной статье подразумевается такое состояние ее экономических интересов, при котором возможность возникновения угроз сведена к минимуму и которое описывается конкретными показателями модели, соответствующими заданным оценкам.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Вышеописанным проблемам посвящены труды отечественных и зарубежных ученых-экономистов: описание личности как объекта обеспечения экономической безопасности дается в работах Д. Запыленковой [1], О. Банка [2], Ю. Дубягина, О. Дубягиной, Э. Цатуряна [3], Е. Дробота, М. Вартановой [4], О. Колоткиной [5], К. Кураяна, А. Дагдьяна, К. Марченко [6], Е. Акимовой [7]; положение индивидуума на основе постулатов теории государства и права рассматривается в [8–11]; а безопасность личности — в [12–13].

Понятия «показатель», «индикатор», а также «уровень» экономической безопасности в настоящее время являются дискуссионными, и в описывающих их исследованиях автор условно выделяет две основные группы: в некоторых источниках в основе описания показателя экономической безопасности лежит условие определения ее как таковой [14], и в результате изучения конкретного фактора, по сути, означает работу с исчислимой характеристикой безопасности объекта [15–16]. Но существует и иной подход к данному понятию, который представляет собой имплементацию результатов исследований, полученных в других областях знания из области экономики и управления [17–21].

Отдельно можно отметить применение математических и эконометрических методов исследования экономических систем и процессов [22–24].

В настоящее время в Российской Федерации создана значительная нормативно-правовая база для обоснования правового положения личности (физического лица) (табл. 1). Так, правовое положение отдельной личности регламентировано положениями Гражданского кодекса Российской Федерации¹ с учетом требований специальных федеральных законов.

ИССЛЕДОВАНИЕ

Учитывая, что в качестве объекта экономической безопасности рассматривается отдельная личность, необходимо иметь в виду, что интерес является внутренним приоритетом, который ею движет и тем самым определяет ее поведение. Последнее, будучи подвержено эмоциям, не является рациональным. В этой связи понятие «личность» с точки зрения по-

ведения и принятия решений в статье отождествлено с понятием «человек».

В то же время в некоторых источниках личность (человек) рассматривается не только с позиции ее биосоциальной сущности, но и как целостная многомерная и многоуровневая система со взаимосвязанными составляющими: космологической, социальной, духовно-нравственной, психологической и др. Каждый из уровней конкретного человека формируется в результате его развития, увязан с соответствующими элементами социо-природно-космической системы и находится с ними в постоянном взаимодействии [25]. При этом переход от понятия «человек» к понятию «личность» предполагает учет в большей степени социально-экономических факторов, поскольку определяющими являются не ее природные, а только социально значимые качества — взгляды, способности, потребности, интересы, моральные убеждения.

Понятие «личность» знаменует собой факт наиболее полного выделения человека из природы, опосредствования отношения к ней определенной конкретно-исторической системой общественных связей.

В качестве личности человек относится к природе не как ее «тело», а через призму социальных установок гражданского общества, и ученые исходят из того, что деятельность человека носит сугубо прагматический и индивидуалистический характер [26]. Человек приобретает имущество, а также зарабатывает денежные средства в ходе приносящей доход деятельности и тратит их для удовлетворения своих потребностей.

С целью определения показателей (факторов), влияющих на уровень экономической защищенности личности, необходимо обратиться к основным областям знаний, описывающим поведение индивида.

Внутренние и внешние стимулы, отражающиеся на поведении личности, т.е. то, что движет человеком при осуществлении определенной деятельности, исследуются психологами и социологами.

Анализ трудов ученых по данной проблеме свидетельствует о том, что личность действует, преследуя свои индивидуальные интересы, вытекающие из различных потребностей. Примером служит «пирамида потребностей» А. Маслоу [27], чья иерархия предполагает в качестве основания базовые потребности (например, пища, вода), а также необходимость в безопасности. Отказ от их удовлетворения ведет к гибели личности. При неудовлетворении потребностей следующего уровня (социальных) это не подразумевает, но развитие личности становится невозможным. Человек будет всегда стремиться к удовлетворению

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Опубликован в Собрании законодательства Российской Федерации от 05.12.1994 № 32 Глава 3. ст. 3301. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/b8f17657382c206f564e8a7573b96a2bf2c210b3/

Таблица 1 / Table 1

Нормативные правовые акты, регламентирующие правовое положение объектов экономической безопасности / Normative legal acts regulating the legal situation of objects of economic security

№ п/п	Нормативный правовой акт / Normative legal act	Область регулирования / Regulatory field
1	Конституция Российской Федерации ^а	Права и свободы человека и гражданина
2	Семейный кодекс Российской Федерации ^б	Брачно-семейные взаимоотношения
3	Налоговый кодекс Российской Федерации ^с	Налоговые отношения
4	Трудовой кодекс Российской Федерации ^д	Трудовые отношения
5	Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях ^е	Административная ответственность
6	Жилищный кодекс Российской Федерации ^ф	Жилищные отношения
7	Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» ^г	Регулирование предпринимательской деятельности
8	Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» ^h	Банкротство гражданина
9	Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» ^и	Правовое положение иностранных граждан
9	Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» ^и	Образование
10	Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» ^к	Отношения в области прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания
11	Закон РФ от 09.10.1992 № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» ^л	Отношения в области культуры

Источник / Source: разработано автором / developed by the author.

Примечание / Note: а) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/; б) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/; в) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/; д) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/; е) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/; ф) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/; г) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32881/; h) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/; и) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/; j) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/; к) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/; л) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/

потребностей, отдавая приоритет той, которая в тот или иной период является для него наиболее важной; однако до удовлетворения потребностей низших уровней таковые более высоких уровней не будут иметь интереса для человека.

Построение математической модели того или иного явления возможно на основе как *конкретных* показателей, характеризующих объект, так и *оценочных* (т.е. заданных критериев определенных оценок), которые и используются в данной работе.

Следует отметить, что угрозы экономическим интересам личности фактически учитываются в показа-

телях и, как следствие, указанных оценках. Поэтому защищенность ее интересов подразумевается при высоких значениях последних.

На уровне отдельной личности необходимо оценить факторы, влияющие на ее положение. Исследуя этот вопрос, будем исходить из предположения, что конкретный человек проживает на определенной территории, имеет некоторое имущество, получает доход и с его помощью на протяжении жизни приобретает определенный экономический достаток в результате деятельности: предпринимательской и иной, не запрещенной законом, при условии при-

Рис. / Fig. Факторы, оказывающие влияние на уровень экономической безопасности личности / Factors affecting the level of economic security of the individual

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

знанных государством его имущественных и неимущественных прав.

На уровень экономической безопасности личности влияют факторы, которые условно можно разделить на материальные и нематериальные. Их изменение будет воздействовать на ее жизненно важные интересы, в том числе финансовые, «продовольственные» и иные.

Материальные предполагают «вещественную» составляющую жизни, поэтому подразумевают наличие доходов и имущества, в частности жилья. В то же время определенное влияние будут оказывать расходы и общий размер долга.

С точки зрения неовещественной составляющей жизни личности, позволяющей занять соответствующее положение в обществе и влияющей на уровень достатка, выделяются уровень образования, наличие и состав семьи, а также существование благоприятной окружающей среды.

Из изложенного следует, что уровень экономической безопасности может быть определен на основании влияния на него материальных и нематериальных факторов, при условии, что изменение любого из них ставит под угрозу возможность выживания и поступательного развития (см. рисунок).

С целью формирования математической модели зависимости от имеющихся факторов общего уровня экономической безопасности личности обозначим

их переменными и зададим пределы возможных значений (табл. 2).

С целью формирования итоговой модели примем за Y уровень экономической безопасности отдельной личности и сформируем модель множественной линейной регрессии оценки экономической безопасности личности:

$$Y = const + X_1 + X_2 + X_3 + X_4 + X_5 + X_6 + X_7 + \varepsilon.$$

С учетом сделанных расчетов при максимальных и минимальных значениях независимых переменных, указанных в табл. 1, предельно допустимое значение $X_{max} = 10,00$, а $X_{min} = 0,00$. Поэтому максимальная защищенность интересов личности возможна при $X_n = 10$.

В ходе исследования автором условным образом смоделирована система показателей экономической безопасности личности на протяжении 85 лет жизни (1020 мес.), а также 11, 20 и 30 лет. С целью формирования частных моделей рассмотрены выборки, включающие в себя 1020 наблюдений, фиксирующих уровень экономической безопасности личности 1 раз в месяц на протяжении 85 лет; 180 наблюдений (возрастной период 18–33 лет); 240 наблюдений (возрастной период 18–38 лет); а также 360 наблюдений (возрастной период 18–48 лет) при значимости показателя, равном 0,01.

Таблица 2 / Table 2

**Исходные данные и критерии определения показателей модели оценки
экономической безопасности личности / Input data and criteria for indicators
of the model for assessing the economic security of the individual**

Значение показателя / Indicator	Параметры отнесения / Value of classification
Доходы / Income (X_1)	
1	Доход до 10 000 руб.
2	Доход от 10 000 до 20 000 руб.
3	Доход от 20 000 до 30 000 руб.
4	Доход от 30 000 до 40 000 руб.
5	Доход от 40 000 до 50 000 руб.
6	Доход от 50 000 до 60 000 руб.
7	Доход от 60 000 до 70 000 руб.
8	Доход от 70 000 до 80 000 руб.
9	Доход от 80 000 до 90 000 руб.
10	Доход от 90 000 до 100 000 руб.
Расходы / Costs (X_2)	
1	Расходы свыше 90 000 руб.
2	Расходы от 80 000 до 90 000 руб.
3	Расходы от 70 000 до 80 000 руб.
4	Расходы от 60 000 до 70 000 руб.
5	Расходы от 50 000 до 60 000 руб.
6	Расходы от 40 000 до 50 000 руб.
7	Расходы от 30 000 до 40 000 руб.
8	Расходы от 20 000 до 30 000 руб.
9	Расходы от 10 000 до 20 000 руб.
10	Расходы до 10 000 руб.
Долговая нагрузка / Debt burden (X_3)	
1	Наличие долгосрочных долгов более десяти годовых доходов
2	Наличие краткосрочных долгов более одного годового дохода
3	Наличие долгосрочных долгов более одного годового дохода
4	Наличие кратко-, долгосрочных долгов более полугодового дохода
5	Наличие долгосрочных долгов более одного месячного дохода
6	Наличие краткосрочных долгов более месячного дохода
7	Наличие краткосрочных долгов менее ежемесячного дохода
8	Наличие при долгосрочных* долгов менее одного месячного дохода
9	Наличие долгов менее дневного дохода
10	Отсутствие долгов

Продолжение таблицы 2 / Table 2 (continued)

Значение показателя / Indicator	Параметры отнесения / Value of classification
«Наличие имущества» / “Presence of asset” (X_4)**	
1	Наличие исключительно личного имущества
2	Наличие малопригодного жилья либо находящегося на значительном расстоянии при отсутствии транспортного средства либо отсутствии имущества
3	Наличие пригодного для проживания, но некачественного жилья, находящегося далеко от места работы при наличии одного транспортного средства на семью
4	Наличие пригодного для проживания, но некачественного жилья, находящегося вблизи места работы при наличии одного транспортного средства на семью
5	Наличие низкокачественного и пригодного для проживания жилья, расположенного далеко от места работы, либо приносящей доход деятельности, а также одного транспортного средства на семью
6	Наличие низкокачественного и пригодного для проживания жилья, расположенного вблизи от места работы, либо приносящей доход деятельности, а также одного транспортного средства на семью
7	Наличие качественного и пригодного для проживания жилья, расположенного вблизи от места работы, а также одного транспортного средства на семью
8	Наличие качественного и пригодного для проживания жилья, расположенного вблизи от места работы, либо приносящей доход деятельности, а также одного или нескольких транспортных средств на семью
9	Наличие качественного и пригодного для проживания жилья, расположенного вблизи от места работы, либо приносящей доход деятельности, а также одного или нескольких транспортных средств на семью
10	Наличие качественного и пригодного для проживания жилья, расположенного вблизи от места работы, либо приносящей доход деятельности, нескольких объектов недвижимости, а также одного или нескольких транспортных средств на семью
Образование / Education (X_5)	
1	Отсутствие образования
2	Наличие начального образования
3	Наличие среднего неоконченного образования
4	Наличие среднего общего образования
5	Наличие среднего специального образования
6	Наличие неполного высшего образования
7	Наличие высшего образования
8	Наличие нескольких высших образований, не применяемых в профессиональной деятельности
9	Наличие нескольких высших образований, применяемых в профессиональной деятельности
10	Наличие ученой степени, учитываемой в профессиональной деятельности
Семья / Family (X_6)	
1	Наличие одного/двух несовершеннолетних и одного/двух малолетних детей, а также нескольких лиц, находящихся на иждивении, в том числе при отсутствии супруга (супруги)
2	Наличие двух и более детей и одного лица, находящегося на иждивении, либо двух и более малолетних детей и отсутствии супруга (супруги)
3	Наличие одного/двух несовершеннолетних и одного/двух малолетних детей, одного двух и более несовершеннолетних детей и отсутствии супруга (супруги)
4	Наличие двух и более малолетних детей либо одного малолетнего ребенка и отсутствие супруга (супруги)
5	Наличие супруга (супруги) и двух и более несовершеннолетних детей либо одного несовершеннолетнего ребенка и отсутствии супруга (супруги)

Окончание таблицы 2 / Table 2 (continued)

Значение показателя / Indicator	Параметры отнесения / Value of classification
6	Наличие супруга (супруги) и двух и более людей на иждивении (кроме детей)
7	Наличие супруга (супруги) и одного малолетнего ребенка
8	Наличие супруга (супруги) и одного несовершеннолетнего ребенка
9	Наличие супруга (супруги) и одного человека на иждивении (кроме детей)
10	Наличие супруга (супруги) при отсутствии детей и лиц, находящихся на иждивении
Окружающая среда / Environment (X_7)	
1	При проживании вне населенного пункта (отсутствие инфраструктуры)
2	При наличии неблагоприятных природных условий (отдаленные, северные и высокогорные районы) и необустроенной инфраструктуры (деревня, станица)
3	При наличии относительно благоприятных природных условий (умеренный климат, отсутствие высокогорных районов) и необустроенной инфраструктуры (деревня, станица)
4	При наличии благоприятных природных условий (мягкий климат, равнина) и необустроенной инфраструктуры (деревня, станица)
5	При наличии неблагоприятных природных условий (отдаленные, северные и высокогорные районы) и относительно необустроенной инфраструктуры (поселок городского типа, районный центр, деревня, станица)
6	При наличии относительно благоприятных природных условий (умеренный климат, равнинная местность, отсутствие высокогорных районов) и относительно необустроенной инфраструктуры (поселок городского типа, районный центр, деревня, станица)
7	При наличии неблагоприятных природных условий (отдаленные, северные и высокогорные районы) и обустроенной инфраструктуры (областной центр, город численностью более 500 000 жителей)
8	При наличии относительно благоприятных природных условий (умеренный климат, отсутствие высокогорных районов) и обустроенной инфраструктуры (областной центр, город численностью более 500 000 жителей)
9	При наличии благоприятных природных условий (мягкий климат, равнина) и относительно обустроенной инфраструктуры (поселок городского типа, районный центр, деревня, станица)
10	При наличии благоприятных природных условий (мягкий климат, равнина) и обустроенной инфраструктуры (областной центр, город численностью более 500 000 жителей)

Источник / Source: разработано автором / developed by the author.

Примечание / Note: * – срок погашения для краткосрочных долгов составляет менее одного года, долгосрочных – более одного года / the maturity period for short-term debts is less than one year, long-term – more than one year;

** – расходы, которые несет собственник на содержание и обслуживание имущества учитываются при расчете X_2 / the expenses incurred by the owner for the maintenance and maintenance of the property are taken into account when calculating X_2 .

Результаты исследования модели, исходя из 1020 наблюдений, указаны в табл. 3.

Исходя из данных табл. 3, сформируем частную модель оценки экономической безопасности личности:

$$\hat{Y} = -8,41 \cdot 10^{-11} + 0,143 \cdot X_1 + 0,143 \cdot X_2 + 0,143 \cdot X_3 + 0,143 \cdot X_4 + 0,143 \cdot X_5 + 0,143 \cdot X_6 + 0,143 \cdot X_7.$$

Далее исследуем модель оценки экономической безопасности, исходя из 180 наблюдений, эквивалентных 15 годам жизни человека. Как уже говорилось

выше, в качестве выборки рассмотрим возрастной интервал 18–33 лет (табл. 4).

По данным табл. 4 сформируем частную модель оценки экономической безопасности личности:

$$\hat{Y} = 2,45468 \cdot 10^{-11} + 0,143 \cdot X_1 + 0,143 \cdot X_2 + 0,143 \cdot X_3 + 0,143 \cdot X_4 + 0,143 \cdot X_5 + 0,143 \cdot X_6 + 0,143 \cdot X_7.$$

Теперь рассмотрим подобную модель исходя из 240 наблюдений (эквивалентны 20 годам жизни человека, выбранный возрастной интервал

Таблица 3 / Table 3

Модель оценки экономической безопасности личности, на основе анализа 1020 наблюдений / Model for assessing the economic security of the individual based on an analysis of 1 020 observations

Переменная / Variable	Коэффициент / Rate	Стандартная ошибка / Standard error	t-статистика / t-statistics	p-значение / p-value	Значимость / Importance
Const	-8,40573e-011	2,72131e-012	-30,89	<0,0001	Да
X_1	0,142857	1,05916e-013	1,349e+012	<0,0001	Да
X_2	0,142857	1,14075e-013	1,252e+012	<0,0001	Да
X_3	0,142857	0,000000	1,564e+012	<0,0001	Да
X_4	0,142857	1,01161e-013	1,412e+012	<0,0001	Да
X_5	0,142857	1,07032e-013	1,335e+012	<0,0001	Да
X_6	0,142857	0,000000	1,462e+012	<0,0001	Да
X_7	0,142857	2,46182e-013	5,803e+011	<0,0001	Да
Среднее зависимой переменной		6,947059	Стандартное отклонение зависимой переменной		0,872128
Сумма квадратов остатков		5,08e-21	Стандартная ошибка модели		2,24e-12
R-квадрат		1,000000	Исправленный R-квадрат		1,000000

Источник / Source: разработано автором / developed by the author.

18–38 лет). Результаты анализа показателей отражены в табл. 5.

Основываясь на ее данных, сформируем частную модель:

$$\hat{Y} = -1,42998 \cdot 10^{-11} + 0,143 \cdot X_1 + 0,143 \cdot X_2 + 0,143 \cdot X_3 + 0,143 \cdot X_4 + 0,143 \cdot X_5 + 0,143 \cdot X_6 + 0,143 \cdot X_7.$$

И, наконец, переходим к последней модели, основанной на 360 наблюдениях, эквивалентных 30 годам жизни человека (взяв возрастной интервал 18–38 лет) — см. табл. 6.

В этом случае частная модель оценки экономической безопасности личности имеет следующий вид:

$$\hat{Y} = -4,55435 \cdot 10^{-12} + 0,143 \cdot X_1 + 0,143 \cdot X_2 + 0,143 \cdot X_3 + 0,143 \cdot X_4 + 0,143 \cdot X_5 + 0,143 \cdot X_6 + 0,143 \cdot X_7.$$

Коэффициент детерминации полученных частных моделей свидетельствует о том, что уравнениями описывается 100% случаев исследования. Все независимые переменные являются значимыми; при этом изменение величины любой из них на единицу приводит к изменению на 0,143 оценки экономической безопасности личности. В результате можно сделать следующий вывод: в силу того, что значения показателей, входящих в модель, на протяжении жизни

меняются достаточно медленно, описание уровня экономической безопасности личности будет тем точнее, чем длиннее анализируемый период и больше выборка наблюдений.

Таким образом, методика анализа, предложенная автором, позволяет эффективно фиксировать переменные в уровне экономической защищенности интересов личности на протяжении жизни путем анализа различных ее периодов. При этом формирование частных моделей дает возможность построения математического прогноза.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе исследования получена общая и сформированы частные модели оценки экономической безопасности личности (с помощью которых проанализированы различные по величине выборки, соответствующие определенному ее жизненному периоду), позволяющие эффективно рассмотреть уровень экономической безопасности личности и идентифицировать угрозы экономической безопасности ее жизненно важным интересам.

Сопоставляя полученные результаты с точками зрения других ученых, изучавших указанную тематику, нужно отметить следующее: автор определяет показатели экономической безопасности как по-

Таблица 4 / Table 4

Модель оценки экономической безопасности личности на основе анализа 180 наблюдений / Model for assessing the economic security of individuals based on the analysis of 180 observations

Переменная / Variable	Коэффициент / Rate	Стандартная ошибка / Standard error	t-статистика / t-statistics	p-значение / p-value	Значимость / Importance
Const	2,45468e-011	0,000000	Не определено	Не определено	Да
X_1	0,142857	0,000000	Не определено	Не определено	Да
X_2	0,142857	0,000000	Не определено	Не определено	Да
X_3	0,142857	0,000000	Не определено	Не определено	Да
X_4	0,142857	0,000000	Не определено	Не определено	Да
X_5	0,142857	0,000000	Не определено	Не определено	Да
X_6	0,142857	0,000000	Не определено	Не определено	Да
X_7	0,142857	0,000000	Не определено	Не определено	Да
Среднее зависимой переменной		6,347619	Стандартное отклонение зависимой переменной		0,211460
Сумма квадратов остатков		0,000000	Стандартная ошибка модели		0,000000
R-квадрат		1,000000	Исправленный R-квадрат		1,000000

Таблица 5 / Table 5

Модель оценки уровня экономической безопасности личности на основе анализа 240 наблюдений / Model for assessing the economic security of individuals based on the analysis of 240 observations

Переменная / Variable	Коэффициент / Rate	Стандартная ошибка / Standard error	t-статистика / t-statistics	p-значение / p-value	Значимость / Importance
Const	-1,42998e-011	0,000000	Не определено	Не определено	Да
X_1	0,142857	0,000000	Не определено	Не определено	Да
X_2	0,142857	0,000000	Не определено	Не определено	Да
X_3	0,142857	0,000000	Не определено	Не определено	Да
X_4	0,142857	0,000000	Не определено	Не определено	Да
X_5	0,142857	0,000000	Не определено	Не определено	Да
X_6	0,142857	0,000000	Не определено	Не определено	Да
X_7	0,142857	0,000000	Не определено	Не определено	Да
Среднее зависимой переменной		6,382143	Стандартное отклонение зависимой переменной		0,195730
Сумма квадратов остатков		0,000000	Стандартная ошибка модели		0,000000
R-квадрат		1,000000	Исправленный R-квадрат		1,000000

Таблица 6 / Table 6

Модель оценки уровня экономической безопасности личности на основе анализа 360 наблюдений /
Model for assessing the economic security of individuals based on the analysis of 360 observations

Переменная / Variable	Коэффициент / Rate	Стандартная ошибка / Standard error	t-статистика / t-statistics	p-значение / p-value	Значимость / Importance
Const	-4,55435e-012	2,51329e-012	-1,812	0,0708	нет
X_1	0,142857	1,18734e-013	1,203e+012	<0,0001	Да
X_2	0,142857	1,34168e-013	1,065e+012	<0,0001	Да
X_3	0,142857	0,000000	2,067e+012	<0,0001	Да
X_4	0,142857	0,000000	1,967e+012	<0,0001	Да
X_5	0,142857	0,000000	1,609e+012	<0,0001	Да
X_6	0,142857	0,000000	2,104e+012	<0,0001	Да
X_7	0,142857	1,24418e-013	1,148e+012	<0,0001	Да
Среднее зависимой переменной		6,497619	Стандартное отклонение зависимой переменной		0,238653
Сумма квадратов остатков		2,00e-22	Стандартная ошибка модели		7,53e-13
R-квадрат		1,000000	Исправленный R-квадрат		1,000000

зволюющие личности поступательно и независимо развиваться в конкретный момент времени, исходя из предложенного Л. И. Абалкиным понятия «экономическая безопасность» [28], что также согласуется с понятием, данным С. Н. Сильвестровым, который отмечает, что «система показателей для оценки экономической безопасности должна отражать знание о состоянии экономики как системы, ее сфер (подсистем), всех основных процессов и соотношений в экономике, обеспечивающих ее динамическое равновесие и возможность исполнения ею функций по обеспечению национальных интересов в прогнозируемых условиях, а также позволять укрупненно оценивать результаты функционирования экономики и управления ею» [29].

М. А. Алабичева рассматривает вопросы обеспечения экономической безопасности личности в структуре экономической безопасности государства, аргументируя это тем, что «экономической безопасностью личности является представление ее в качестве готовности и способности личности формировать жизненно необходимый уровень самозащиты и самоопределения в условиях создания институтами государственной власти таких механизмов реализации и защиты жизненно важных интересов личности, при которых можно обеспечивать сбалансированное и устойчивое развитие национальной экономики и государства в целом как саморазвивающейся системы» [30]. В силу того, что автором исследования устанавливаются

жизненно важные интересы личности, принимаемые за показатели экономической безопасности, вопрос взаимосвязи личности с государством в моделях, предложенных в статье, не раскрывается.

Е. В. Романюк формирует факторную модель оценки защищенности экономических интересов личности, учитывающую исключительно вопросы воспроизводства населения. Модель, предлагаемая автором, показывает взаимосвязи между переменными, что позволяет учитывать фактор вероятности, а также содержит минимальное количество необходимых показателей, что делает ее, с одной стороны, универсальной, а с другой стороны — удобной в практическом применении [31].

И. А. Кузнецов, изучая экономическую безопасность потребителя как «состояние и способность человека в соответствующих социально-экономических условиях защищать и реализовывать свое естественное право на определенный уровень качественного существования», утверждает, что «среди множества факторов, характеризующих экономическую безопасность потребителя, экономический фактор является ведущим». Вместе с тем в разработанной автором модели применено предположение о том, что в процессе жизнедеятельности человек действует иррационально, не руководствуясь сугубо экономическим расчетом, поэтому в составе показателей модели присутствуют как материальные (экономические), так и нематериальные факторы [32].

А.В. Графов при создании математических моделей использует оценочные показатели, однако предлагает брать в расчет различные доли некоторых из них [33]. Автором указанное обстоятельство не учитывается по причине исследования конкретных факторов, влияющих на уровень экономической безопасности, поэтому он исходил из равнозначного влияния всех факторов в модели.

ВЫВОДЫ

В ходе исследования получена модель оценки экономической безопасности, учитывающая как материальные, так и нематериальные факторы, влияющие на состояние экономических интересов личности, которая позволяет оперативно анализировать состояние защищенности интересов как в определенный момент времени, так и на протяжении длительного периода. Преимуществом модели является оценка взаимосвязи между входящими в нее переменными.

Определено уравнение множественной линейной регрессии, являющееся значимым, а также показатели, влияющие на общую оценку экономической безопасности.

Результаты исследования могут быть применены статистическими службами, а также кадровыми подразделениями предприятий для получения информации о наличии или отсутствии угроз экономической безопасности конкретной личности.

Кроме того, автор планирует использовать полученные результаты с целью проведения дальнейших исследований и переноса их в практическую плоскость. Так, подобные методы анализа могут быть полезны для оценки защищенности экономических интересов общества, представленного населением региона (муниципального образования), либо сотрудниками предприятия, либо жителями Российской Федерации в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Запыленкова Д.А. Безопасность личности как фактор национальной безопасности (к вопросу об обеспечении безопасности личности в городе Москве). Актуальные направления развития города Москвы и его связей: современные тренды и тенденции. Сб. науч. ст. М.: Восход-А; 2018:19–23.
2. Банк О.А. Экономическая безопасность личности в системе экономической безопасности государства. *Russian Journal of Management*. 2020;8(2):106–110. DOI: 10.29039/2409–6024–2020–8–2–106–110
3. Дубягин Ю.П., Дубягина О.П., Цатурян Э.О. Проблемы экономической безопасности и ее связь с другими видами безопасности государства, общества, личности. *Вестник Московского государственного открытого университета. Москва. Серия: Экономика и право*. 2011;(2):5–8.
4. Дробот Е.В., Вартанова М.Л. Экономическая безопасность: концептуальные основы и оценка обеспечения безопасности личности в странах Евразийского экономического союза. *Экономические отношения*. 2019;9(4):2621–2648. DOI: 10.18334/eo.9.4.41279
5. Колоткина О.А. Экономическая безопасность личности: понятие, место в системе национальной безопасности Российской Федерации. Проблемы взаимодействия публичного и частного права при регулировании экономических отношений. Мат. II Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 16 апреля 2018 г.). Екатеринбург: УрГЭУ; 2018:55–58.
6. Кураян К.А., Дагльдиян А.С., Марченко К.О. Место экономической безопасности в системе национальной безопасности. Проблемы и перспективы развития теории и практики современного менеджмента. Тр. междунар. науч.-практ. конф. Ростов-на-Дону: ЮРИУФ РАНХиГС; 2019:128–131.
7. Акимова Е.С. Индикаторы продовольственной безопасности с позиции обеспечения экономической безопасности личности. *E-Scio*. 2019;(6):649–656.
8. Прошников Д.В. Право личности на безопасность. *Право и общество*. 2013;(2):52–56.
9. Колоткина О.А. Право личности на безопасность: понятие и механизмы обеспечения в РФ (теоретико-правовое исследование). Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: Саратов. гос. акад. права; 2009. 215 с.
10. Степанов О.А. Право, государство и безопасность личности в условиях развития информационно-электронной среды. *Государство и право*. 2004;(11):34–38.
11. Кривонощенко А.С. Право на безопасность личности и его компоненты. *Право.by*. 2017;(4):26–30.
12. Srinita S. Relationship between maternal, household, and socio-economic characteristics and household food security in Aceh, Indonesia. *International Journal of Human Rights in Healthcare*. 2018;11(3):192–203. DOI: 10.1108/IJHRH-10-2017-0065

13. Gangopadhyay P., Suwandaru A., Bakry, W. On the impacts of globalisation on public employment and human security in India: A long-run analysis. In: Chatterji M., Gangopadhyay P., eds. *New frontiers in conflict management and peace economics: With a focus on human security*. Bingley: Emerald Publishing Limited; 2021:103–114. (Contributions to conflict management, peace economics and development. Vol. 29). DOI: 10.1108/S 1572–832320210000029007
14. Ильин П.А. Модель оценки экономической безопасности, полученная с помощью методов корреляционно-регрессионного анализа. *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. 2021;(3):35–42. DOI: 10.18323/2221–5689–2021–3–35–42
15. Авдийский В.И., Сенчагов В.К. Методологии определения пороговых значений основных (приоритетных) факторов рисков и угроз экономической безопасности хозяйствующих субъектов. *Экономика. Налоги. Право*. 2014;(4):73–78.
16. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. *Российский экономический журнал*. 2010;(3):93–100.
17. Буценко И.Н., Москвина Г.Ю. Экономическое развитие России с позиции экономической безопасности. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2016;(3):26–31.
18. Бланк И.А. Основы финансового менеджмента. В 2-х т. Т. 1. Киев: Ника-Центр; 1999. 592 с.
19. Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика. 2-е изд. Пер. с англ. М.: Дело ЛТД; 1995. 864 с.
20. Каранина Е.В. Аналитическая модель риск-системы стратегического управления. *Экономический журнал*. 2011;(3):44–53.
21. Шеремет А.Д., Гармаш М.Г. Комплексная рейтинговая оценка устойчивости развития предприятий. *Аудит и финансовый анализ*. 2017;(3–4):152–157.
22. Томас Р. Количественные методы анализа хозяйственной деятельности. Пер. с англ. М.: Дело и Сервис; 1999. 432 с.
23. Эренберг А. Анализ и интерпретация статистических данных. Пер. с англ. М.: Финансы и статистика; 1981. 406 с.
24. Кейн Э. Экономическая статистика и эконометрия. Введение в количественный экономический анализ. Пер. с англ. М.: Статистика; 1977. 232 с.
25. Озеров А.Е. Социализация человека и базовые потребности личности. *Социально-гуманитарные знания*. 2010;(3):327–334.
26. Ольховиков К.М., Ольховикова С.В. Жизненная карьера личности: понятийные основания исследования феномена. *Дискуссия*. 2017;(4):66–71.
27. Брагина Ю.А. Роль теории А. Маслоу в системе мотивации труда персонала. *Аллея науки*. 2018;6(11):418–422.
28. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение. *Вопросы экономики*. 1994;(12):4–16.
29. Бауэр В.П., Беляев И.И., Булавин А.В., Ворожихин В.В., Воронин В.В., Гайнулин Д.Г., Побываев С.А., Селиванов А.И., Старовойтов В.Г., Трошин Д.В. Экономическая безопасность России: методология, стратегическое управление, системотехника. М.: КноРус; 2018. 350 с.
30. Алабичева М.А. Экономическая безопасность личности как структурная составляющая экономической безопасности государства. *Социально-экономические явления и процессы*. 2014;9(11):9–14.
31. Кузнецов И.А. Экономическая безопасность потребителя: предпосылки методологического дуализма хозяйственного поведения. *Социально-экономические явления и процессы*. 2015;10(3):41–46.
32. Романюк Е.В., Байракова И.В., Трусевич Е.В., Назаренко Г.П. Экономическая безопасность личности и ее оценка в современной России. *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2021;(3):55–62. DOI: 10.18324/2224–1833–2021–3–55–62
33. Графов А.В., Юсупов А.В., Шахватова С.А., Михалев Д.Ю. К вопросу оценки финансового состояния предприятия. *Аудитор*. 2018;4(11):47–51. DOI: 10.12737/article_5bfd010c15f3c8.44982488

REFERENCES

1. Zapylenkova D.A. Personal security as a factor of national security (on the issue of ensuring personal security in the city of Moscow). In: *Current trends in the development of the city of Moscow and its relations: Modern trends and tendencies*. Coll. sci. pap. Moscow: Voskhod-A; 2018:19–23. (In Russ.).

2. Bank O. Economic security of the individual in the system of economic security of the state. *Russian Journal of Management*. 2020;8(2):106–110. (In Russ.). DOI: 10.29039/2409–6024–2020–8–2–106–110
3. Dubyagin Yu.P., Dubyagina O.P., Tsaturyan E.O. Problems of economic security and its connection with other types of security of the state, society, personality. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo otkrytogo universiteta. Moskva. Seriya: Ekonomika i pravo*. 2011;(2):5–8. (In Russ.).
4. Drobot E.V., Vartanova M.L. Economic security: conceptual foundations and assessment of personal security in the countries of the Eurasian Economic Union. *Ekonomicheskie otnosheniya = Journal of International Economic Affairs*. 2019;9(4):2621–2648. (In Russ.). DOI: 10.18334/eo.9.4.41279
5. Kolotkina O.A. Economic security of the individual: Concept, place in the national security system of the Russian Federation. In: Problems of interaction of public and private law in the regulation of economic relations. Proc. 2nd Int. sci.-pract. conf. Yekaterinburg: Ural State University of Economics; 2018:55–58. (In Russ.).
6. Kurayin K.A., Dagldian A.S., Marchenko K.O. The place of economic security in the national security system. In: Problems and prospects of development of theory and practice of modern management. Proc. Int. sci.-pract. conf. Roston-on-Don: RANEPА branch; 2019:128–131. (In Russ.).
7. Akimova E.S. Food security indicators of from the position of ensuring the economic security of the personality. *E-Scio*. 2019. 2019;(6):649–656. (In Russ.).
8. Proshnikov D.V. The right of the individual to security. *Pravo i obshchestvo = Law and Society*. 2013;(2):52–56. (In Russ.).
9. Kolotkina O.A. The right of the individual to security: the concept and mechanisms of security in the Russian Federation (theoretical and legal research). Cand. legal sci. diss. Saratov: Saratov State Academy of Law; 2009. 215 p. (In Russ.).
10. Stepanov O.A. Law, the state and personal security in the conditions of the development of the information and electronic environment. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*. 2004;(11):34–38. (In Russ.).
11. Krivonoshchenko A.S. The right to personal security and its components. *Pravo.by*. 2017;(4):26–30. (In Russ.).
12. Srinita S. Relationship between maternal, household, and socio-economic characteristics and household food security in Aceh, Indonesia. *International Journal of Human Rights in Healthcare*. 2018;11(3):192–203. DOI: 10.1108/IJHRH-10–2017–0065
13. Gangopadhyay P., Suwandaru A., Bakry, W. On the impacts of globalisation on public employment and human security in India: A long-run analysis. In: Chatterji M., Gangopadhyay P., eds. *New frontiers in conflict management and peace economics: With a focus on human security*. Bingley: Emerald Publishing Limited; 2021:103–114. (Contributions to conflict management, peace economics and development. Vol. 29). DOI: 10.1108/S 1572–832320210000029007
14. Ilyin P.A. The model of economic security assessment designed using the methods of correlation and regression analysis. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie = Science Vector of Togliatti State University. Series: Economics and Management*. 2021;(3):35–42. (In Russ.). DOI: 10.18323/2221–5689–2021–3–35–42
15. Avdiiskii V.I., Senchagov V.K. Methodologies for determining threshold values of the main (priority) risk factors and threats to economic security of economic entities. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, Taxes & Law*. 2014;(4):73–78. (In Russ.).
16. Glaz'ev S. Yu. Strategy of advanced development of Russia in the conditions of the global crisis. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal = Russian Economic Journal*. 2010;(3):93–100. (In Russ.).
17. Butsenko I.N., Moskvina G. Yu. Economic development of Russia from the perspective of economic security. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economy and Business: Theory and Practice*. 2016;(3):26–31. (In Russ.).
18. Blank I.A. Fundamentals of financial management (in 2 vols.). Vol. 1. Kiev: Nika-Center; 1999. 592 p. (In Russ.).
19. Fischer S., Dornbusch R., Schmalensee R. Economics. New York: McGraw-Hill Book Co.; 1988. 813 p. (Russ. ed.: Fischer S., Dornbusch R., Schmalensee R. *Ekonomika*. 2nd ed. Moscow: Delo Ltd; 1995. 864 p.).
20. Karanina E.V. Analytical model of the risk system of strategic management. *Ekonomicheskii zhurnal = Economic Journal*. 2011;(3):44–53. (In Russ.).
21. Sheremet A.D., Garmash M.G. Comprehensive rating estimation of corporate sustainability. *Audit i finansovyi analiz = Audit and Financial Analysis*. 2017;(3–4):152–157. (In Russ.).

22. Thomas R. Quantitative methods for business studies. Harlow: Prentice-Hall; 1997. 536 p. (Russ. ed.: Thomas R. Kolichestvennye metody analiza khozyaistvennoi deyatel'nosti. Moscow: Delo i Servis; 1999. 432 p.).
23. Ehrenberg A.S.C. Data reduction: Analysing and interpreting statistical data. London, New York: John Wiley & Sons; 1975. 391 p. (Russ. ed.: Ehrenberg A. Analiz i interpretatsiya statisticheskikh dannyykh. Moscow: Finansy i statistika; 1981. 406 p.).
24. Kane E.J. Economic statistics and econometrics: An introduction to quantitative economics. New York: Harper & Row; 1968. 437 p. (Russ. ed.: Kane E. Ekonomicheskaya statistika i ekonometriya. Vvedenie v kolichestvennyi ekonomicheskii analiz. Moscow: Statistika; 1977. 232 p.).
25. Ozerov A.E. Person's socialization and basic personality's needs. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2010;(3):327–334. (In Russ.).
26. Olkhovikov K.M., Olkhovikova S.V. Life career of personality: Conceptual substantiations of the phenomenon' research. *Diskussiya = Discussion*. 2017;(4):66–71. (In Russ.).
27. Bragina Yu.A. The role of A. Maslow's theory in the system of personnel labor motivation. *Alleya nauki = Alley-Science*. 2018;6(11):418–422. (In Russ.).
28. Abalkin L.I. Economic security of Russia: Threats and their reflection. *Voprosy ekonomiki*. 1994;(12):4–16. (In Russ.).
29. Bauer V.P., Belyaev I.I., Bulavin A.V., Vorozhikhin V.V., Voronin V.V., Gainulin D.G., Pobyvaev S.A., Selivanov A.I., Starovoitov V.G., Troshin D.V. Economic security of Russia: Methodology, strategic management, system engineering. Moscow: KnoRus; 2018. 350 p. (In Russ.).
30. Alabicheva M.A. Economic security of the personality as structural component of economic security of the state. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy = Social and Economic Phenomena and Processes*. 2014;9(11):9–14. (In Russ.).
31. Kuznetsov I.A. Economic security of the consumer: Prerequisites of methodological dualism of economic behavior. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy = Social and Economic Phenomena and Processes*. 2015;10(3):41–46. (In Russ.).
32. Romanyuk E.V., Bairakova I.V., Trusevich E.V., Nazarenko G.P. Economic security of the individual and its assessment in modern Russia. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*. 2021;(3):55–62. (In Russ.). DOI: 10.18324/2224–1833–2021–3–55–62
33. Grafov A., Yusupov A., Shahvatova S., Mikhalev D. To the question of assessing the financial condition of the company. *Auditor*. 2018;4(11):47–51. (In Russ.). DOI: 10.12737/article_5bfd010c15f3c8.44982488

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Петр Андреевич Ильин — аспирант общеакадемической аспирантуры Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Россия

Petr A. Ilyin — postgraduate student of the General Academic Postgraduate School of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA), Moscow, Russia
<http://orcid.org/0000-0001-9406-8177>
 Ilyin-petr@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила в редакцию 23.05.2022; после рецензирования 25.05.2022; принята к публикации 06.07.2022.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was submitted on 23.05.2022; revised on 25.05.2022 and accepted for publication on 06.07.2022.
The author read and approved the final version of the manuscript.